

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 9

**ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
И АФРИКАНИСТИКА**

2022 – 4

Издается с 1972 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 9.2

МОСКВА 2022

DOI: 10.31249/rva/2022.04.00

*Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук*

Отдел Азии и Африки

Редакционная коллегия серии
«Востоковедение и африканистика»:

В.С. Мирзеханов – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, главный редактор,
А.В. Гордон – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, зам. главного редакто-
ра, *Д.В. Михель* – д-р филос. наук, ИНИОН РАН, ответственный
секретарь, *Д.М. Бондаренко* – д-р ист. наук, член-корреспондент
РАН, ИАФР РАН, *Т.К. Кораев* – канд. ист. наук, ИСАА МГУ,
М.С. Мейер – д-р ист. наук, ИСАА МГУ

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гумани-
тарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Восто-
коведение и африканистика» // Information and analytical journal «Social
Sciences and Humanities: Domestic and Foreign Literature». Series 9:
«Oriental and African Studies». До 2021 г. выходил под названием: Рефе-
ративный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и
зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика».
Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ISSN 2219-8822

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМАЦИИ. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Гордон А.В. Великое замещение – доктрина войны цивилизаций	5
--	---

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Пряжникова О.Н. Мегатенденции, влияющие на развитие стран Африки, и возможности адаптации к ним на современном этапе	22
Демидов К.Б. Катар – нарождающаяся региональная «сверх-держава» и ее внутренние проблемы	35

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

Кудаяров К.А. Аналитические центры Таджикистана	52
---	----

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Сидорова С.Е. О неприкасаемых и прикосновениях: символическо-материальные атрибуты необуддийской традиции в Нагпуре	70
Михель Д.В., Михель И.В., Малиновская О.Г. Эпидемии и история здравоохранения в Китае в XX веке	94
Мозиас П.М. Трансмиссионный механизм денежной политики в Китае	122
Агафонова Я.В. Отношение правительства и общества Республики Корея к ГМО	150
Филиппов Д.А. Краткая история политических убийств в Японии: от Ито до Абэ.....	163

CONTENTS

FORMATIONS. CIVILIZATIONS. GLOBALIZATION

Gordon A.V. Great replacement is the doctrine of the war of civilizations	5
---	---

AFRICA. NEAR AND MIDDLE EAST

Pryazhnikova O.N. Megatrends influencing the development of African countries and opportunities of adapting to them at the current stage	22
Demidov K.B. Qatar – the Emerging Regional “Superpower” and Its Internal Problems	35

CENTRAL ASIA AND THE CAUCASUS

Kudayarov K.A. Think Tanks in Tajikistan	52
--	----

SOUTH, SOUTHEAST AND EAST ASIA

Sidorova S.E. untouchables and touches: symbolic and material attributes of the neo-buddhist tradition in Nagpur	70
Mikhel D.V., Mikhel I.V., Malinovskaya O.G. Epidemics and the History of Public Health in Twentieth-Century China	94
Mozias P.M. Ways of a Monetary Pass-Through in China’s Economy	122
Agafonova Ya.V. The attitude of the government and society to GMO in the Republic of Korea	150
Filippov D.A. A brief history of political assassinations in Japan: from Ito to Abe	163

ФОРМАЦИИ. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

ГОРДОН А.В.* «ВЕЛИКОЕ ЗАМЕЩЕНИЕ» – ДОКТРИНА ВОЙНЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ¹.

Аннотация. Широкомасштабная межконтинентальная миграция, захлестнувшая страны Запада, оживила идеологемы глобального цивилизационного конфликта, предсказанного С. Хантингтоном более полувека назад. Восприятие такого конфликта в общественном мнении Запада поглотило бытовавшие социально-экономические разломы и дало им новое выражение. Так появилась доктрина «великого замещения» Р. Камю о смене коренного населения европейских стран выходцами из Африки и Азии. Развита Э. Земмуром доктрина была осмыслена как угроза европейской цивилизации и французской идентичности со стороны ислама. Оказавшаяся в центре президентской кампании 2022 г. эта угроза способствовала подвижке общественного мнения страны в сторону национал-радикализма и политическому успеху праворадикальных сил. Ожесточенная полемика о французской идентичности затронула глубинные пласты национального сознания, актуализировала коллизию ее универсальности и специфичности, инклюзивности и эксклюзивности. Адепты «великого замещения» протестуют против складывающейся мультикультурности Фран-

* Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

¹ Автор статьи выражает признательность сотруднице Отдела глобализации ИНИОН РАН Екатерине Леонидовне Ушковой за помощь в переводах современной французской политической лексики и заведующей Отделом глобализации Наталии Юрьевне Лапиной за конструктивную критику первоначального варианта статьи.

ции, добиваясь возвращения к политике ассимиляции, проводившейся в колониальную эпоху, при Третьей и Четвертой республиках.

Ключевые слова: война цивилизаций; «великое замещение»; С. Хантингтон; Р. Камю; Э. Земмур; иммиграция; ислам; французская идентичность; национал-радикализм; дело Дрейфуса.

GORDON A.V. Great Replacement is the doctrine of the war of civilizations.

Abstract. Large scale intercontinental migration flooded the West has revived the ideologemes of global civilizational conflict predicted by S. Huntington over half a century ago. The perception of such a conflict in the Western public opinion has absorbed the existing socio-economic chasms and has given them a new expression. Thus, R. Camus' doctrine of the «great replacement» of the indigenous population of European countries by natives of Africa and Asia was born. Further developed by E. Zemmour, the doctrine was understood as describing the threat to European civilization and specifically to French identity from Islam. This threat, which was in the center of the presidential campaign of 2022, contributed to a shift of the public opinion of the country towards national-radicalism and to the political success of the right-wing political forces. The fierce polemics about French identity perpetrated into deep layers of the national consciousness, actualized the collision between universality and specificity, inclusiveness and exclusiveness. The adherents of the «great replacement» protest against France's emerging multiculturalism, seeking a return to the assimilationist policies of the colonial era, in the times of the Third and Fourth Republics.

Keywords: war of civilizations; S. Huntington; great replacement; R. Camus; E. Zemmour; immigration; Islam; French identity; national-radicalism; Dreyfus affair.

Для цитирования: Гордон А.В. «Великое замещение» – доктрина войны цивилизаций // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 4. – С. 5–21. DOI: 10.31249/rva/2022.04.01

Концепт «великого замещения (*Grand Replacement*)» не-оригинален до банальности и прост до трюизма: подразумевается

глобальный этно-демографический процесс, в результате которого большинство населения европейских стран и конкретно Франции будут составлять неевропейцы, выходцы из стран Африки и Азии. Однако примитивно расовая суть прикрыта интеллектуальной оболочкой, позволяющей концепту претендовать на новую доктрину.

Во-первых, это претензии на научность и объективность. Указывается на масштабы современной трансконтинентальной миграции, напоминающей «великое переселение» народов на заре нашей эры. Присовокупляется фактор фертильности, более высокой рождаемости среди афро-азиатских мигрантов, осевших в Европе и образовавших устойчивые диаспоры.

Во-вторых, вводится фактор исключительно модной в последнее время глобальной геополитики и указывается виновник новой «тектонической катастрофы», приводящей к расовой чистке европейских стран. Это мировые элиты, которые таким способом рассчитывают обеспечить свое господство: коли они не могут получить поддержку своего народа, можно постараться его поменять.

В-третьих, и это представляет предмет данной статьи, чтобы осуществить свой коварный замысел и парализовать сопротивление коренного населения европейских стран, элиты добиваются его деморализации, проводя политику «великого обескультуривания» (*Grande Déculturation*)), т.е., отчуждения коренного европейского населения от своих корней.

Европейцам навязывается чуждая им цивилизация, наиболее опасной угрозой считается ислам¹. С ним адепты «великого замещения» выбирают на утрамбованную многими и многими столетиями почву конфронтации христианства с исламом, вспоминая о христианских корнях европейской цивилизации, а заодно афишируя свою принадлежность или приобщение к ним, что выглядит достаточно странно в секуляризованных обществах современной Европы² и особенно Франции, где республиканский строй утвердился на принципах деконфессионализации (равноудаленности государства от всех религий) и так называемой светскости (*laïc-*

¹ На тему исламской угрозы во Франции существует обширная, в том числе отечественная литература см.: [6].

² Из новейшей литературы см.: [4].

цизм), которые в конфронтации с исламом защищали до последнего времени даже правые радикалы. Между тем именно в конфессиональном контексте подчеркнутого обращения к христианским «корням» исходная расовая идея обретает вполне благопристойную с точки зрения существующей в Европе политкорректности оболочку «столкновения цивилизаций»¹, об опасности которого еще полвека назад предупреждал авторитетный американский политолог Сэмюел Хантингтон.

Возникает вопрос: почему доктрина, претендующая на защиту всей христианской цивилизации, глобальный этнодемографический характер и вскрытие тектонических подвижек в мировом историческом процессе, оказалась в центре идейно-политической жизни одной Франции, превратив жизнь важнейшей европейской страны накануне недавних президентских выборов в арену столкновения верующих и неверующих в перспективу «великого замещения».

Франция в меньшей степени ощутила эффект последнего нашествия беженцев с мусульманского Ближнего Востока, так что доля мигрантского населения и его демографический состав изменились менее значительно, чем, например, в соседней Германии [19]. И не случайно сейчас лишь более половины (57%) французов озабочены численностью иммигрантов [26]. Сокрушительные акты массового террора исламистских боевиков последовали в 2015 г., и пика общественно-политической реакции на те трагические события, казалось, следовало бы ожидать раньше. Реальной, не фантомной угрозой политическому режиму в первом президентстве Э. Макрона оказался не исламский терроризм, а скорее волны пандемии, да выходцы из французской глубинки, прибегшие к деструктивным антисоциальным действиям во имя своих партикуляристских, хотя и законных интересов.

Полноценная оценка значения этих угроз в духовном плане и дает, думаю, ключ к пониманию алармистской истерии, сопровождавшей французскую президентскую кампанию 2022 г. Действовавший и подтвердивший в конечном счете свою легитимность президент Эммануэль Макрон озвучил в 2017 г. девизом

¹ Замечу, что у Хантингтона речь шла именно о «столкновении (clash)» цивилизаций [см. 13], а милитарный аспект его концепция приняла в российском политологическом обиходе.

собственного правления возрождение «величия Франции (*Grandeur Française*)»¹ [1; 10]. Он связал острейший вопрос отставания страны в переходе к экономике высоких технологий с духовным состоянием французского общества.

«Эмманюэль Макрон, – пишет редактор авторитетного делового издания, газеты “Эко”, – делает ставку, характерную для него: Франция сможет воспрять в полном смысле этого слова, т.е., действительно восстановит уверенность в себе и свой динамизм только в том случае, если вернет свое Величие. Его “определенное представление о Франции”² совпадает с представлением Шарля де Голля и его прославленных предшественников. Имеется в виду нация, которая осознает свое предназначение, которая несет послание миру, которая, будучи наделена свободой, равенством и братством, представляет собой идеал родины. Отказаться от уязвленного Величия – таков был курс на протяжении последних 40 лет: подчиняться экономической необходимости, ориентироваться на пример других, этих “маленьких” шведов, этих “средненьких” канадцев или этих далеких новозеландцев, которые преподают нам уроки успешности³. Эммануэль Макрон придерживается прямо противоположного мнения. Если дела во французской экономике идут плохо, так это потому, что ее конкурентоспособность испытывает ограничения, необходимо освободить дух творчества/.../. Дело тут совсем не в Конституции, нужно оставить бесполезные споры о Шестой республике⁴, дело тут опять же в “состоянии духа”. Новейшие экономические исследования констатируют, что все коренится в “поведении”, другими словами, индивидуальной и коллективной психологии/.../. Франция станет по-настоящему динамичной только в том случае, если она будет французской, обратится к своим корням, культуре, творческому духу, а также соци-

¹ Термин, встречающийся в названиях улиц французских городов.

² Название книги де Голля, провозгласившего, что Франция может быть только великой или никакой.

³ Имеется в виду так называемый жискардизм, политический курс, озвученный Валери Жискар д’Эстеном (*giscardisme*) и подразумевавший ослабление роли государства в модернизации страны. См. также: [10].

⁴ Подразумевается отказ от принципа сильной президентской власти, заложенного в основание Пятой республики [см. 8].

альной справедливости и стремлению вернуть достоинство человеку труда и гражданину» [24].

Однако обращенная к национальной гордости вдохновляющая программа обновления Франции на путях либеральных экономических реформ [1; 11] была сорвана обстоятельствами, часть которых можно было предвидеть и оказавшихся в другой части совершенно непредвиденными. Начались протестные выступления «желтых жилетов», которые не увидели, да и не могли найти себе места в президентской программе обновления и которые при их сравнительной малочисленности выражали настроения очень значительной депрессивной периферии, озабоченной сохранением стабильности своего материального положения на основе бытовавшей десятилетиями практики наращивания государственных субсидий в социальной сфере (политика *République protectrice*, радикальная французская вариация «социального государства» [5; 9]).

Довершила срыв реформ пандемия COVID-19, борьба с которой потребовала не только огромных вложений в социальную сферу, но и репрессивных ограничений публичного пространства, оттолкнувших от президента многочисленных приверженцев либеральной демократии. К моменту президентских выборов 2022 г. духовная атмосфера стала опускаться в ту пучину упаднических настроений (*déclinisme*) [7; 10], выбраться из которой преследовала своей целью программа «величия Франции», провозглашенная Макроном.

«У двух третей французов есть ощущение, что Франция находится в упадке, указывают данные опроса, проведенного институтом CSA¹ в сентябре 2021 г. Этот страх постоянно возвращается вследствие текущих событий» [21]. Хотя авторы статьи в католической газете (не они одни это делают, и подобные опровержения звучали при атаке на республиканские институты национал-радикалов еще в конце XIX в.²) последовательно опро-

¹ Conseil supérieur de l'audiovisuel.

² В ряду соответствующих текстов хочу обратить внимание на доклад автора многотомной «Истории французской нации» Габриеля Аннот для академического форума. Дело в том, что «большая» Академия оказалась в известной части на стороне «антидрейфусаров», поддержав национал-радикалов: 22 ее члена подписали манифест Лиги защиты французского отечества против пересмотра дела, уже когда обнаружилось свидетельство подлога. Таким образом, текст Ан-

вергают представление об экономическом упадке Франции, политическая повестка дня в избирательной кампании складывалась под влиянием всевозможных и все возрастающих, как писала «Фигаро», страхов, источниками которых служили медицина, климат, экономика и больше всего – миграция [23].

Как подчеркивают авторы статьи в «Фигаро», главный редактор журнала «Ревю политик э парламентар» Жером Сент-Мари и основатель Института общественного мнения PollingVox¹ Бенедетти Арно, страх может оказаться «двигателем истории». «Он сплачивает и разрушает общества, становится основой их организации, так же как дезорганизации. И напоминание об этом больше, чем когда-либо, отмечаешь в центре коллективного поведения, поскольку фантомы озабоченности становятся определяющими в вопросах прогресса, осложненного противоречивыми устремлениями и иногда прямо противоположными представлениями. Кризисы оказываются повсеместно/.../, создавая впечатление бесконечного кризиса» [там же].

В такой политической ситуации идеология восстановления французского Величия девальвировалась в патетику «войны цивилизаций», национальное обновление – в идеологемы «великого замещения», вера в республиканские институты – в конспирологию. По результатам выборочного обследования 2018 г., проведенного Французским институтом общественного мнения (IFOP), видно, что около половины респондентов выборки согласны (48%: 17% – полностью согласны, 31% – скорее согласны) с высказыванием, что «великое замещение» – это «политический проект замещения одной цивилизации другой, сознательно проводимый нашими политическими, интеллектуальными и медийными элитами, и ему необходимо положить конец, отправив тех людей туда, откуда они прибыли»².

ноту важен и для оценки эволюции позиции французской академической элиты (см.: Hanotaux G. La France est-elle en décadence ? Séance publique annuelle des cinq Académies le 25 octobre 1901. – URL: <https://www.academie-francaise.fr/la-france-est-elle-en-decadence> (дата обращения 5.07.2022)).

¹ Société d'études et de conseil spécialisée dans les enjeux d'opinion.

² de Montvalon J.-B. Les théories du complot bien implantées au sein de la population française // Le Monde. – 2018. – 7 janvier.

Аналогичное обследование, проведенное Challenges-Harris Interactive накануне избирательной кампании, в мае 2021 г. показало, что общественное мнение страны буквально подавлено страхами «великого замещения»: две трети французов уверовали в «замещение» (61% в его пришествие, 67% в такую возможность). Страх поразил приверженцев различных политических ориентаций, хотя, что многозначительно, крайне неодинаково. Среди сторонников президента уверовавших только половина, а другая не верит в такую возможность, между тем в праворадикальной части общественно-политического спектра, среди сторонников «Национального объединения» Марин Ле Пен обеспокоенных 93% [26].

Заслуживает внимания комментарий проводивших обследование. Они заключают, что речь идет не о реальном феномене «замещения» (как утверждал Камю), а о реакции на него, и именно такая реакция оказывается в центре «нынешних общественных дебатов» [там же].

Вброс в политическую повестку дня фантомов коллективного сознания, питаемых ожиданием этнических катаклизмов, до крайности напоминает, казалось бы, давно изжитую страной ситуацию, явленную при Третьей республике в связи с печально знаменитым «делом Дрейфуса»¹. Республиканский режим никак не мог укрепиться, страна раздиралась антагонизмами, теряя международные позиции и подвергаясь угрозам со стороны могущественного соседа. Поражением во Франко-прусской войне 1870–1871 гг. и капитуляцией, отягощенной огромной контрибуцией и аннексией пруссаками двух исторических провинций – Эльзаса и Лотарингии, французское национальное сознание было крайне уязвлено. Самые серьезные последствия это имело «не столько для гордости народа, сохранявшего убеждение в своем величии, сколько, – указывает Кристоф Прохассон, – для существа его идентичности». Поиск национальной идентичности в далеком прошлом, характерный для нового национализма², утверждает ис-

¹ Об основных линиях раскола, произошедшего во французском обществе, см.: [3, с. 158–167]. Об устойчивых стереотипах исторического сознания в определении национальной идентичности см.: [14].

² В сравнении с оптимизмом и обращенностью в будущее в национализме Великой французской революции и ее наследии (Гюго, Мишле, Гамбетта).

торик, был не чем иным, как «реакцией на чувство упадка» [23, р. 67].

Переживание национального упадка сделалось пропагандистским приемом ультраправых в борьбе с республиканским строем. Упадок объявлялся наследием Революции 1789 г., разрушившей Старый порядок, поэтому он подлежал яростному живописанию, вплоть до эстетизации. Особенно на этой ниве преуспел Морис Баррес¹, в котором усматривают предтечу современного французского национал-радикализма.

«Подобно своим учителям Тэну и Фюстелю де Куланжу, – пишет Клод Дижон, – Баррес видел Францию больной/.../. Он воспевал беспокойство и нагнетал тревогу. Земля и могилы предков – вот его девиз/.../. В созерцании кладбищ Баррес искал свой путь/.../, упиваясь запахом смерти». Дух упадничества полезен, уверял он, ибо порожденные им «яростные националистические страсти необходимы побежденным народам» [16, р. 431–432].

Объектом националистических страстей сделались этнические предрассудки, сфокусированные на антисемитизме. Для ультраправых тот явился находкой, как откровенно признавал важнейший их идеолог, создатель «Аксьон франсез» Шарль Моррас: «Все казалось невозможным или трудно осуществимым без этого провиденциального антисемитизма. Благодаря ему все упорядочивается, выравнивается и упрощается» [22, р. 129].

В антисемитизме – и в этом секрет успеха ультраправой агитации, обеспечившей национал-радикалам ранее не достававшуюся массовую поддержку, – слились средневековые религиозные предрассудки и фрустрации определенных слоев общества, обойденных историческим процессом. В представлении последних евреи воплощали все зло новоевропейской цивилизации Модерности: власть денег, дымящие трубы заводов, разрушение сельского уклада жизни, контрасты капиталистического города, наконец, то, что теперь окрестили «глобализацией».

«Торжеством еврейства» назвал Всемирную выставку 1889 г. зачинатель антисемитской кампании, публицист Эдуард-Адольф Дрюмон, «автор бессмертного труда» о засилии евреев во Фран-

¹ Характерно для Франции, что идеологами национал-радикализма обычно становились литераторы, в том числе представители первого ранга французской литературы.

ции [10]¹, как говорилось в эпитафии на его могиле, выбитой в 1942 г. (и уничтоженной распоряжением мэрии Парижа в 2002 г.). С мрачным восторгом описывал он посещение Всемирной выставки: «Еврей сделал из нее образец своих идей. Этот гигантский базар; этот шатер, более величественный, чем дворец; этот Номадизм, струящийся золотым дождем и покрытый пурпуром; это последнее слово Модернизма – башня, напоминающая о Вавилонской башне и ее происхождении; это низменная магия со своим лживым сиянием» [22, р. 69]².

При таком мироощущении не имело значения, что евреев во Франции (по данным 1914 г.) было 0,2% населения – 80 тыс. жителей нескольких крупных городов. Важно, что этот народ воплощал, как пишет М. Винок, «в самом чистом виде» Другое или Другого [22, р. 13], чужеродное начало во французском обществе, от которого надлежало избавиться. В соответствии с роялистско-клерикальной традицией чуждыми французской идентичности объявлялись также протестанты и масоны. В XX в. пространство ксенофобии поступательно расширялось.

Особым предметом тревоги за французскую идентичность сделалось возрастание числа иммигрантов, которое сопровождалось все большими сложностями с их ассимиляцией. Крупнейший исследователь иммиграции Жерар Нуарьель фиксирует три волны страхов, распространявшихся во Франции в XX в.

Из правоведческой диссертации 1914 г.: «Всегда ли мы можем побудить интервентов (*envahisseurs*) принять наши нравы, нашу цивилизацию/.../? Успешно ли происходит ассимиляция? Недвусмысленные симптомы, кажется, указывают на то, что мы приближаемся к точке насыщения. Наши обычаи пронизаны экзотизмом, наш язык засорен иностранными выражениями, самой нашей безопасности угрожают опасные элементы, которых привлекают наши богатства и которым снисходительные законы никак не препятствуют».

¹ Пространный (1200 стр.) памфлет Дрюмона «Еврейская Франция», изданный в конце 1885 г., сделался бестселлером, открыв серию подобных публикаций (по несколько дюжин ежегодно), которые психологически подготовили общественное мнение к «Делу Дрейфуса».

² «Вавилонской башней» в воображении Дрюмона оказалось творение Эйфеля, сооруженное к открытию Выставки.

Из журналистского бестселлера 1931 г.: «Теперь, когда компактные полчища иностранцев утвердились на нашей территории и когда в некоторых округах молодые чужестранцы превосходят числом местную молодежь, проблема принимает совсем другой оборот, и мы вынуждены заключить, что среди нас формируются этнические меньшинства».

Из «Фигаро-магазин» 26 октября 1985 г.: «Останемся ли мы еще французами через 30 лет?» (Смысл риторики наглядно передавало изображение символа Республики Марианны, затянутой в чадру) [12, р. 321].

Тема иноплеменного этнокультурного вторжения и особенно поступательного утверждения цивилизации ислама на французской земле развивалась в бесчисленных публицистических продуктах, а также в романах из жанра антиутопии. Самыми значительными по степени таланта авторов и влиянию на общество можно считать «Лагерь святош» Жана Распая и «Покорность» Мишеля Уэльбека. Роман Распая вышел еще в 1973 г. и в известных кругах французского общества почитается романом-пророчеством о гибели европейской цивилизации под давлением неевропейских масс, оказавшихся на их земле благодаря сочувствию европейцев их нищете и доброй воле правительств. Конкретно у Распая это миллион мигрантов с берегов Ганга, высадившихся на Лазурном Берегу и полностью подчиняющих жизнь Прованса своим нравам и обычаям [28].

Роман Уэльбека, вышедший в 2015 г. накануне террористических акций исламистских организаций, был уже вполне конкретным предсказанием краха европейской цивилизации во Франции в результате победы на президентских выборах 2022 г. представителя «Мусульманского братства». Уэльбек использовал сложившуюся в массовом сознании и литературе тему правоверного мусульманского правителя Франции, оказавшегося в Елисейском дворце, притом что последствия для судьбы французской интеллигенции выписаны с присущим автору художественным талантом [12].

Расстановка сил в президентской кампании 2022 г. и ее исход оказались совершенно иными, чем описано в романе; однако излишне опровергать футуристические предположения писателя политическими реалиями. Он достоверно и проникновенно отоб-

разил дезориентированность и депрессивность в хорошо ему знакомой интеллигентской среде, но главное – ярко и эмоционально выразил распространенные во французском обществе страхи¹, которые и создали благоприятную почву для вброса и выдвижения в центр общественно-политической жизни концепта «великого замещения».

Автор, французский литератор² Рено Камю (род. 1946 г.), по собственному утверждению, пришел к этой идее по наитию (видимо, как Моррас к антисемитизму). Его буквально осенило, что в нарастании массовой иммиграции афро-азиатских выходцев в европейских странах кроется своекорыстие элит – политических, экономических, интеллектуальных – этих стран.

Если отрешиться от области подсознания этой незаурядной личности, можно сказать, что сложилась благоприятная обстановка, и Камю почувствовал возможность проявить свои амбиции. А амбиции у него соответствовали господствующим в обществе настроениям. Начинал он с отстаивания левых политических позиций, из-за чего подвергся изгнанию из родительской старомодной буржуазной семьи³. В 1970–1980-х годах в художественных произведениях высказывался в поддержку педофилии. В 1990-х отметился антисемитизмом. Следующим этапом сделались выступления против мусульманской иммиграции с начала 2010-х годов, ознаменовавшиеся выходом в свет книги «Великое замещение» [15]. В 2014 г. был приговорен к штрафу Исправительным трибуналом за выступление на конференции по «исламизации»,

¹ Кратко стоит отметить, что подобные страхи разделялись далеко за пределами Франции. Австралийский террорист-одиночка, расстрелявший в Новой Зеландии около сотни аборигенов, вдохновлялся концептом «великого замещения». Он заявлял, что отчаяние при виде того, как Эмманюэль Макрон – «интернационалист, глобалист, противник белых», вероятный сторонник «массовой» иммиграции – побеждает [на выборах] в 2017 г. Марин Ле Пен, стало одним из детонаторов его убийственного безумия. А также созерцание, во время пребывания во Франции, страны, где «захватчики были повсюду», убедило его в необходимости перейти к действиям [31].

² Камю принадлежит более 160 литературных произведений, а также альбомы рисунков и фотографий собственной работы.

³ Следствием стало обретение псевдонима, к чему он впоследствии прибегал неоднократно.

где мусульмане были объявлены воинством захватчиков, цель которых заменить французский народ и его цивилизацию исламом.

Между тем идеи Камю стали внедряться во французском общественном мнении, второе дыхание их распространению придал журналист и политик, «пандит¹ французского телевидения», как его окрестили коллеги, Эрик Земмур (род. 1958 г.). Свою политическую программу он выстроил вокруг лозунга Реконкисты, назвав свою партию «*Reconquête* (Отвоевание)». Имея в виду исторический пример изгнания мусульман² с Пиренейского полуострова, Земмур задумывает «отвоевание» Франции у ислама во имя торжества христианства. Находясь в Армении в древнем монастыре на границе с Турцией, он выступил провозвестником «великой конфронтации христианства с исламом», которая некогда началась на этих рубежах и «ныне возобновилась» [29]. Победоносное христианство, считает Земмур, вернет Францию к ее цивилизационным истокам и благодаря этому возвратит ей величие после десятилетий упадка.

Борьба с исламом во Франции должна происходить, по Земмuru, именно на цивилизационном уровне. Он требует «обнуления» иммиграции, т.е. прекращения доступа во Францию иммигрантов, прибывающих из Африки и Ближнего Востока. Стране надлежит отказаться от мультикультурализма и вернуться к утвержденному во времена Третьей республики курсу на ассимиляцию иммигрантов. В предвыборной программе Земмура специальный раздел был посвящен этой теме: «Возобновить ассимиляцию, чтобы переделать французов». И Земмур обещает: «Я переделаю французов благодаря подлинной политике ассимиляции».

Предлагается:

«Снова сделать из школы горнило (*un creuset*)³ выделки ассимилированных французов, возобновив в начальной школе образование в национальном духе (*récit national*), представив и внушив

¹ В современном англоязычном журналистском дискурсе интеллигент, мнение которого авторитетно в СМИ.

² То, что одновременно остракизму были подвергнуты евреи-сефарды, Земмур, очевидно сефард по происхождению, умолчал.

³ Возможен перевод «котел» по ассоциации с популярным концептом американского ассимиляционного процесса.

(учащимся) любовь к истории нашей страны. Поощрить знание великих литературных произведений, чтобы все французы с самого юного возраста владели французским языком. Дать возможность всем юным французам добиться успеха в школе без угрозы подвергнуться осуждению со стороны среды, из которой они происходят, а для этого расширить сеть специальных интернатов для лучших учеников средней школы. Восстановить школьную форму, чтобы ликвидировать различия в одежде, которые способствуют коммюнитаризму, школьным преследованиям, социальному неравенству. Покончить с приглашением преподавателей из арабских стран и Турции в рамках EILE = Enseignements Internationaux de Langues Etrangères¹. Предложить на референдуме закон об именах для новорожденных, с тем чтобы первое имя устанавливалось на основании французского и региональных календарей или выдающихся людей античной и библейской истории. Дать возможность ежегодно 10 000 юношей проходить добровольную военную службу для лучшей ассимиляции с национальным сообществом. Учредить великое министерство Мира знаний (Etat du savoir) и (их) распространения, объединяющее государственное просвещение, высшее образование и культуру» [32].

Легко заметить, что автор старательно приравнивается к режиму официальной политкорректности: никаких упоминаний ислама или афро-азиатского происхождения иммигрантов, нет даже отсылки к иммиграции. Программа обращена ко всем французам, преследуя цель их воспитания со школьных лет в надлежащем патриотическом духе. В деталях она безусловно полезна: знание французской истории, литературы, языка в целом выглядит повторением прошлого, воспроизведением опыта канувшей в Лету колониальной школы, где африканские, арабские, вьетнамские детишки декламировали «Наши предки – галлы». И целью их обучения было воспитание профранцузской колониальной элиты «продвинутых (évolue)».

В ответ на обнаруженное Камю «великое обескультуривание», отчуждение коренных французов от их цивилизационных корней Земмур предлагает отчуждение выходцев из афро-азиатских стран от цивилизационного наследия их предков. Вызы-

¹ Программа преподавания иностранных языков их носителями.

вает удивление, что выходец из колониального Алжира игнорирует труды Октава Маннони, Альбера Мемми, Франца Фанона, описавших последствия для туземной интеллигенции политики ассимиляции с разрушительным раздвоением личности, оказавшейся на «рубеже культур» [2; 25; 30]. Между тем эта ситуация подверглась художественному отображению и аналитической рефлексии во многих произведениях эпохи деколонизации, красноречиво связывавших личностный кризис в среде формировавшейся колонизаторами интеллигенции с ее вступлением в национально-освободительное движение. Пророческой в этом отношении стала книга Фанона «Черная кожа, белые маски» (1952) о неврозах темнокожего интеллигента из колоний во Франции [20].

Понимая невозможность «реконкисты» в полном историческом смысле изгнания иммигрантов-мусульман из Франции, Земмур помимо демографического «обнуления» (прекращения иммиграционного притока) приходит к идее цивилизационного «обнуления», очищения французского общества от наследия неевропейских цивилизаций, начисто отрицая возможность «диалога культур» и их взаимообогащения. Даже в облагороженном, цивилизованном виде доктрина «великого замещения», получается, грозит Франции утратой универсальности ее идентичности, того исторического предназначения ее цивилизации, которая, как считают приверженцы идеи Французского величия, «несет послание всему миру» [24].

Список литературы

1. Бунин И.М. Выборы Макрона, или Выбор Франции: французская политика в 2017–2018 годах. – Москва : Школа гражданского просвещения, 2018. – 200 с.
2. Гордон А.В. Проблемы национально-освободительной борьбы в творчестве Франца Фанона. – Москва : Наука, ГРВЛ, 1977. – 240 с.
3. Гордон А.В. Историческая традиция Франции. – Москва : Контент-Пресс, 2013. – 368 с.
4. Инглхарт Р. Неожиданный упадок религиозности в развитых странах (orig. title: Religion's Sudden Decline: What's Causing it, and What Comes Next?) / пер. с англ. яз. Н.Ю. Фирсова. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета, 2022. – 238 с.
5. Клинова М.В. Государство-покровитель: социальное государство на перепутье // Современная Европа. – 2019. – № 2. – С. 151–162.

6. Лапина Н.Ю. «Исламский фактор» и общественно-политическая дискуссия по вопросам иммиграции в современной Франции // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2021. – Т. 65, № 11. – С. 97–105.
7. Лапина Н.Ю. Общество утраченных иллюзий // *Актуальные проблемы Европы*. – 2021. – № 3. – С. 85–112.
8. Медушевский А.Н. Сравнение конституций России и Франции: дуалистическая система и ее трансформация // *Политические институты России и Франции: традиции и современность : сборник научных трудов / Ефременко Д.В., Лапина Н.Ю. (ред.)*. – Москва : ИНИОН РАН, 2014. – С. 81–112.
9. Преображенская А.А. Франция в XXI веке: социальные проблемы и реформы // *Социальное государство в зеркале общественных трансформаций / Садоява Е.С., Цапенко И.П., Гришин И.В. (ред.)*. – Москва : ИМЭМО РАН, 2020. – С. 136–150.
10. Рубинский Ю.И. Приметы времени : в 3-х томах. – Москва : Институт Европы РАН, 2018. – Т. 2 : Франция: незаконченная модернизация. – 422 с.
11. Семено Г.В. Неолиберальный реванш Эммануэля Макрона // *Актуальные проблемы Европы*. – 2021. – № 3. – С. 54–84.
12. Уэльбек М. Покорность / пер. с фр. яз. М. Зониной (orig. title: *Soumission*). – Москва : АСТ, 2019. – 352 с.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций : пер. с англ. яз. (orig. title: *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*). – Москва : АСТ, 2003. – 603 с.
14. Чеканцева З.А. Память и национальная идентичность в исторической культуре Франции // *Диалог со временем*. – 2017. – Вып. 59. – С. 54–80.
15. Camus R. *Le grand remplacement: Introduction au remplocisme global*. – 6-е édition. – Paris : La Nouvelle Librairie, 2021. – 568 p.
16. Digeone C. *La crise allemande de la pensée française (1870–1914)*. – Paris : PUF, 1959. – 576 p.
17. Drumond E.-A. *La France juive : Essai d'histoire contemporaine*. – Paris : C. Marpon ; E. Flammarion, 1880. – Т. 1–2.
18. En qu (o) i les Français ont-ils confiance aujourd'hui? Le Baromètre de la confiance politique. – Paris : Sciences Po/CEVIPOF, 2021. – Vague 12. – URL: [https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/OpinionWay%20pour%20le%20CEVIPOF-Barome%CC%80tre%20de%20la%20confiance%20en%20politique%20-%20vague12%20-%20Rapport%20international%20\(1\).pdf](https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/OpinionWay%20pour%20le%20CEVIPOF-Barome%CC%80tre%20de%20la%20confiance%20en%20politique%20-%20vague12%20-%20Rapport%20international%20(1).pdf) (дата обращения: 16.03.2022).
19. Europe's Growing Muslim Population / Pew Research Centre. – URL: <https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (дата обращения: 14.03.2022).
20. Fanon F. *Peau noire, masques blancs*. – Paris : Seuil, 1952. – 240 p.
21. Guillemoles A., Blaise F. La France en déclin? Vingt chiffres pour sortir des idées reçues // *La Croix*. – 2022. – 4.02. – URL: <https://www.la-croix.com/France/France-declin-Vingt-chiffres-sortir-idees-recues-2022-02-04-1201198626> (дата обращения 20.02.2022).

22. Histoire de l'extrême droite en France / Sous la dir. de M. Winock. – Paris : Seuil, 1993. – 336 p.
23. Jérôme S-M., Arnaud B. : «Le sentiment du déclin est désormais partagé par la majorité des Français» // Le Figaro. – 2021. – 6.10. – URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/societe/jerome-sainte-marie-et-arnaud-benedetti-le-sentiment-du-declin-est-desormais-partage-par-la-majorite-des-francais-20211006> (дата обращения 14.03.2022).
24. Le Boucher E. La «Grandeur de la France» sauvera son économie // Les Echos. – 2017. – 7.07. – URL: <https://www.lesechos.fr/2017/07/la-grandeur-de-la-france-sauvera-son-economie-174025> (дата обращения 14.07.2022).
25. Memmi A. Portrait du colonisé, précédé du portrait du colonisateur. – Paris : Gallimard, 1967. – 198 p.
26. Menthon P.-H. de. 67% des Français s'inquiètent d'un «grand remplacement» // Challenges. – 2021. – 21.10. – URL: https://www.challenges.fr/france/67-des-francais-s-inquietent-d-un-grand-remplacement_785793 (дата обращения 15.02.2022).
27. Noiriel G. Le creuset français: Histoire de l'immigration XIXe – XXe siècles. – Paris : Seuil, 1988. – 447 p.
28. Raspail J. Le camp des saints. – Paris : Robert Laffont, 2011. – 396 p.
29. Toumi Abdenmour. Eric Zemmour: Reconquista and French inquisition // Daily Sabah. – 2022. – 25.01. – URL: <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/eric-zemmour-reconquista-and-french-inquisition> (дата обращения 18.05.2022).
30. Vatin F. Octave Mannoni (1899–1989) et sa Psychologie de la colonisation. Contextualisation et décontextualisation // Revue du Mauss. – 2011. – N 1(37). – P. 137–178.
31. Vaudano M., Laurent S., Dagorn G. La théorie du «grand remplacement», de l'écrivain Renaud Camus aux attentats en Nouvelle-Zélande // Le Monde. – 2019. – 15.03. – URL : https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2019/03/15/la-theorie-du-grand-remplacement-de-l-ecrivain-renaud-camus-aux-attentats-en-nouvelle-ze-lande_5436843_4355770.html (дата обращения: 15.07.2022).
32. Zemmour E. Immigration: Le programme d'Eric Zemmour. – URL: <https://programme.ericzemmour.fr/immigration> (дата обращения 17.06.2022).

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

ПРЯЖНИКОВА О.Н.* МЕГАТЕНДЕНЦИИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ СТРАН АФРИКИ, И ВОЗМОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ К НИМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.

Аннотация. В статье представлены ключевые глобальные тенденции, которые определяют направления и динамику изменений в социальной, экономической и политической сферах жизни африканских обществ. Рассматриваются региональные особенности процессов урбанизации, миграции, изменения климата, роста населения, а также возможности, которые открывают технологическое развитие, и цифровизация для развития стран Африки.

Ключевые слова: Африка; урбанизация; миграция; изменение климата; рост населения; бедность; цифровизация; цифровое предпринимательство.

PRYAZHNIKOVA O.N. Megatrends influencing the development of African countries and opportunities of adapting to them at the current stage.

Abstracts. The article presents key global trends that determine course and dynamics of changes in the social, economic and political spheres in African societies. The regional features of the processes of urbanization, migration, climate change, population growth, as well as the opportunities that technological development and digitalization offer for the development of African countries are considered.

Keywords: Africa; urbanization; migration; climate change; population growth; poverty; digitalisation; digital entrepreneurship.

* Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Мегатенденции, влияющие на развитие стран Африки, и возможности адаптации к ним на современном этапе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 4. – С. 22–34. DOI: 10.31249/rva/2022.04.02

Тенденции, определяющие сегодня социально-экономическое развитие стран Африки, взаимоувязаны и обуславливают друг друга. В последние несколько лет эти тенденции, а также их последствия, возможные варианты управления этими последствиями и адаптации к ним были описаны в ряде тематических исследований [4; 7; 8]. В качестве мегатенденций, наиболее влияющих на будущее африканских стран, выделяют рост населения, миграцию, урбанизацию, изменение климата, а также технологическое развитие.

Рост населения и проблема бедности

Рост населения в странах Африки обусловлен высокими значениями рождаемости. В настоящее время ежегодно рождается 43 млн африканцев, этот показатель по прогнозам увеличится до 53 млн к 2040 г. [8, р. 3]. К 2050 г. ожидается удвоение населения стран Африки к югу от Сахары во многом благодаря самым быстрым в мире темпам роста населения во франкоязычной Западной Африке. Эксперты ООН объясняют данный тренд рядом обстоятельств [8, р. 3]. Так, в этом регионе почти треть населения не имеет доступа к современным противозачаточным средствам. Кроме того, там наблюдается положительная корреляция между высокой детской смертностью и высокой рождаемостью.

Вместе с тем по мере улучшения медицинского обслуживания смертность среди детей снижается, и стремление создавать большие семьи уменьшается. Сокращению уровня рождаемости в ряде стран Африки также способствуют рост доходов, уровня образования и урбанизация. Эти факторы и их взаимодействие приводят, в частности, к тому, что у африканок, проживающих в городах, меньше детей, чем у женщин в сельских районах. Например, в столице Ганы, городе Аккра, уровень рождаемости близок к уровню воспроизводства населения, тогда как в сельской местности одна женщин в среднем рождает шесть детей.

В результате коэффициенты рождаемости (среднее количество детей, которое рождает одна женщина на протяжении своего репродуктивного возраста) в Африке колеблются от 7 в Нигере до 1,4 на Маврикии. Во многих странах Восточной Африки данный показатель снижается. В Южной Африке и странах Северной Африки коэффициент рождаемости установился на уровне ниже 3 [7, р. 16].

Как следствие высокой рождаемости, в настоящее время на каждого иждивенца в среднем по странам Африки приходится 1,3 человека трудоспособного возраста. Такая ситуация, обусловленная большим количеством рождаемых детей, тормозит социально-экономическое развитие стран континента. Идеальным для так называемого «окна» экономического роста считается соотношение 1,7 человека трудоспособного возраста на каждого иждивенца. Согласно текущим прогнозам, такое значение этого показателя может быть достигнуто в Африке к 2054 г. [8, р. 4]. Очевидно, что достижение соответствующей демографической структуры населения должно сопровождаться политикой, способствующей созданию новых рабочих мест, повышению уровня образования населения и построению всеобъемлющей системы социального обеспечения.

С высокими показателями рождаемости большинство стран Африки к югу от Сахары все еще далеки от возможности достичь «окна» роста. При этом, для большинства стран Северной Африки – Алжира, Джибути, Египта и Ливии – «окно» роста открыто уже сейчас, тогда как Марокко и Тунис, достигшие благоприятной демографической структуры раньше других стран региона, не смогли в полной мере воспользоваться возможностями роста. Среди основных факторов, препятствующих получению выгод от демографического перехода в данном регионе, выделяют: общую политическую нестабильность, дискриминационную социально-экономическую политику в отношении женщин и меньшинств, высокую безработицу среди молодежи. В результате многие образованные молодые люди оказываются в неформальном секторе экономики, получая низкий доход и теряя перспективы профессионального развития [7, р. 17].

Миграция населения стран Африки в большой степени обусловлена причинами поиска работы или получения образования и

представляет собой в значительной степени миграцию внутри континента, на которую приходится около 80% перемещений населения. Велика доля миграции в результате политических и межнациональных конфликтов: по данным на 2019 г., 6,3 млн африканцев были беженцами и 14,5 млн перемещенными лицами (*internally displaced people*). По оценкам МВФ, странами, принимающими наибольшие потоки африканских мигрантов, являются Кот-д'Ивуар, ЮАР и Нигерия, которые в 2016 г. приняли, соответственно, 2,3 млн, 2 млн и 0,9 млн мигрантов [7, р. 27, 28].

На сегодняшний день рост населения и миграционное давление приводят к росту бедности. Так, в 2021 г. 490 млн африканцев (36% населения континента) жили в условиях крайней бедности, что превысило соответствующий показатель 2019 г. на 9 млн человек [6, р. 58].

Изменение климата

Влияние Африканского континента на глобальное изменение климата с точки зрения выбросов углерода невелико. В качестве ключевого антропогенного фактора ухудшения климатической ситуации в Африке признано изменение растительного покрова из-за вырубки леса и буша для дальнейшего использования территорий в сельском хозяйстве. В результате сокращается биоразнообразие и общее количество наземной биомассы, растет объем выбросов парниковых газов, углерода и метана, возникающих при использовании земель в растениеводстве и скотоводстве.

Между 1975 и 2000 гг. размер сельскохозяйственных угодий в странах Африки к югу от Сахары увеличился на 57%. В странах Африканского Рога, площадь возделываемой земли увеличилась на 28% между 1990 и 2010 гг. Увеличение было очень быстрым в западноафриканском Сахеле. В Буркина-Фасо, например, пахотные земли увеличились на 89% между 1984 и 2013 гг. Параллельно почти в каждой африканской стране развиваются процессы опустынивания. Деграция земного покрова наблюдается на 40% площадей бассейнов таких рек, как Нил, Нигер, Сенегал, Вольты и Лимпопо [7, р. 7].

При этом возможности развития сельского хозяйства и, соответственно, сохранения источников средств к существованию

населения в сельской местности в странах Северной и Западной Африки могут сократиться в условиях повышения средней температуры воздуха (температура росла на протяжении последних десятилетий и, по прогнозам, повысится еще более, чем на 2 градуса по Цельсию к 2050 г. [7, р. 8]) и изменения количества осадков.

По всей Африке наблюдается увеличение частоты экстремальных погодных явлений, таких как наводнения и засухи, что делает бедные группы населения более уязвимыми к голоду, болезням и необходимости мигрировать. В конце 2019 г. 2 млн человек стали перемещенными лицами в странах Африки к югу от Сахары в результате стихийных бедствий, связанных с ухудшением климатических условий. В ближайшие десятилетия эта цифра будет неуклонно расти [8, р. 4]. Негативные последствия изменения климата распространяются по всему континенту, в связи с этим африканские города с большой вероятностью ожидает рост притока внутренних мигрантов из сельских районов.

Рост городского населения

Урбанизация в Африке развивается высокими темпами. Доля горожан увеличилась с 14% в 1950 г. до 40% в начало 2010-х годов. Ожидается, что к 2035 г. около 50% африканцев будут жить в городах. Всего к 2050 г. по прогнозам городское население африканских городов будет составлять более 1,3 млрд человек [7, р. 21]. Уровень урбанизации на континенте варьируется: Северная и Западная Африка являются наиболее урбанизированными регионами, тогда как в Восточной Африке, в особенности в странах Африканского Рога, преобладает сельское население.

Основная причина, почему африканцы переезжают в города, – это нищета и бедность, с которыми они сталкиваются, проживая в сельской местности. Кроме того, рост городского населения здесь вызван тем, что уровень рождаемости в городах остается высоким. Так, в Бурунди, Демократической Республике Конго, Мали, Нигере и Нигерии уровень рождаемости в городах превышает 5 детей на одну женщину [7, р. 22].

Важно отметить, что в Африке в целом еще не произошла индустриализация экономики. В городах наблюдается значительный рост сектора услуг, в котором доминирует неформальная за-

нятость и достаточно низка производительность. Это способствует формированию условий для устойчивой бедности городского населения. Таким образом, урбанизация происходит не за счет увеличения занятости в производстве и возникновения промышленных зон, что могло бы стать двигателем экономического развития континента [7, р. 21].

Большая часть процессов урбанизации в Африке происходит без планирования и регулирования со стороны государства. Это отрицательно сказывается на эффективности землепользования и устойчивости института прав собственности в городах, а также способствует росту социально-экономического неравенства. Более двух третей городского населения Африки проживает в неформальных поселениях. Некоторые из них представляют собой настоящие агломерации в виде трущоб, как, например, Кибера в Найроби с населением более 700 тыс. человек или Кейлитша в Кейптауне с населением более 447 тыс. человек [8, р. 4]. Как результат, городская инфраструктура не способна удовлетворить потребности растущего населения: системы водоснабжения и канализации выходят из строя, электросети перегружены, городская среда приходит в упадок, распространяются эпидемии и болезни, растет уличное насилие. Таким образом, без значительных инвестиций городская инфраструктура, с большой вероятностью будет ухудшаться на фоне высокой рождаемости и притока мигрантов.

Возможности технологического развития и цифровизации в решении проблем развития Африки

Технологическое развитие, связанное прежде всего с распространением в Африке мобильных телефонов, мобильных технологий и интернет-коммуникаций, может сыграть важную роль в преодолении препятствий, замедляющих развитие африканских обществ. Это может стать возможным благодаря более легкому доступу к информации; созданию новых рабочих мест; повышению качества и расширению ассортимента предоставляемых населению услуг в таких секторах, как сельское хозяйство, здравоохранение, финансы и образование; большей финансовой инклюзии и доступности бизнес-среды.

Мобильные деньги. В Африке быстрыми темпами развиваются практики денежных переводов и других банковских услуг с использованием мобильных телефонов. В настоящий момент 21% взрослых африканцев имеют так называемые счета мобильных денег. Мобильные деньги помогают повысить финансовую инклюзию. Благодаря цифровым сервисам люди, у которых нет банковского счета, могут обращаться со своим телефоном как с кошельком и пересылать деньги с помощью текстовых сообщений.

Предстоит еще многое сделать, чтобы помочь получить доступ к мобильным деньгам тем, кто живет в сельской местности, где мобильная связь ограничена, и тем, кто слишком беден, чтобы позволить себе мобильный телефон. Расширяя возможности проведения платежей, мобильные деньги открывают для бедных домохозяйств целый ряд услуг, начиная от пользования солнечной энергией до проката велосипедов.

Важно отметить значительные региональные различия в темпах внедрения мобильных технологий. Восточная Африка находится в авангарде этих процессов. Например, в Кении более 70% взрослого населения используют сервисы операций с мобильными деньгами. В Северной Африке в 2018 г. мобильными технологиями пользовались 64% населения, значительно опережая страны к югу от Сахары, где проникновение мобильной связи охватывает лишь 44% населения [7, р. 33–34].

Однако регион к югу от Сахары по показателю доступа населения к сети Интернет остается самым отсталым в мире – здесь Интернетом пользуются только 22% населения. Даже самые развитые страны региона – ЮАР, Нигерия и Кения – имеют уровень показателя всего около 50% [4, р. 3].

Цифровое предпринимательство. С развитием цифровых технологий растет актуальность вопроса о том, смогут ли они помочь африканским странам совершить скачок в развитии. Оптимизм в данной связи внушает бум цифрового предпринимательства и электронной торговли, наблюдаемый сейчас в Африке [7, р. 35]. В ходе исследовательского проекта Geonet, проведенного под эгидой Европейского исследовательского совета (European Research Council (ERC)), были выделены четыре стратегии, которые успешно используются в Африке в сфере ИКТ: 1) масштабирование бизнес-процессов происходит на основе выстраивания

отношений с клиентами и партнерами; 2) создание местных информационных платформ, где соединяются локальные сети закупок, цифровые сервисы и приложения для потребителей; 3) инвестирование в создание цифровыми компаниями продуктов, представляющих ценность для клиентов в развитых странах с высоким доходом; 4) объединение цифровых платформ с аналоговыми структурами охвата – «платформы последней мили» (last-mile platform) [4, p. 31].

«Платформы последней мили» представляют собой уникальный подход к адаптации цифровой торговли к местным условиям. Они компенсируют отсутствие у ряда потребителей доступа в Интернет, нехватку цифровой инфраструктуры и технологических возможностей за счет создания структур охвата клиентов, дополняющих цифровую платформу. Это достигается благодаря: наличию посредника между клиентом и технологией (агент, водитель и т.д., имеющий цифровое устройство и контактирующий с клиентом непосредственно); проведению обучающих мастер-классов и семинаров для клиентов и сотрудников по освоению технологических навыков; построению собственных цепочек поставок и систем логистики; использованию так называемой низкотехнологичной поддержки клиентов, например, через колл-центры [4, p. 110].

Выделяют следующие характеристики цифрового предпринимательства в Африке: его очень неравномерное распределение по континенту; медленный и преимущественно линейный рост объемов цифровой деятельности; цифровые продукты создаются, в основном, для клиентов в городах; возникновение стратегических нововведений, таких как «платформы последней мили» [4, p. 3]. В целом, что развитие сектора ИКТ в большой степени зависит от наличия доступа к бизнес-образованию и эволюции бизнес-среды, а также от того, смогут ли африканские цифровые предприниматели эффективно сочетать бизнес-модели, успешно функционирующие в развитых странах, и собственные уникальные подходы, учитывающие местную специфику.

Цифровизация в секторе сельского хозяйства. Потенциал вклада цифровизации в сельскохозяйственное производство, продовольственную безопасность, рост продуктивности аграрного сектора и в сокращение бедности сельского населения Африки еще предстоит раскрыть. Цифровые технологии могут быть по-

ставлены на службу сельскому хозяйству для решения таких проблем, как: сокращение разрыва в доходах между сельскими и городскими районами и борьба с бедностью сельского населения, что позволило бы уменьшить миграцию из деревни в город.

В сельских районах покрытие мобильной телефонной связью по-прежнему отстает от городов, а связанные с ИКТ инновации, которыми пользуются африканцы, занятые в сельскохозяйственном производстве, заключаются прежде всего с получением фермерами востребованной ими информации, а не инновациями в сфере обработки больших объемов данных.

В качестве примера цифровых инноваций в сельском хозяйстве Африки можно отметить использование сенсорных устройств для фиксации таких данных, как pH почвы и влажность воздуха, информация о которых передается по беспроводной сети на облачные серверы. В результате фермеры могут получать доступ к релевантным данным в режиме реального времени через мобильное приложение и получать советы о том, какие удобрения использовать и как улучшить поливной режим [5].

На 2021 г. в странах Африки было запущено 390 цифровых агротехнических проектов [6, р. 59]. Они используются с целью улучшить доступ к рынкам и прибыльность сельскохозяйственной деятельности благодаря информированию покупателей о наличии у фермеров той или иной продукции и организации ее доставки [2, р. 9]. Цифровые решения гарантируют установку связи между участниками цепочек создания стоимости (фермерами, поставщиками услуг, источниками финансирования, розничными продавцами, дистрибьюторами), что снижает операционные риски фермеров.

Подобные, достаточно простые с точки зрения технологии цифровые услуги, например передача сельскохозяйственной информации с помощью текстовых сообщений, тем не менее помогают трансформировать сельское хозяйство на континенте, делая его более эффективным и устойчивым. Аналогичным образом ожидается, что цифровизация радикально улучшит управление фермерскими хозяйствами, производственно-сбытовыми цепочками, повысит устойчивость к нехватке рабочей силы в сельском хозяйстве.

Инновационное использование цифровых технологий для своевременной передачи информации о погодных рисках и сезонных колебаниях может минимизировать риски, связанные с климатическими аномалиями, улучшить адаптацию и устойчивость сельского хозяйства к изменению климата. В целом, цифровые технологии обладают огромным потенциалом для создания крупномасштабного цифрового аграрного сектора, который мог бы обеспечить продовольствие для быстро растущего городского населения Африки. Вместе с тем потенциал цифровизации в сельском хозяйстве остается огромным: по оценкам, охват африканских мелких землевладельцев цифровыми услугами осуществлен лишь на 10% от возможных объемов [6, p. 59].

Цифровизация в городах. В условиях растущей урбанизации и широкого распространения цифровой культуры среди населения в африканских городах трансформируются различные аспекты социальной жизни города, включая финансовые операции, работу транспорта, торговлю и доставку продуктов питания [1].

Цифровые технологии позволяют эффективнее регулировать транспортные потоки в городах, сокращать время и топливо, которое люди тратят в пробках. Так, дорожная сеть в столице Кении Найроби рассчитана на население города в 300 тыс. человек, но в настоящее время там проживает 4 млн горожан. Местные жители активно пользуются мобильными приложениями, отправляя и получая оповещения о ситуации на дорогах, что облегчает перемещение транспорта по городу [5]. Кроме того, создаются и востребованы населением мобильные приложения, с помощью которых организуется совместное использование автомобилей, очень актуальное для горожан. Такие сервисы разгружают городской транспорт и позволяют сокращать негативное влияние на окружающую среду [6, p. 62].

Цифровизация вносит вклад в поддержку экологического равновесия и охрану окружающей среды на городских территориях.

Во-первых, некоторые цифровые стартапы пытаются применять технологии для более эффективного использования воды в африканских городах. Виртуальный оператор сети водоснабжения дает возможность связывать компании водоснабжения с потребителями через онлайн-платформы, а также позволяет использовать датчики, передающие информацию об утечках и объемах потреб-

ляемой воды, а пользователям позволяет расплачиваться за воду мобильными деньгами.

Во-вторых, цифровизация помогает сокращать количество отходов и бороться со свалками в крупных городских агломерациях. Существуют практики установления через мобильные средства связи каналов коммуникации между потребителями и супермаркетами. Последние предлагают людям продукты, которые в противном случае были бы выброшены, что сокращает количество выбрасываемой еды. Кроме того, например, в Кении функционирует мобильное приложение для покупки вторсырья у неофициальных сборщиков мусора, которое затем перерабатывается и в качестве сырья попадает обратно в цепочку поставок. Данные практики не только помогают увеличить переработку мусора, но и создают положительные социальные эффекты в виде дохода, получаемого бедными слоями городского населения.

Таким образом, Африка сталкивается с рядом серьезных проблем, но и получает новые возможности их решения или «сглаживания», возникающие как следствие рассмотренных выше тенденций. И если изменение климата и его влияние на Африканский континент – явление, которое страны континента по большому счету не могут предотвратить, то вектор развития остальных тенденций в значительной степени может определяться выбором соответствующей политики государствами континента. В настоящее время вклад правительств африканских стран в поддержку, разработку и инвестиции в развитие цифровой инфраструктуры, цифровых услуг, новых навыков, востребованных в цифровой экономике, и цифрового предпринимательства оцениваются, например, экспертами ЮНКТАД как минимальный [9].

Вместе с тем цифровые технологии в Африке уже сейчас способствуют социально-экономическим преобразованиям, повышают эффективность производства и распределения товаров и услуг, открывают новые возможности для получения доходов для миллионов бедных африканцев, улучшают коммуникации между людьми. По оценкам Европейской комиссии, увеличение охвата цифровыми технологиями на 10% может привести к увеличению ВВП Африки более чем на 1% [3]. Цифровизация также является важным компонентом для раскрытия полного потенциала африканского бизнеса и торговли. Для реальной поддержки африкан-

ских фирм и предпринимателей, реализующих товары и услуги как внутри континента, так и на мировом рынке, требуется значительный скачок в развитии и расширении цифровой инфраструктуре, а также совершенствование регулирования цифровой торговли.

Очевидно, что политическая воля стран Африки к реализации благоприятных сценариев развития потребует поддержки международных организаций и развитых стран мира. В качестве наиболее эффективных каналов помощи можно выделить таргетированное инвестирование: в систему образования и профессионального обучения (в том числе цифровым навыкам), в инфраструктурные проекты, а также налаживание процесса обмена лучшими практиками в разнообразных социально-экономических сферах жизни африканских обществ.

Список литературы

1. Akindès F., Yao S.K. How is Digital Technology Changing the Lives of Urban Dwellers in Africa 'From Below'? // *Afrique contemporaine*. – 2019. – Vol. 269/270, N 1/2. – P. 87–107.
2. Digitalization for Transformative Urbanization, Climate Change Adaptation, and Sustainable Farming in Africa: Trend, Opportunities, and Challenges / Balogun A.-L., Adebisi N., Abubakar I.R., Dano U.L., Tella A. // *Journal of Integrative Environmental Sciences*. – 2022. – 07.04. — URL: <https://doi.org/10.1080/1943815X.2022.2033791> (дата обращения: 18.06.2022).
3. Fayolle A. A Digital Africa to Fight COVID-19 / European Investment Bank. – 2021. – 21.10. – URL: <https://www.eib.org/en/stories/africa-digitalisation> (дата обращения: 18.06.2022).
4. Friederici N., Wahome M., Graham M. Digital Entrepreneurship in Africa: How a Continent is Escaping Silicon Valley's Long Shadow. – Cambridge, Ma. ; London : The MIT Press, 2020. – 323 p.
5. Hall M. Six Ways Digitalization is Helping Africa's Environment // *Deutsche Welle*. – 2019. – 08.04. – URL: <https://www.dw.com/en/six-ways-digitalization-is-helping-africas-environment/a-48231433> (дата обращения: 18.06.2022).
6. L'utilisation du numérique dans le contexte des villes de l'Afrique de l'Ouest / Ed. by J. Chenal, Ch. Ciriminna, R. Jaligot, K. Ginisty, F. Rudaz ; Centre Excellence in Africa. – Lausanne, 2021. – 114 p. – URL: https://www.epfl.ch/research/domains/exaf/wp-content/uploads/2021/12/WEB_EXAF_rapport_DDC_28092021.pdf (дата обращения: 18.06.2022).
7. Megatrends in Africa / Vastapu L., Mattlin M., Hakala E., Pellikka P. ; Ministry for Foreign Affairs of Finland. – 2019. – 56 p. – URL: https://um.fi/publications/-/asset_publisher/TVOLgBmLyZvu/content/kehityspoliittinen-tilausselvitys-afrikan

- megatrendit-v-c3-a4est-c3-b6nkasvu-ilmastonmuutos-kaupungistuminen-muuttoliike-teknologian-kehitys-ja-demokr (дата обращения: 18.06.2022).
8. Ruohomäki O. African Megatrends: Looking over the Horizon into the Future / Finnish Institute of International Affairs (FIIA). – Helsinki, 2021. – 8 p. –(FIIA. Briefing paper ; N 305). – URL: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2021/03/bp305_african-megatrends.pdf (дата обращения: 18.06.2022).
 9. Songwe V. The Role of Digitalization in the Decade of Action for Africa. – 2020. – 07.09. – URL: <https://unctad.org/news/role-digitalization-decade-action-africa> (дата обращения: 18.06.2022).

ДЕМИДОВ К.Б.* КАТАР – НАРОЖДАЮЩАЯСЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ «СВЕРХДЕРЖАВА» И ЕЕ ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ.

Аннотация. В свете последнего развития событий в Персидском заливе все возрастающая роль Катара – не только в данном регионе, но и во всем мире – нуждается в серьезном переосмыслении. Следует помнить, что основания политической системы страны были заложены Великобританией. После того как Катар стал британским протекторатом в 1916 г., данная территория, прежде населенная преимущественно рыбаками и бедуинами, претерпела существенные изменения. Отличаясь от прочих арабских стран завидной внутренней стабильностью, Катар успешно справляется с аномией – главной болезнью арабских социумов. Осознавая искусственность страны, катарские элиты не жалеют усилий в обеспечении безопасности государства, на каждом историческом рубеже неустанно разыскивая и обретая надежного внешнего покровителя. Так, в 2017 г. лишь американское вмешательство предотвратило угрозу военного вторжения извне, планировавшегося Саудовской Аравией. В настоящее время Катар все больше внимание обращает на Иран и Турцию, в которых усматривает перспективных покровителей.

Ключевые слова: Катар; Персидский залив; США; Великобритания; Саудовская Аравия; Иран; Турция; аномия.

DEMIDOV K.B. Qatar – the Emerging Regional «Superpower» and Its Internal Problems.

Abstract. Qatar's role in the Gulf needs to be thoroughly reassessed as this region tends to play more assertive part in world politics. Originally a territory populated by nomads and fishers,

* Демидов Константин Борисович – ведущий редактор отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

governed by transitory sheikhs, Qatar became a British protected state in 1916. Britain laid the foundations of its social system that remains remarkably stable up to this day. Qatari elite manages to cope successfully with fractures within this still very patriarchal society; virtual absence of anomie turns Qatar into a rather weird specimen of Arabic polity. Artificial in its construction from the very onset, Qatar at every turn of its history spares no resources to find a suitable partner able to guarantee its survival. In 2017 only American intercession saved Qatar from Saudi-led military aggression. As US is seen in the region as a very unstable, opportunistic partner, Qatar tends to court other powers, notably Iran and Turkey. The key question remains, whether this emergent regional superpower, judging by its not always evident might, is totally independent in its wide stretching activities.

Keywords: Qatar; Persian Gulf; USA; Great Britain; Iran; Turkey; Saudi Arabia; anomie.

Для цитирования: Демидов К.Б. Катар – нарождающаяся региональная «сверхдержава» и ее внутренние проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 4. – С. 35–51. DOI: 10.31249/rva/2022.04.03

Развитие событий в районе Персидского залива в последнее время делает все более насущным анализ той роли, которую играют отдельные государства региона. Среди них Катар занимает совершенно особое место. Непредсказуемость американской политики [12], вошедшей в обыкновение начиная с президентства Обамы, чей приход к власти сам по себе оказался поворотным моментом, знаменовавшим поиски новых внешнеполитических подходов и методов, была лишь усугублена во времена Трампа. Данные пертурбации оказались особенно болезненными для стран Залива, утративших представление о том, на что можно не сомневаясь рассчитывать в отношениях с Вашингтоном.

Вновь возникшие сложности не преминули сказаться на всей системе региональных отношений. Каждая из стран начала поиск собственной стратегической линии. Принимая во внимание культурные особенности данных стран (повышенную восприимчивость к знаковой стороне отношений в ущерб чисто прагматическим со-

ображениям), следует признать, что возрастание уровня конфликтности оказалось закономерным результатом.

Не для всех явная очевидность огромного значения – причем нередко во всемирном масштабе – такой маленькой страны, как Катар, ставит ряд вопросов: насколько самостоятельной (учитывая сохраняющееся влияние Великобритании) в своих действиях является данная «нарождающаяся держава»; была ли блокада Катара, организованная в 2017 г. Саудовской Аравией, реакцией на попытки Катара избавиться от навязанного ему образа младшего партнера и, по сути дела, вассального статуса, предлагавшегося стране Саудовской Аравией (скрытый вассалитет Катара от Великобритании придает данному предприятию особую пикантность)? Какие перспективы – в контексте возможного обретения Катаром совершенно особого положения в арабском мире – могут ждать арабское единство, все еще прокламируемое, однако все более становящееся пережитком прошлого? В данном отношении «арабская весна», в ходе которой Катар играл отнюдь не последнюю и, в целом, вполне деструктивную роль, отказавшись от прежнего имиджа умиротворителя и медиатора, явилась своеобразным катализатором, ускорившим давно уже шедшие процессы размежевания.

В Персидском заливе противоречия оказались особенно острыми именно потому, что поддержка Катаром оппозиционных сил в странах региона носила откровенно скандальный характер. Масла в огонь добавила и виртуозная медийная игра внешних сил – например, подделанные и весьма скандальные заявления катарского эмира Тамима бен Хамада, в мае 2017 г. ставшие благодаря вмешательству ОАЭ достоянием средств массовой информации и вызвавшие возмущение в государствах Залива (как направленные на подрыв региональной стабильности).

Решительные действия по организации блокады стали возможными не в последнюю очередь и вследствие неверного истолкования внешних сигналов. Правители стран Залива, склонные переоценивать знаковую сторону вопроса, находились под впечатлением критических по отношению к Катару твитов президента США Д. Трампа и не придали значения как тому, что американская государственная машина отнюдь не тождественна администрации, так и тем связям, прежде всего, военно-стратегического характера, которые объединяют США и Катар.

То, что подобные инциденты могут вызвать масштабные потрясения, продиктовано намного более глубокими проблемами, связанными с отсутствием корневой системы стран региона как в том, что касается внутренней жизни, так и в отношениях с другими странами. Данная проблематика представляется тем более насущной, что с самого начала существования Катара фактор искусственности – если не сказать фиктивности – в значительной мере определял как внешнюю, так и внутреннюю жизнь страны. Со времени опубликования ставшей уже классической работы Р.С. Захлан [16], посвященной становлению современных государств Залива и основанной в значительной степени на рассекреченных документах, принято рассматривать эти страны как своеобразные креатуры, обязанные самым своим существованием сложному набору международных сил и факторов. Их государственность, таким образом, – изначально, по крайней мере, – носила имитационный, фиктивный характер.

Применительно к Катару Дж. Ламберт [11] убедительно продемонстрировала, что политическая мобилизация в этих государствах также носит имитационный характер. Режимы используют такой инструмент, как контролируемые выборы, чтобы явить миру социальный консенсус вокруг правящих династий. В силу данных причин страны Залива вынуждены искать государства, которые могли бы похвастать более давней и менее искусственной историей, чтобы выступить в качестве патронов, способных гарантировать их выживание. Этим обстоятельством отчасти объясняются и особенности региональной политики. Ориентируясь на могущественных спонсоров, их элиты (за исключением катарской) в последнее время находятся в своеобразном когнитивном диссонансе и не могут выработать никакой внятной и последовательной политической линии, что и приводит к шараханью из стороны в сторону. Красноречивый тому пример – все возрастающая ориентация Саудовской Аравии на Россию.

Поиски приемлемых покровителей и выгодных альянсов часто производят дипломатические бури, не всегда понятные внешним наблюдателям. Так, одной из причин дипломатической войны, развернувшейся в регионе, стали попытки Катара наладить сотрудничество в сфере энергетики с Ираном, что едва ли могло понравиться еще одному «имитационному» режиму – Саудовской

Аравии, давно мечтавшей превратить Катар в собственный протекторат. Наиболее передовые режимы, в первую очередь Катар, осознавая колоссальные сложности, связанные с выживанием в создающихся условиях, стремятся своевременно инициировать необходимые реформы.

Как показывает А.С. Дербенев [1], правящей элите Катара, вполне удастся находить своевременные ответы на подспудно развивающиеся клановые, политические и трудовые противоречия. Согласно данным Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) (создан в 1981 г.) катарская элита преуспела в приобщении традиционных групп населения к благам модернизации. Катару удалось добиться существенных успехов в политической, социальной и экономической сферах, что позволило ему превратиться в одну из ключевых стран региона. Катар играет весомую роль в ОПЕК, Организации Исламского сотрудничества и, что особенно примечательно, в ССАГЗ – Совете сотрудничества арабских государств Залива, представляющем собой, пожалуй, единственную реально эффективную интеграционную силу в арабском мире.

Успешная экономическая политика (в 2013 г. Катар занял первое место в мире по ВВП на душу населения) создала существенный базис в противостоянии разрушительным тенденциям, связанным с негативным воздействием на катарский социум событий «арабской весны». Катарским технократическим элитам в отсутствие реальной оппозиции (такой, например, как в Кувейте и Бахрейне) удалось протянуть свои «щупальца» во все сферы общественной жизни, однако данное вмешательство – по крайней мере на сегодняшний день – оказывается на редкость эффективным.

В результате Катару удалось уверенно взять курс на укрепление основ национальной независимости, базирующейся, прежде всего, на высоких ценах на энергоносители (уже в конце 1970-х годов Катар поставил под контроль Северное месторождение – крупнейшее в мире по разведанным запасам природного газа). Не следует, однако, сбрасывать со счетов чрезвычайно искусную внешнюю политику Катара, снискавшую стране статус региональной державы, и неустанные попытки диверсификации национальной экономики. Последнее предприятие осложняется тем, что подобно прочим государствам Залива Катар был вынужден создать

экономику, в которой перераспределение играет ключевую роль. Это обеспечивает гражданам гарантированную занятость и высокий уровень дохода, но также приводит к бесцельному растратыванию огромных средств.

В условиях падения цен на энергоносители (как это имело место при вступлении на трон в 1995 г. – в результате дворцового переворота – шейха Хаммада Аль Тани) это привело к долговременному дефициту бюджета. Борьба дворцовых фракций становилась весьма жестокой, а прежде аполитичное общество все более вовлекалось в политику. Внешние игроки, особенно соседи, начали предъявлять немыслимые ранее претензии, как это имело место на саммите ССАГЗ в Маскате в 1995 г.

В значительной мере лишь благодаря поддержке США новому эмиру удалось сохранить власть, предотвратив попытку государственного переворота, организованного двоюродным братом нового эмира, якобы спонсированного Саудовской Аравией. Внутреннее недовольство дало о себе знать в 2005 г., когда якобы при поддержке Саудовской Аравии взбунтовался клан ал-Гафран влиятельного племени бани мурра, проживавшего по обе стороны границы. Тем примечательнее, что Катару все же удалось преодолеть все эти проблемы, превратившись в то, что он представляет собой на данный момент.

Однако внешние силы, негативно рассматривавшие укрепление Катара, не преминули заявить о себе. В марте 2014 г. Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн отозвали послов из Катара под предлогом, что Катар якобы не выполняет обязательства по борьбе с трансграничной преступностью. Данные события ознаменовали начало затяжного противостояния между Катаром и прочими государствами Залива. Корреспондент «Жен Африк» Ж. Жийон [9] оптимистически рассматривает положение, в котором оказался Катар после введения блокады, объявленной Саудовской Аравией и поддержанной другими арабскими странами (данная поддержка с течением времени становилась все менее ощутимой). По его мнению, Катар, сохранивший добрые отношения с Ираном, поддерживавший народные выступления в Бахрейне (2011) и продолжающий оказывать содействие «Братьям-мусульманам» (Катар не признает эту организацию террористической), давно раздражал

Саудовскую Аравию и Египет. Грядущее открытие турецкой военной базы на территории страны лишь подлило масла в огонь.

Медиакампания, развязанная Саудовской Аравией в марте 2017 г., была прелюдией к введению полномасштабной блокады (вплоть до высылки частных граждан и заморозки индивидуальных банковских счетов) Катара Саудовской Аравией, Египтом, ОАЭ и Бахрейном в июне того же года. По всей видимости, лишь вмешательство Турции и США (с которыми у Катара вполне предусмотрительно заключен антитеррористический договор) спасло Катар от прямой военной агрессии.

После объявления блокады прежний распорядок богатой и беззаботной катарской жизни безвозвратно ушел в прошлое: «Наиболее зримое отражение наступивших перемен самым непосредственным образом связано с персоной молодого эмира Тамима Аль Тани, известного как «ал-маджид» («Прославленный»), фотопортрет которого теперь можно увидеть практически повсеместно – в холлах отелей международного класса, в витринах лавочек Старой Дохи, на задних стеклах пикапов, на ультрасовременных зданиях в стиле «хай-тек». Повсюду взорам предстает одна и та же фигура в отнюдь не официальной позе, с растрепанными волосами и задранной подбородком, будто бросающая вызов могущественному соседу, Саудовской Аравии. Портрет вполне можно считать эмблемой, даже своего рода логотипом сопротивления, которое маленький эмират готов оказать потенциальному агрессору. Если же кому-либо доведется выразить удивление подобным культом личности – довольно редким явлением в странах Персидского залива... то в ответ от катарцев прозвучит объяснение, что власти, дескать, к популяризации подобных фотографий не имеют ровно никакого отношения» [9].

Рашид ал-Мансур, генеральный директор катарской биржи, лишь отчасти склонен жалеть о блокаде Катара. Хотя биржа и отреагировала падением котировок на 12%, однако в существенном выигрыше оказались такие гиганты, как Industries Qatar и Qatar National Bank. Отнюдь не столь оптимистически рассматривает сложившуюся ситуацию Акбар ал-Бакар, генеральный директор Qatar Airways. Необходимость искать новые маршруты, в обход территории ОАЭ, Бахрейна и Саудовской Аравии, приводит к резкому увеличению времени полета. Так, если прежде до Бейрута

можно было добраться за два часа, то теперь на это требуется уже в два раза больше времени. Если принять во внимание, что 70% всех перелетов носят транзитный характер, можно составить себе представление о масштабах ущерба, понесенного катарской экономикой.

Тем не менее Катару удастся компенсировать потери, налаживая более тесные экономические связи с Турцией, Ираном, Кувейтом и Оманом. Так, например, молочная продукция теперь завозится из Турции. Однако Катар на этом останавливаться не склонен; страна начала импортировать коров.

Для предстоящего чемпионата мира по футболу (2022), который Катар собирался провести при содействии прочих арабских стран и, прежде всего, Саудовской Аравии, теперь в качестве главного международного спонсора выбран Китай. При этом катарские официальные лица не устают подчеркивать, какой ущерб в результате понесут при этом другие арабские страны, которые были приглашены участвовать в подготовке «единственно из стремления, чтобы и соседи Катара смогли на себе ощутить положительное воздействие события планетарного масштаба» [9].

Блокада не только способствовала укреплению национального консенсуса, но и, благодаря катарскому спутниковому каналу «Ал-Джазира», существенно увеличила популярность страны среди широких народных слоев во всем арабском / мусульманском мире. Это тем более ощутимо, что Саудовская Аравия предстает как реакционная сила, разрушительная для арабского единства. Как подчеркивает Ахмад Хасна, декан катарского университета «Хаммад-бен-Халифа», «социальной ткани, некогда объединявшей страны Залива, нанесен непоправимый ущерб» [9], который – по крайней мере, если речь идет об университете, – с лихвой восполнен контактами со странами Магриба, Турцией и Ганой.

Основой благополучия катарской экономики служит нефтегазовый сектор (его доля в ВВП составляет 60%). Катар располагает третьими крупнейшими запасами природного газа в мире (после России и Ирана). Наиболее значительными импортерами катарских углеводородов являются Япония (28%) и Индия (11%) [5]. Следует иметь в виду и то, что Катару удалось вновь изобрести собственную идентичность, выработать некий новый образ существования – новый для арабского мира, во всяком случае. Не в по-

следнюю очередь это касается структурных преобразований внутри страны, в частности разрешения традиционных для стран Залива противоречий между правящей династией и правительством, как правило, имеющими собственные разветвленные системы связей и интересов. Единство целеполагания способствовало тому, что возник совершенно особый катарский национализм, чему в немалой степени способствовало то противостояние с прочими странами арабского мира, о котором шла речь выше.

Секрет феноменального успеха страны заключается не только в умелой внутренней политике и удачном использовании особенностей сиюминутной экономической конъюнктуры, но и в искуснейшем манипулировании международными противоречиями. К сожалению, данный аспект катарского могущества мало освещен в научной литературе. Одно из исключений – работа Э.А. Маркеловой [4], где отмечено, что сотрудничество с Катаром в газовой сфере поможет России выйти на японский рынок.

А.Дж. Фромхерц [8] рассматривает историю успеха Катара как закономерный результат взаимодействия многочисленных факторов, обусловивших благоприятное развитие страны. Он обращает внимание на историческую обособленность Катара, сознательно культивируемую правителями с целью создания необходимого впечатления у туристов. «Для многих из тех, кто прибывает в Катар впервые, эта страна предстает как своего рода *tabula rasa* – пространство, свободное от исторической обремененности и, напротив, полное возможностей, проектов и идей» [8, р. 1]. По его мнению, Катар всегда сторонился религиозных (и прочих) крайностей, и это выгодно отличает страну, особенно на фоне Саудовской Аравии. Терпимость к суфизму и шиизму позволяет Катару поддерживать добрые отношения со странами, находящимися, с религиозной точки зрения, на разных полюсах мусульманского мира: «Катарский ваххабизм никогда не отличался склонностью к крайностям, в то время как та его версия, что получила хождение в Саудовской Аравии, своим основанием имеет намерение положить конец «суфийской и шиитской ереси» [8, р. 98].

Понимание, насколько выгодным может быть подобное положение «равноудаленного» переговорщика, позволило Катару занять совершенно особое, уникальное положение в арабском и мусульманском мире. Устранив разногласия внутри страны и до-

бившись (при помощи щедрых даяний) мира с другими влиятельными кланами, правящая династия начала выстраивать дипломатию «по-катарски». «Ключ к успеху был найден в опоре на посредничество и баланс сил – причем, что примечательно, сил не столько внутреннего характера, явных, эксплицитных, сколько именно внешнего – соответственно, не столь заметных, имплицитных» [8, р. 30].

В настоящее время эмир Тамим вполне успешно применяет уже выработанную и тщательно отлаженную «дипломатию скрытых действий, подкупа и личных связей, превратившись в весьма беспристрастного брокера, действующего в самых различных конфликтах как на Ближнем Востоке, так и во всем мире» [8, р. 29]. Упоминание о некоторых проявлениях данной активности лишь в недавнее время дает представление о том, насколько Катару удалось поднатореть в данной разновидности скрытой дипломатии – равно как и о том, какого престижа Катару в результате удалось добиться.

Так, в 2000 г. Катар урегулировал разногласия между повстанцами-хуситами и йеменским правительством. В 2001 г. при помощи Катара были улажены противоречия между Ираном и ОАЭ относительно принадлежности островов Абу Муса. В 2003 г. Катар был задействован США и Великобританией, чтобы добиться от Ливии отказа от развития ядерных технологий. В 2006 г. помощь в ослаблении напряженности между Израилем и палестинскими организациями (Хамас, Фатх) оказалась вполне эффективной, однако ее побочным результатом явилось ухудшение катаро-египетских отношений; Египет обвинил Катар в чрезмерном потакании враждебным интересам – прежде всего, иранским – в ущерб интересам палестинцев. В 2008 г. Катар помогал урегулировать территориальный конфликт между Суданом и Чадом. После того, как провалились саудовские попытки урегулирования, Ливан в 2008 г. воспользовался услугами Катара, который помог наладить долгосрочные отношения с «Хезболла» и прочими сторонами ливанского конфликта.

Особое место в данной дипломатической активности, призванной «гарантировать Катару стратегическую независимость на международной арене» [8, р. 104], занимали отношения с Израилем, поскольку – наряду с Ираном и Палестиной – эта страна по-

тенциально могла обеспечить колоссальные возможности для влияния, особенно в арабском мире. Однако существенные изменения в мировой политике и, не в последнюю очередь, «меняющийся политический ландшафт в США» [8, р. 103], – все это в совокупности привело к тому, что после израильской операции в секторе Газа (2008–2009) Катар прекратил дипломатические и торговые контакты с Израилем (вскоре, тем не менее, попытавшись восстановить их в скрытой форме).

В данном контексте следует иметь в виду, что Катар стремится поддерживать неявные отношения с террористическими организациями, даже такими, как «Аль-Каида» и ИГИЛ, а также предоставлять убежище (по примеру своих британских покровителей) весьма одиозным фигурам. Достаточно вспомнить хотя бы чеченского полевого командира времен Кавказской войны Зелимхана Яндарбиева. Этот факт аналитики объясняют тем, что Катар и его граждане никогда не были жертвами активности террористов. Такая дипломатия «по-катарски» во многом опирается на присущие арабскому миру особенности. Здесь охотно допускаются такие ходы, которые в Западном мире просто не представляются возможными: «Арабский социум имеет намного более эгалитарный характер, нежели стратифицированная классовая структура, характерная для западных наций. В том социальном ландшафте, где все подвержено нескончаемым изменениям и где постоянно имеет место соперничество между родоплеменными группировками, характерными для бедуинов, ... едва ли какая-либо из социальных сил может рассчитывать на легкую и долгосрочную победу над прочими» [8, р. 87]. В отличие от институционализированного Запада демократия в арабском мире исторически имела намного более непосредственный характер. Шейх племени мог с легкостью оказаться лишенным власти, если он совершал слишком много неверных шагов.

Часто Катар буквально шокирует наблюдателей: «Весьма многие, не удосужившись принять во внимание историю Катара, равно как и его стратегические интересы (простирающиеся... весьма и весьма далеко), были крепко озадачены тем, какую политику эта страна проводила, будучи временным членом Совета Безопасности ООН» [8, р. 31]. Дело в том, что Катар самым недвусмысленным образом подчеркивал независимость своей позиции и

поддерживал решения, которые шли вразрез с интересами США, и это несмотря на то, что именно благодаря американскому содействию Катару удалось получить место в Совете Безопасности. Прецедент подобного поведения к этому времени уже наличествовал – с началом холодной войны Катар демонстративно открыл на своей территории советское представительство.

Акцент на независимости прослеживается буквально повсеместно. Активно Катар использует, например, то обстоятельство, что в Дохе проживает, возглавляя там местный Центр Сиры и Сунны при Катарском университете, один из влиятельнейших интеллектуалов мусульманского мира, шейх Йусуф ал-Карадави (род. в 1926 г.). Часто посещает Катар и сирийский поэт Адонис, в 2016 г. входивший в список кандидатов на получение Нобелевской премии по литературе. «Буквально всё и вся – от шейха ал-Карадави до поэта Адониса – тем или иным способом поставлено на службу стратегическим интересам Катара» [8, р. 31]. Как свободомыслие, свойственное Адонису, так и традиционные ценности, воплощенные в личности ал-Карадави, здесь оказываются своего рода двуединым «краеугольным камнем» катарской идентичности.

Опора на традицию связана с глубинным устройством катарского социума. «Традиционные, неявные общественные структуры, определяющие самое существование Катара, оказались на редкость живучими и мало подверженными изменениям» [8, р. 3]. Интересно отметить, что и экономическая база Катара представляет собой чрезвычайно устойчивую, мало подверженную рыночным флуктуациям сеть долгосрочных контрактов на поставки природного газа.

В добавление к этому Катар выработал совершенно особый стиль жизни. Здесь появился новый «нарратив, который вполне устраивает внешний мир; для последнего все подается как разнообразность экономического бума, позволяющего создать многочисленные каналы для общественного диалога, якобы приветствующего самые разнообразные мнения» [8, р. 2]. На деле, однако, нарратив, в основание которого положено утверждение роли клана Аль Тани, отождествляемого с катарской идентичностью, весьма уязвим для критики, поскольку заимствован у Запада. Дело в том, что в ее основании – экономические и политические успехи, до-

стигнутые после обретения страной независимости. Данный нарратив столь непрочен именно потому, что он всецело заимствован у Запада. «Героизм здесь понимается как утверждение катарских традиций и экономических свершений страны. Речь, таким образом, идет о своеобразном вечном сегодня, позволяющем катарцам мириться с уменьшением их политических возможностей» [8, р. 23].

Элита позаботилась, чтобы создать, по крайней мере, видимость свободы слова, инициировав многочисленные площадки для публичных дискуссий. Так возникла характерная для Катара атмосфера чуть ли не вседозволенности – «среды, открытой для любых разногласий, пока речь не идет о самом Катаре» [8, р. 29]. Таким образом, клановый характер общественного устройства всегда оказывается вынесенным за скобки.

Фундамент данной общественной системы появился благодаря британскому влиянию. «Великобритания заложила здесь основы институционального развития в таких формах, которые предоставляли существенные преимущества глубоко укорененным племенным группам с их частными интересами. Именно таким образом клан Аль Тани занял доминирующие позиции в том, что касалось построения катарского государства и правительства» [8, р. 66]. Всевластие клановой структуры, однако, довольно часто натывается на сопротивление общества: «Петиция, составленная в 1991 г. пятьюдесятью четвертьмя видными катарцами, – в ней эмира призывали создать подлинное, а не фиктивное Законодательное собрание, а также внести улучшения в систему здравоохранения и образования – продемонстрировала, сколь велико напряжение, существующее в глубинах катарского социума» [8, р. 81].

Экономические основания катарского благополучия также имеют некоторые внутренние дефекты: «Значительная часть экономики, равно как и многие сектора в сфере обучения и управления, находится в руках сообщества экспатриантов, превышающего по численности собственно катарцев в 10 раз... Неконтролируемое увеличение населения наряду с гиперинфляцией – в сочетании со слабым долларом, все более утрачивающим былые позиции, и трудностями в поисках жилья, автомобильным кошмаром, причем не только на загроможденных магистралях, но и на улицах столичной Дохи, не справляющейся с зашкаливающим ростом населения, –

таковы были вызовы, с которыми пришлось столкнуться эмиру Хаммаду» [8, р. 81, 84].

На данный момент, однако, Катару весьма успешно удается справляться с экономическими и социальными проблемами. Безработица пребывает на шокирующе низком – особенно по меркам арабского мира – уровне в 3,2% [8, р. 122]. Однако зависимость экономической и социальной структуры от природных ресурсов с неизбежностью ведет к ослаблению демократических принципов, включая механизмы, характерные для газо- и нефтедобывающих стран. Так появляется государство-рантье. «Голландская болезнь» – развитие одного сектора экономики в ущерб всем прочим (что приводит к свертыванию индустриализации) – в Катаре представляет тем большую опасность, что правительство поощряет предельно высокие доходы граждан – при опоре на почти рабский труд тех, кто гражданами Катара не является.

Внешняя обстановка также дает повод задуматься. Геополитические разломы все больше осознаются как фундаментальная опасность и в Катаре. Дестабилизация положения в Ираке и растущее влияние шиизма в странах Залива – не только благодаря чрезвычайно эффективной иранской политике, но и по причине значительного присутствия шиитов в правящих структурах Ирака, – все это побудило Катар (отдающий себе отчет, что он маленькая, уязвимая и «дорогостоящая» страна) произвести переоценку наиболее важных международных обязательств, прежде всего, в сфере посредничества и улаживания конфликтов, – и это несмотря на могущество, которое, впрочем, может с невероятной легкостью исчезнуть.

Американское влияние на регион имеет ситуативный, скоропреходящий характер, тогда как, например, Иран обладает как географическими, так и стратегическими возможностями воздействия на все, что имеет отношение к Персидскому заливу» [8, р. 99]. В данных условиях для Катара особенно важным становится поддержание внутреннего равновесия. Вплоть до настоящего времени Катару удавалось поддерживать внутреннее единство страны на приемлемом уровне, однако признаки аномии и здесь все чаще дают о себе знать. Дело в том, что гастарбайтеры – это преимущественно выходцы из не столь благополучных арабских стран, в которых аномия наблюдается в полной мере. «Большин-

ство арабских стран переживает данный недуг в особенно злокачественных формах. Ведь модернизация не только несла с собой разрушение традиционных ценностей, но и весьма часто... представлялась чужеземным изобретением, привнесенным извне, а западная культура ассоциировалась с намного более захватнической разновидностью колониализма, нежели та, с которой довелось столкнуться Катару» [8, p. 6].

Если сравнивать те модернизационные процессы, которые развернулись в Катаре, например с китайскими, то, согласно Э. Дюркгейму, Катар должен был бы переживать аномию столь же остро, как и Алжир и Конго: если в Китае однопартийная система командным образом задействовала технократические методы – что позволило придать функциональный характер многим болезненным процессам и постепенно вовлечь широкие слои населения в перестройку общественной структуры, то в Катаре, пребывавшем в 1940-е годы в запредельной нищете и буквально в одночасье превратившегося в богатейшую страну мира, имела место не столько реальная, сколько фиктивная трансформация социума. Речь идет о создании выдуманных родословий, позволяющих катарцу приписать себя к тому или иному влиятельному клану. Фиктивная реальность, пронизывающая все и вся, – благоприятная среда для возникновения социальных неврозов.

Катарский социум представляет собой довольно любопытную картину: не вполне определенное, бесформенное «государство-амеба», которому противостоит общество не укорененных индивидов, идентичность которых, к тому же, постоянно подвергается переосмыслению: «Изменения в представлениях о собственной идентичности, которые прежде основывались на том, кем является тот или иной индивид, а теперь все больше увязываются с тем, чем он занимается, могут повлечь за собой колоссальные общественные разломы» [8, p. 5]. Тем не менее, по крайней мере на данный момент, Катару вполне успешно удастся справиться с этой проблемой: «Относительное отсутствие аномии превращает Катар в своего рода “белую ворону” арабского мира» [8, p. 5].

В целом, нарождающийся катарский национализм пока поддерживает проверку временем. Эмиру Катара удалось превратить себя и свое окружение в центр национального объединения и вполне эффективный мозговой центр. Характерная для стран реги-

она дихотомия «правлящая династия / правительство» была устранена, а страна превратилась в модель совершенно нового развития. Попытки блокады Катара со стороны арабских стран во главе с Саудовской Аравией едва ли увенчаются чем-либо, кроме подрыва весьма сложной социальной структуры всего региона (в силу трансграничного переплетения семейных связей и деловых интересов). Чрезвычайно умелая и активная внешняя политика Катара поможет ему использовать и это обстоятельство для собственной пользы, все более превращая его в беспрецедентно влиятельную региональную державу.

Список литературы

1. Дербенев А.С. Катар в конце XX – начале XXI в. : динамика политических процессов // Вестник Московского университета. Сер. 13: Востоковедение. – 2019. – № 1. – С. 39–52.
2. Исаев В.А., Филоник А.О. Катар : три столпа роста : социально-экономический очерк. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2015. – 320 с.
3. Маркелова Э.А. Особенности и перспективы сотрудничества России и Катара в газовой сфере // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 10. – С. 32–38.
4. Маркелова Э.А. Энергетическая политика Катара на современном этапе : внешнее и внутреннее измерение (на примере газового сектора) // Национальная безопасность. – 2021. – № 6. – С. 33–41.
5. Руденко Л.Н. Особенности политики Катара в сфере экономики и внешнеэкономических связей // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 9. – С. 93–104.
6. Bhat M. Political Reforms in Qatar : Misplaced Optimism? // Observer Research Foundation. – 2021. – 10.11. – URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/political-reform-in-qatar-misplaced-optimism/> (дата обращения: 17.07.2022).
7. East M. Size and Foreign Policy Behavior: A Test of Two Models // World Politics. – 1973. – Vol. 25, N 4. – P. 556–576.
8. Fromherz A.J. Qatar. Rise to Power and Influence. – London : I.B. Tauris, 2017. – 224 p.
9. Gillon J. Qatar : a quelque chose le blocus est bon // Jeune Afrique. – 2018. – 7.06. – URL: <https://www.jeuneafrique.com/mag/564642/economie/qatar-a-quelque-chose-blocus-est-bon/> (дата обращения: 17.07.2022).
10. Kamrava M. Royal Factionalism and Political Liberalization in Qatar // Middle East Journal. – 2009. – Vol. 63, N 3. – P. 401–420.
11. Lambert J. Political Reform in Qatar: Participation, Legitimacy and Security // Middle East Policy. – 2011. – Vol. 8, N 1. – P. 89–101.
12. Mann J. The Obamians: The Struggle Inside the White House to Redefine American Power. – New York : Penguin, 2013. – 416 p.

13. Quadri S. India-Gulf Row: Economy is Key to Countering BJP Islamophobia // Middle East Eye. – 2022. – 8.06. – URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/india-gulf-row-islamophobia-economics-key-countering> (дата обращения: 17.07.2022).
14. Ulrichsen K. Qatar and the Gulf Crisis. – Oxford : Oxford University Press, 2020. – 224 p.
15. Ulrichsen K. Lessons and Legacies of the Blockade of Qatar // Insight Turkey. – 2018. – Vol. 20, N 2. – P. 11–20.
16. Zahlan R.S. The Making of Modern Gulf States: Kuwait, Bahrain, Qatar, the United Arab Emirates and Oman. – New York : Ithaca Press, 1998. – 212 p.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

КУДАЯРОВ К.А.* АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ТАДЖИКИСТАНА.

Аннотация. В статье предпринята попытка краткого обзора основных аналитических центров Республики Таджикистан. Имеющаяся в статье информация четко показывает превалирующее значение государственных «мозговых центров». При этом государственные аналитические центры отличаются рядом преимуществ над негосударственными: многократно превышающим негосударственные «фабрики мысли» количеством штатных сотрудников; наличием большого числа высоко квалифицированных экспертов (в том числе с ученой степенью); активным использованием аналитической продукции для формирования государственной политики и т.д.

Ключевые слова: Республика Таджикистан; аналитические центры; «фабрики мысли»; эксперты.

KUDAYAROV K.A. Think Tanks in Tajikistan.

Abstract. The article attempts a brief overview of the main think tanks of the Republic of Tajikistan. The information available in the article clearly shows the prevailing importance and role of state think tanks over non-state ones. At the same time, state analytical centers are distinguished by a number of advantages: the number of full-time employees many times exceeding non-state think tanks; the presence of a large number of highly qualified experts (including those with an academic degree); the active use of analytical products for the formation of state policy, etc.

* Кудаяров Каныбек Акматбекович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Keywords: Republic of Tajikistan; think tanks; thought factories; experts.

Для цитирования: Кудаяров К.А. Аналитические центры Таджикистана // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 4. – С. 52–69. DOI: 10.31249/rva/2022.04.04

Работ, посвященных аналитическим центрам (АЦ) Таджикистана крайне мало. Тем не менее информацию, связанную с деятельностью таджикистанских АЦ можно почерпнуть в трудах таджикского эксперта Шерали Резоёна и коллектива авторов Российского института стратегических исследований во главе с Т.С. Гузенковой. Вместе с тем немногочисленные факты активности «мозговых центров» фиксируются СМИ при освещении официальных мероприятий [24], заключении договоров о сотрудничестве между различными АЦ региона [6] и т.д.

Несмотря на наличие государственных и негосударственных «фабрик мысли», в Таджикистане аналитической деятельностью занимаются преимущественно государственные организации, представляющие различные ведомства, начиная от «мозговых центров» при аппарате Президента Республики Таджикистан (РТ), профильных министерств (МИД и т.д.), различных институтов при Академии наук Таджикистана и заканчивая вузовскими «фабриками мысли» (при Таджикском национальном университете (ТНУ) и Российско-Таджикском (Славянском) университете (РТСУ)). Стоит отметить, что в данной категории субъектов аналитической деятельности большую роль играют лица, занимающие (либо занимавшие) высокие государственные посты, как правило, имеющие ученую степень (нередко совмещающие экспертную деятельность с государственной службой согласно четко установленному механизму ротации кадров либо работающие исключительно в академической экспертной среде). На наш взгляд, система ротаций себя оправдывает, поскольку она позволяет вносить определенные новшества и «свежие идеи» в работу АЦ при администрации президента и поддерживать высокое качество аналитической работы. В этом плане весьма преуспели практически все вышеописанные структуры, поскольку заданных государством установок на научные изыскания придерживаются на всех уровнях принятия реше-

ний, что как в краткосрочной, так и среднесрочной перспективе своевременно обеспечивает государственные структуры необходимой экспертной базой. Высокий уровень финансирования, имеющий долгосрочный характер, создает условия для привлечения высококвалифицированных кадров и создания соответствующей аналитической продукции. При этом государственные АЦ постоянно развиваются, обмениваясь мнениями, оценками, дополняя друг друга и тем самым формируя, так скажем, особые «аналитические фильтры», предостерегающие их от возможных субъективных оценок и чрезмерной ангажированности.

Наличие АЦ международного масштаба, будь то АЦ РСТУ или общественная таджикско-российская экспертная платформа «Евразийское развитие», – несомненно, способствует поддержанию необходимого уровня качества научных и экспертных изысканий. Подобные союзы аналитиков задают повестку на основе взаимно утвержденных и согласованных интересов, таких как развитие евразийской интеграции, вопросы углубления таджикско-российского сотрудничества в экономической сфере, сфере безопасности, гуманитарной сфере и т.д.

Разумеется, вышесказанное не дает оснований судить об АЦ республики без должного детального рассмотрения каждого из них. Обзор таджикских фабрик мысли, основанный на рассмотрении определенных параметров, в том числе и ключевых «критериев успешности», может дать более полную картину о состоянии аналитики в Республике Таджикистан. При этом вопрос определения самих критериев оценки успешности вполне актуален и во многом зависит от видения самого «оценщика». Однако учитывая мировой опыт в этом направлении и уже сложившуюся определенную систему оценок, обратимся к инструментам, разработанным профессором Дж. Макганном (создателем международного индекс-рейтинга Пенсильванского университета), несмотря на специфичность «макганновских» критериев (больше соответствующих особенностям западных стран и ориентированных прежде всего на негосударственные АЦ).

Количество используемых параметров оценки в нашем обзоре будет гораздо меньше, чем заявлено в Пенсильванском рейтинге, поскольку при рассмотрении АЦ обнаружилась острая нехватка информации о данных центрах. Нередко приходилось дополнять

недостающую информацию посредством обзора неофициальных сайтов, использовать любые упоминания в сети Интернет о данных организациях, достоверность которых не всегда представляется возможным проверить. Вдобавок ко всему, наличие таджикоязычного сегмента в перечне рассматриваемой информации значительно сузило возможности поиска информации (из-за незнания языка). В результате из почти трех десятков критериев оценки успешности АЦ [25] удалось так или иначе выявить лишь некоторые. Разумеется, этот факт не позволяет в должной мере оценить «успешность» того или иного АЦ, поскольку, как было сказано выше, сами выдвигаемые критерии применимы прежде всего к негосударственным АЦ, которых в Таджикистане не так много.

Учитывая отсутствие конкуренции между значительно преобладающими в республике государственными мозговыми центрами, вопросы, касающиеся таких моментов, как повышение прозрачности деятельности центра (в том числе выделяемого бюджета, расходов организации), степень открытости базы данных организации, публикаций и иных результатов деятельности, информационное сопровождение деятельности организации на материнском сайте и многое другое, – не являются обязательными (ключевыми) показателями для части из них, что говорит о неприменимости существующих критериев. Тем не менее рассмотрим наиболее известные из них, чтобы получить общее представление об их деятельности.

Функционирует разветвленная сеть государственных АЦ при аппарате Президента Республики Таджикистан – Центр стратегических исследований; Центр исламоведения и др. Далее следуют АЦ, созданные в рамках министерств (например, Управление стратегических исследований МИД Таджикистана). Большую роль играют фабрики мысли, функционирующие при академических учреждениях, среди которых выделяется Институт экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан (ИЭиД АН РТ), а также «мозговые центры», учрежденные на базе институтов и факультетов национальных и международных высших учебных заведений республики: Центр геополитических исследований РТСУ; Центр региональных и сравнительных исследований при ТНУ.

К негосударственным фабрикам мысли относятся такие НПО, как «Центр свободного рынка Таджикистана»; компания «Z-Analy-

tics» (Центр социологических исследований «Зеркало»); Исследовательский центр «Шарк». Другим видом негосударственных организаций являются общественные экспертные площадки, наиболее влиятельными из которых являются Центрально-Азиатский экспертный клуб «Евразийское развитие», фокусирующийся на идеях евразийской интеграции, а также Центр поддержки образовательных реформ «Пульс», занимающийся вопросами улучшения учебно-образовательной системы в Таджикистане.

Стоит отметить, что многие таджикские эксперты, независимо от того, какой аналитический центр они представляют (государственный или негосударственный), активно участвуют и на площадке Центрально-азиатского бюро аналитической отчетности (Central Asian Bureau for Analytical Reporting, «CABAR.asia») [8], осуществляющего свою деятельность под эгидой Института проблем войны и мира (Institute for War & Peace Reporting, IWPR) в Центральной Азии [4]. CABAR.asia помогает сотрудникам АЦ совершенствовать экспертную и журналистскую аналитику, предоставляя им необходимую образовательную базу, а также аналитическое сопровождение в изучении социальных процессов, происходящих в странах региона. Бюро ведет новостную ленту, связанную с деятельностью мозговых центров региона, и располагает определенной базой данных, включающей деятельность большей части авторитетных и компетентных аналитиков Центральной Азии. Это одна из немногих региональных площадок в Центральной Азии, которая позволяет местным аналитикам обмениваться мнениями и делиться публикациями по актуальным проблемам региона.

Государственные аналитические центры при аппарате президента РТ

Центр стратегических исследований при Президенте РТ (ЦСИ). ЦСИ был создан в 1994 г. на базе Вычислительного центра Госплана Таджикской ССР. Основными направлениями деятельности ЦСИ являются социально-экономические и политические процессы современного Таджикистана. ЦСИ выпускает два журнала: «Таджикистан и современный мир» (с 2003 г., входит в РИНЦ) и «Международные отношения и безопасность» (с 2022 г.). В журналах печатаются результаты научно-исследовательских работ Центра стратегических исследований при Президенте Респуб-

лики Таджикистан и других организаций. Большая часть аналитических записок и докладов носит закрытый характер и не может быть опубликована в СМИ для широкой аудитории. В редколлегии журналов входят такие авторитетные эксперты, как Кодирзода Д.Б. (ЦСИ), Майтдинова Г.М. (руководитель АЦ при РТСУ), Одинаев Х.А. (ТНУ), Олимов К.О. (основатель АЦ «Шарк») и многие другие. Экспертный штат организации насчитывает 40 человек. На руководящие посты в ЦСИ по установившейся традиции назначаются авторитетные представители академической и дипломатической среды. Руководителем Центра является Хайрадин Усмонзода – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент АН РТ, депутат парламента от Партии экономических реформ [5]. Заместителем председателя Центра является Холиқназаров Худоберди – экс-министр МИД РТ (1992), советник Президента РТ в 2000–2001 гг.

ЦСИ принимает активное участие в работе международных экспертных площадок. Среди недавних выступлений ЦСИ стоит отметить участие Х. Усмонзоды в экспертной панели «НАТО, Россия и страны Центральной Азии на фоне новой геополитической реальности» 15–16 марта 2022 г., организованной российской АНО Институт исследований Центральной Азии (г. Казань, Россия). ЦСИ, как и другие «мозговые центры» региона, развивает активное сотрудничество с АЦ государств Центральной Азии, России и других стран.

Центр исламоведения при президенте РТ. Центр был основан в 2008 г. и является государственным научно-исследовательским, информационно-аналитическим, экспертно-консультативным учреждением, подчиняющимся непосредственно президенту. С апреля 2021 г. его возглавляет доктор юридических наук, депутат нижней палаты парламента РТ Абдурахим Холиқзода, сменивший на этом посту Муродулло Давлатзоду – кандидата философских наук, председателя Комиссии по депутатской этике нижней палаты парламента РТ пятого созыва (2020–2025), возглавлявшего Центр с 2008 г. Деятельность Центра включает подготовку и представление научно-аналитических и информационных докладов (для Правительства Республики Таджикистан, Исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан, Генеральной прокуратуры РТ, Совета безопасности, Государ-

ственного комитета национальной безопасности (ГКНБ), а также других министерств, комитетов и ведомств); проведение разъяснительных работ среди сотрудников государственных и общественных организаций; участие в республиканских и международных конференциях, научных заседаниях и семинарах; осуществление научно-религиоведческой экспертизы и издание научных и научно-популярных трудов. Руководство Центра регулярно встречается с религиоведами, сотрудниками различных НПО республики на различных местных и международных экспертных площадках, где происходит обмен мнениями по вопросам продвижения межрелигиозной толерантности и противодействия насильственному экстремизму. Организатором нередко выступает IWPR, с которым Центр подписал меморандум о взаимопонимании (в 2018 г.). Эксперты Центра вместе с IWPR участвуют в тренингах по повышению квалификации религиозных деятелей и журналистов в Таджикистане [11].

Управление стратегических исследований МИД РТ. Управление возглавляет Ниятбекзода Вафо Алибек – одна из ключевых фигур таджикистанского внешнеполитического ведомства, представляющая страну на многочисленных встречах международного уровня. Центр занимается не только анализом международных отношений, но и играет одну из важнейших ролей в принятии решений внутри- и внешнеполитического характера. В связи с этим, неудивительно, что на официальном сайте МИД РТ нет исчерпывающей информации о деятельности Управления. Заместителем начальника Управления является эксперт ПИР-Центра [22] Халиков Бахтиёр Халикович; среди экспертов также представлен Маъруфджон Абдуджабборов – главный специалист ЦСИ, участник Школы аналитики SABAR.asia [23] и другие сотрудники.

Несмотря на то что информация о публикационной активности Управления за последние годы практически отсутствует, на сайте МИД Таджикистана размещено несколько единиц литературы, изданной Управлением стратегических исследований совместно с рядом ведомств МИД РТ, таких как Управление стран Содружества Независимых Государств, Управление стран Азии и Африки, Управление стран Европы и Америки и др. [2; 3; 14].

Аналитические центры, представляющие академические учреждения

Институт экономики и демографии Академии наук РТ (ИЭиД АН РТ). ИЭиД АН РТ считается основным научным центром подготовки кадров высшей квалификации страны в области экономической науки. Институт проводит значительную работу по сосредоточению научных сил республики для решения крупных перспективных комплексных народнохозяйственных проблем; укреплению связей экономической науки с потребностями производства; расширению масштабов подготовки ученых-экономистов высшей квалификации. Проблематика определения научно-обоснованных перспектив комплексного развития и рационального размещения производительных сил Таджикистана, над которой ИЭиД АН РТ работает последние годы, – является ключевой для данной организации. Институт принимает активное участие в жизни государства: например, он участвовал в разработке Национальной Стратегии Развития Таджикистана до 2030 г. и Программы Среднесрочного развития Таджикистана на 2016–2020 гг.

ИЭиД АН РТ является единственным научным учреждением Республики Таджикистан, который занимается системными теоретическими и методологическими вопросами развития экономической науки, истории, теории и методологии рыночных преобразований. На базе Института функционирует постоянно действующий республиканский теоретический и методологический семинар, участниками которого являются кафедры экономической теории высших учебных заведений страны. Руководителем Института является доктор экономических наук, член-корреспондент АН РТ Саидмурадов Л.Х. За последние пять лет работниками Института опубликовано более 60 рецензируемых научных монографий и более 300 статей в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий.

Труды ИЭиД АН РТ включены в РИНЦ [13] и представлены в таких журналах, как «Вестник Университета» (Российско-Таджикский (Славянский) университет), «Международные отношения и безопасность» (журнал ЦСИ при Президенте РТ), «Финансово-экономический вестник» (Таджикского государственного финансово-экономического университета), «Вестник Таджикского национального университета», «Экономика Таджикистана» (ИЭиД

АН РТ), «Таджикистан и современный мир» (ЦСИ при президенте РТ), «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ), и других изданиях.

Центр поддержки образовательных реформ «Пульс» (ЦПОР «Пульс»). Центр «Пульс» был включен в данный обзор на основании монографии Шерали Резоёна «Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан» (2020), в которой автор определяет его как один из основных «мозговых центров» республики. «Пульс», существующий с 2003 г. как общественная неправительственная организация, объединяющая на добровольных началах представителей Министерства образования Республики Таджикистан, преподавателей вузов, учителей школ и представителей бизнес-структур, – самостоятельно осуществил несколько десятков проектов, посвященных актуальным проблемам реформирования образования в Таджикистане. Помимо научно-исследовательской и учебно-методической работы, «Пульс» активно развивает издательскую деятельность, занимается повышением качества подготовки педагогических кадров и внедрением современных инновационных методов в образовательно-воспитательный процесс школ Таджикистана [16]. Несмотря на свой статус, организация является неотъемлемой частью системы образования Таджикистана и имеет теснейшие контакты с Министерством образования Таджикистана и академическими учреждениями республики. Организация активно сотрудничает с институтом «Открытое общество» и другими международными организациями.

Несколько АЦ существуют при Российско-Таджикском (Славянском) университете, созданном в г. Душанбе в 1996 г. [9]. Наиболее сильным мозговым центром РТСУ, известным далеко за пределами самого ВУЗа и Таджикистана является Центр геополитических исследований (ЦГИ РТСУ), образованный в октябре 2002 г. В своей деятельности ЦГИ акцентирует внимание на фундаментальных геополитических исследованиях, выработке рекомендаций, разработке геостратегических прогнозов развития государств на евразийском пространстве, разработке прогнозов по развитию политических процессов, проблемах геополитики в государствах Евразии. Результаты исследований опубликованы в ряде изданий

ЦГИ и используются в аналитических центрах и различных ведомствах республики в целях развития сотрудничества, обеспечения единства и безопасности Евразии. Центр плодотворно развивает научно-исследовательскую работу, ежегодно организует круглые столы и международные конференции по актуальным геополитическим проблемам, осуществляет издательскую деятельность (в том числе публикует материалы международных конференций) [15], сотрудничает с международными организациями. Наиболее известными сотрудниками Центра являются Г.М. Майтдинова, Р.У. Ульмасов, Ш. Резоён, М.А. Олимов, Л.Х. Саидмуродов.

Центр региональных и сравнительных исследований (ЦРСИ ТНУ). Среди других вузов республики стоит отметить главную «кузницу» таджикских кадров – Таджикский национальный университет (ТНУ), при котором действует *Центр региональных и сравнительных исследований (ЦРСИ ТНУ)*, созданный в 2020 г. ЦРСИ активно занимается исследованиями, касающимися центральноазиатской проблематики. Руководство Центром осуществляется основателем и сотрудником «Шарк», доктором исторических наук М.А. Олимовым. Благодаря многолетнему опыту работы в АЦ «Шарк» М.А. Олимову удалось в кратчайшие сроки наладить плодотворное сотрудничество с рядом зарубежных центров.

Негосударственные аналитические центры

Научно-исследовательский Центр «Шарк». НИЦ «ШАРК» был создан в 1996 г. группой исследователей Академии наук Таджикистана во главе с М.А. Олимовым. В последующем Центр возглавила супруга М. Олимова – Саодат Олимова, – кандидат философских наук, эксперт РСМД. Центр имеет статус неправительственной организации, полностью независим в финансовом и организационном плане. «Шарк» рассматривается как один из крупных исследовательских центров Таджикистана, занимающийся социальными, маркетинговыми и медиаисследованиями. Организация имеет опыт проведения социальных исследований по миграции, экономическим преобразованиям, сельскому хозяйству, окружающей среде, здравоохранению и образованию, малому и среднему бизнесу, избирательным ценностям, политике, безопасности и религии.

Центр Свободного Рынка Таджикистана (ЦСРТ). ЦСРТ является общественной организацией, работающей в области укреп-

ления демократического правового государственного управления в Таджикистане через продвижение ценностей либеральной экономики, свободного рынка и приоритета частной собственности. После кончины его основателя, одного из самых известных таджикских экономистов – Константина Бондаренко (в 2017 г.), его возглавил участник Школы аналитики CABAR.asia (г. Душанбе) Азиз Тимуров. Публикации ЦСРТ отражены на сайте CABAR.asia [12].

Компания «Z – Analytics Group» (Центр социологических исследований «Зеркало»). Организация была образована в результате преобразования Центра социологических исследований «Зеркало» (осуществлявшего свою деятельность на территории Таджикистана с 1999 г.) в компанию «Z – Analytics Group». В сферу деятельности компании входят три основных направления: реализация социологических и маркетинговых исследований; проведение собственных исследовательских проектов, таких как «Медиа-мониторинг», «мониторинг Интернет-пространства», «мониторинг общественного мнения»; социальное партнерство с научно-исследовательскими и образовательными учреждениями Таджикистана. «Z – Analytics Group» довольно тесно сотрудничает с экспертными кругами АН РТ и ТНУ. Помимо столицы (г. Душанбе), где располагается управление Центра, имеются региональные представительства в Хатлонской и Согдийской областях. Организация располагает штатом в 20 человек. Руководит ЦСИ известный социолог и блогер К.Н. Бакаев. Судя по информации, представленной на сайте организации, – активный период ее деятельности приходится на 2005–2009 гг. [17]. Публикационная активность организации отмечается только до 2016 г. Возможно, это объясняется тем, что результаты исследований в основном не публикуются на сайте, а передаются непосредственно заказчику.

Центрально-Азиатский экспертный клуб «Евразийское развитие» (ЦАЭК «Евразийское развитие»). ЦАЭК «Евразийское развитие» – это международная общественная организация, созданная в 2014 г., целью которой является консолидация усилий экспертного сообщества Таджикистана, России и других стран Евразии для выработки и реализации проектов и программ регионального развития. Деятельность Клуба построена вокруг выработки и продвижения концепции евразийского развития как прак-

тической программы совместного развития стран Центральной Азии и России при активном взаимодействии с другими странами в Евразии и за ее пределами. Эта программа включает как историко-философское обоснование, так и разработку соответствующих стратегических, отраслевых и региональных решений. Для достижения главной цели Клуб осуществляет свою деятельность в формах организации и проведения конференций, круглых столов, форумов, семинаров по проблематике евразийского развития. Данная организация служит в качестве площадки для информационного обмена с государственными, политическими, академическими, экспертными и медийными организациями. Организация располагает авторитетным составом экспертов [21], состоящим как из таджикских, так и из российских аналитиков. Председателем правления Клуба является первый заместитель Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан Сайфулло Сафаров. В состав правления также входят Г.М. Майтдинова (руководитель АЦ «ЦГИ РТСУ»), Х. Мухаббатов (АН РТ), Г. Кошлаков (РТСУ), К. Хидоятзода (эксперт SABAR.asia) и другие известные ученые.

Общественная организация «Тахлил». Организация была создана в 2019 г. на базе Экспертно-аналитического центра Таджикского национального университета. Основными формами деятельности Центра «Тахлил» являются организация и проведение анализов, прогнозов, мониторинга, экспертиз и экспертно-аналитической работы в области политического, экономического, социально-экономического и информационного развития, а также сферы безопасности. Директором ОО «Тахлил» является Ф. Салимов – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан ТНУ, эксперт SABAR.asia. Основные публикации «Тахлил» размещены на сайте партнера организации – некоммерческой корпорации «Search for Common Ground» [20], имеющей представительство в Кыргызстане. Среди работ, изданных в последние годы, стоит отметить: «Анализ СМИ и социальных медиа по свободе вероисповедания и насильственному экстремизму в Центральной Азии: по материалам Казахстана, Таджикистана и Узбекистана» [1]; «Анализ нормативно-правовой базы по свободе вероисповедания и

убеждений: Казахстан, Таджикистан, Узбекистан» и другие публикации [10].

Ссылаясь на оценку Шерали Резоёна, в существующий перечень АЦ также была включена «Консалтинговая компания «М-Вектор», занимающаяся социологическими, маркетинговыми исследованиями и бизнес-консалтингом. Компания реализовала более 1400 исследовательских и консалтинговых проектов в области сельского хозяйства, образования, здравоохранения, религии и миграции. Головной офис «М-Вектор» располагается в Кыргызстане (в г. Бишкек), три страновых представительства располагаются в Таджикистане – (в г. Душанбе) в Узбекистане – (в г. Ташкент); в Казахстане – (г. Алматы). Также имеется информационный офис в г. Торонто (Канада). «М-Вектор» работает с местными и зарубежными коммерческими компаниями, международными и донорскими организациями, реализовывая для них исследования по всей Евразии. «М-Вектор» является членом Европейского общества по исследованиям и маркетингу (European Society of Marketing Research Professionals, ESOMAR), что обязывает компанию нести ответственность за результаты своих проектов. Информации о численности штата «М-Вектор» на территории Таджикистана нет.

Общественная организация Независимый центр по защите прав человека. ОО Независимый центр по защите прав человека был зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Таджикистан в 2010 г. Центр является независимой правозащитной организацией, состоящей из юристов и адвокатов, специализирующихся на защите общественных интересов и публикации аналитических материалов. Организация работает по таким направлениям, как борьба с пытками и безнаказанностью (защита жертв пыток и лиц, подвергшихся жесткому обращению) в Таджикистане; юридическая защита СМИ, а также правовая защита лиц, подвергшихся принудительному выселению в связи с изъятием земельных участков для общественных и государственных нужд. Коллектив Центра, состоящего из восьми человек, возглавляет эксперт SABAR.asia Шоира Давлатова. Публикации Центра по защите прав человека состоят из небольших аналитических докладов, материалов информационного характера (например: Социальное жилье: официальные ответы госорганов. 13.04.2022), социологических опросов среди компетентных органов и независимых

экспертов и рядового населения. Данных о качестве и общем количестве публикаций нет, однако факты участия (соавторства) Центра в подготовке альтернативных докладов в Комитет ООН против пыток, в Комитет ООН по правам человека, в Комитет ООН по правам ребенка, а также сообщений Специальному Докладчику ООН по свободе от пыток и по праву на достаточное жилище – дают основание полагать, что качество публикаций соответствует международным стандартам. Наличие членства организации в рабочей группе по подготовке проекта Жилищного кодекса Республики Таджикистан и Уголовного кодекса Республики Таджикистан – говорит о тесном взаимодействии организации с государственными органами, в том числе и лицами, принимающими решения (ЛПР). В образовательно-ознакомительных целях в различных областях республики проводятся презентации (питчинги) по вопросам жилищного права (Международное право и право на достаточное жилище и др.).

Неизученным остается вопрос финансирования негосударственных АЦ; вероятно, оно осуществляется по линии внутренних и внешних доноров: Института «Открытое общество» / Фонд содействия в Таджикистане (Фонд Дж. Сороса) и ряда других НПО. При этом сам факт финансирования не является столь постоянным по сравнению с государственным, что объясняется складывающейся геополитической динамикой в регионе, изменением приоритетов НПО-доноров, наличием жесткого контроля со стороны государственных надзорных органов, изменением нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность НПО и т.д.

Показательно принятие Особого закона «Об общественных объединениях» (2015), предусматривающего усиление мониторинга над деятельностью общественных организаций – получать информацию об источниках финансирования проектов НПО, доходах и расходах, а также целях грантов. Это привело к значительному сокращению числа организаций в стране. Очевидно, это отразилось и на деятельности некоторых НПО, занимающихся также и аналитической деятельностью. Возможно, с этим связано снижение активности Центра социологических исследований «Зеркало», Центра свободного рынка Таджикистана и ряда менее значительных АЦ.

Стремление жестко регулировать деятельность частных АЦ может быть обусловлено также отсутствием у части из них видных экспертов из академической среды Таджикистана, бывших госслужащих, общественных деятелей и журналистов, способных «наладить мосты» между ними и государством, чтобы не настораживать таджикскую власть своей активностью и не давать оснований для подозрений в ведении «подрывной» или иной деятельности, противоречащей интересам Республики Таджикистан.

Учитывая перенесенную гражданскую войну и напряженную обстановку в соседнем Афганистане, такая государственная политика кажется вполне оправданной. Авторитарная форма правления в Таджикистане, как и в большинстве государств региона, также резко ограничивает свободу мысли в стране.

Учебно-образовательный аспект подготовки аналитиков частных и государственных АЦ проходит на различных платформах местных и региональных НПО, среди которых видное место занимает SABAR.asia. Неправительственные доноры прекрасно осознают нехватку квалифицированных экспертов, что видно и при рассмотрении экспертного состава негосударственных АЦ, который уступает государственным по количеству людей с ученой степенью. Тем не менее часть из рассмотренных частных «мозговых центров», располагая небольшим штатом сотрудников (по сравнению с государственными), сохраняет аналитическую активность благодаря высококвалифицированным кадрам, пришедшим из академической среды (государственной) либо совмещающим свою деятельность в обоих видах центров.

Среди факторов, усиливающих или как минимум поддерживающих деятельность АЦ в Таджикистане, стоит отметить наличие международных экспертных площадок, к числу которых относится SABAR.asia, Центрально-Азиатский экспертный клуб «Евразийское развитие», ЦГИ РТСУ, на платформе которых многие эксперты как государственного, так и негосударственного сектора могут обмениваться мнениями по ключевым и самым актуальным вопросам странового и регионального масштаба. Это подразумевает также более тесное взаимодействие государственных и негосударственных центров, служа мостом между ними, что в какой-то мере способствует увеличению влияния негосударственных АЦ на государственные ведомства и ЛПР.

Наличие в Таджикистане сильного влияния РФ будет способствовать укреплению всестороннего таджикско-российского сотрудничества, евразийской интеграции в рамках постсоветского пространства, вероятно также участие в китайских проектах. В условиях новой геополитической реальности можно предположить дальнейшее ослабление деятельности западных НПО в республике при одновременном усилении российских, китайских (а также иранских) АЦ, которые, скорее всего, будут формироваться на основе межгосударственных, ведомственных договоренностей и пополнят ряды академических «мозговых центров» либо будут непосредственно созданы при уже действующих центрах.

Список литературы

1. Брацев И., Бабаджанов Б., Резоен Ш. Анализ СМИ и социальных медиа по свободе вероисповедания и насильственному экстремизму в Центральной Азии : кейсы Казахстана, Таджикистана и Узбекистана. – URL: : https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2021/01/Mass_media_and_social_media_analysis_on_religious_freedom_and_violent_extremism_in_Central_Asia.pdf (дата обращения : 27.04.2022).
2. Зарифи Х., Зухидов Н., Назриев Д. Эмомали Рахмон-основатель внешней политики Таджикистана = Эмомали Раҳмон – бунёнгузори сиёсати хориҷии Тоҷикистон. – Душанбе : Ирфон, 2012. – 272 с. – URL: https://mfa.tj/uploads/main/2013/03/e_rahmon.pdf (дата обращения : 13.04.2022).
3. Зоҳиди Н., Ниятбеков В., Камолов А. 25 шагов во вселенной = 25 Қадам дар паҳни олам. – Душанбе : Ирфон, 2016. – 220 с. – URL: <https://mfa.tj/uploads/main/2020/08/25-qadam-dar-pahnoi-olam-7-11-MB.pdf> (дата обращения : 13.04.2022).
4. Институт по освещению войны и мира / Сайт Института по освещению войны и мира. – URL: <https://iwpr.net/about/people/iwpr-central-asia> (дата обращения : 12.04.2022).
5. Кадровые перестановки в регионах Таджикистана : кого уволил Рахмон / Сайт Новостного агентства «Sputnik». – URL: <https://tj.sputniknews.ru/20220127/kadrovye-perestанovki-region-tajikistan-uvolneniye-1045241466.html> (дата обращения : 11.04.2022).
6. Мозговые центры Узбекистана и Таджикистана договорились о сотрудничестве на полях научно-практической конференции в Душанбе / Сайт Информационно-аналитического портала «Review.uz». – URL: <https://review.uz/post/mozgove-centr-uzbekistana-i-tadjikistana-dogovorilis-o-sotrudnichestve-na-polyax-nauchno-prakticheskoy-konferencii-v-dushanbe> (дата обращения : 20.04.2022).

7. На парламентских выборах в Таджикистане победила партия власти / Сайт информационного агентства «Регнум». – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2872690.html> (дата обращения : 23.04.2022).
8. О нас / Сайт Проекта Института по освещению войны и мира «Central Asian Bureau for Analytica Reporting (CABAR.asia)». – URL: <https://cabar.asia/ru/about-ru> (дата обращения : 12.04.2022).
9. Основные сведения / Сайт Российско-Таджикского (Славянского) Университета. – URL: <https://www.rtsu.tj/ru/univercity/about/osnovnye-svedeniya/> (дата обращения : 26.04.2022).
10. Подопригра Р., Бабаджанов Б., Резоен Ш. Консолидированный отчет по результатам анализа нормативно-правовой базы по свободе религии и убеждений в Республике Казахстан, Республике Узбекистан и Республике Таджикистан / Сайт некоммерческой корпорации «Search for Common Ground». – URL: https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2021/01/Analysis_of_the_legal_framework_for_freedom_of_religion_and_belief_in_Kazakhstan_Uzbekistan_and_Tajikistan-RU.pdf (дата обращения : 27.04.2022).
11. Пресс-релиз Центра исламоведения при Президенте Республики Таджикистан о научно-исследовательской и организационной деятельности в 2018 году / Сайт Центра исламоведения при Президенте Республики Таджикистан. – URL: <https://mit.tj/article/пресс-релиз-центра-исламоведения-при-президенте-республики-таджикистан-о-научно> (дата обращения : 20.04.2022).
12. Публикации Азиза Тимурова / Сайт Проекта Института по освещению войны и мира «Central Asian Bureau for Analytical Reporting» (CABAR.asia). – URL: <https://cabar.asia/ru/author/aziztimurov> (дата обращения : 28.04.2022).
13. Публикации Лутфулло Саидмуродова / Сайт Научной электронной библиотеки «eLIBRARY.RU». – URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=859054 (дата обращения : 13.04.2022).
14. Публикации МИД РТ / Сайт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан. – URL: <https://mfa.tj/ru/main/ministerstvo/publikatsii-mid> (дата обращения : 13.04.2022).
15. Публикации ЦГИ / Сайт Российско-Таджикского (Славянского) Университета. – URL: <https://www.rtsu.tj/ru/univercity/tsentry/tsentr-geopoliticheskikh-issledovaniy-novyy-razdel/publikatsii-tsgi.php> (дата обращения : 18.04.2022).
16. Рашидов Т.Е. Осуществление реформы общеобразовательной средней школы в Республике Таджикистан (1991–2011) : автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н. – Душанбе, 2012. – 25 с. – URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01006523437.pdf (дата обращения : 25.04.2022).
17. Реализованные исследования / Сайт Центра социологических исследований «Зеркало». – URL: <http://zerkalo.tj/research/54-realizovannye-issledovaniya.html> (дата обращения : 16.04.2022).
18. Социальное жилье : анализ законодательства / Сайт Независимого центра по защите прав человека. – URL: <https://ichrptj.org/ru/blog/socialnoe-zhile-analiz-zakonodatelstva> (дата обращения : 29.04.2022).

19. Социальное жилье : опрос / Сайт Независимого центра по защите прав человека. – URL: <https://ichrptj.org/ru/blog/socialnoe-zhile-opros> (дата обращения : 29.04.2022).
20. Таджикистан / Сайт некоммерческой корпорации «Search for Common Ground». – URL: <https://www.sfcg.org/tag/tajikistan/> (дата обращения : 21.04.2022).
21. Эксперты / Сайт Центрально-Азиатского экспертного клуба «евразийское развитие». – URL: <http://eurazvitiye.org/experts> (дата обращения : 29.04.2022).
22. Эксперт / Сайт неправительственной организации «ПИР-Центр». – URL: <https://www.pircenter.org/experts/881-halikov-bahtiyor-halikovich> (дата обращения : 30.04.2022).
23. Эксперты. Таджикистан / Сайт Проекта Института по освещению войны и мира «Central Asian Bureau for Analytical Reporting (CABAR.asia)». – URL: <https://cabar.asia/ru/category/eksperty/eksperty-tadzhikistan> (дата обращения : 18.04.2022).
24. IWPR и CABAR.asia провели экспертный форум по Центральной Азии / Сайт Проекта Института по освещению войны и мира «Central Asian Bureau for Analytical Reporting (CABAR.asia)». – URL: <https://cabar.asia/ru/iwpr-i-cabar-asia-proveli-ekspertnyj-forum-po-tsentralnoj-azii> (дата обращения : 20.04.2022).
25. James G. McGann 2020 Global Go To Think Tank Index Report / University of Pennsylvania. – Pennsylvania, 2021. – 366 p. – URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=think_tanks (дата обращения : 14.04.22).

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

СИДОРОВА С.Е.* О НЕПРИКАСАЕМЫХ И ПРИКОСНОВЕНИ-
ЯХ: СИМВОЛИЧЕСКО-МАТЕРИАЛЬНЫЕ АТТРИБУТЫ
НЕОБУДДИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ В НАГПУРЕ.

Аннотация. XX век в Индии был отмечен движением дали-
тов (неприкасаемых) за свои права под руководством идейного и
духовного лидера Б. Амбедкара. Результатом их протестного акти-
визма, разворачивавшегося преимущественно в городских про-
странствах, стало появление новой социально-религиозной тради-
ции – необуддизма. В статье освещаются процессы формирования
сакральных локусов в современных городах. В частности, на при-
мере г. Нагпура анализируются способы укоренения необуддий-
ской традиции, апроприации приверженцами формирующегося
культа некоторых городских мест, их символическое маркирова-
ние и сакрализация с помощью перформативных и материальных
практик, рассматривается изменение топографии и статуса города,
появление в нем идеологически конфликтующих пространств.

Ключевые слова: Индия; Нагпур; неприкасаемые / *дали*ты /
махары; (нео) буддизм; Амбедкар; Самта Сайник Дал;
Дикшабхуми; Будда.

SIDOROVA S.E. untouchables and touches: symbolic and material
attributes of the neo-buddhist tradition in Nagpur.

Abstract. The 20 th century in India was marked by a movement
of Dalits (untouchables) for their rights under the leadership of their

* Сидорова Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института востоковедения РАН, старший научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам РАН.

ideological and spiritual leader B. Ambedkar. The result of their protest activism, which covered mainly urban spaces, was the emergence of a new socio-religious tradition of neo-Buddhism. The article highlights the processes of formation of sacred loci in modern cities. On the example of the city of Nagpur, the author analyzes the ways of rooting the neo-Buddhist tradition, the appropriation of some urban places by adherents of the emerging cult, their symbolic marking and sacralization with the help of performative and material practices, the change in the topography and status of the city and the emergence of ideologically conflicting spaces in it.

Keywords: India, Nagpur, untouchables/dalits/mahars, Buddha, (neo)Buddhism, Ambedkar, Deekshabhoomi, Samta Sainik Dal.

Для цитирования: Сидорова С.Е. О неприкасаемых и прикосновениях: символическо-материальные атрибуты необуддийской традиции в Нагпуре // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 4. – С. 70–93. DOI: 10.31249/RVA/2022.04.05

14 октября 1956 г. в расположенном в центре Индии городе Нагпуре состоялась самая массовая в истории человечества церемония религиозного обращения. В тот день Бхим-рав Рамджи (Баба-сахеб¹) Амбедкар (1891–1956), политический деятель и социальный реформатор, вместе с несколькими сотнями тысяч далитов² принял буддизм. Религиозное, по сути, действие было формой социального протеста против кастового устройства общества, в соответствии с которым неприкасаемые, по факту рождения оказавшиеся за пределами четырехварновой³ системы, считались ритуально нечистыми изгоями. Обращение происходило в западной части города на огромном пустыре площадью в 14 акров,

¹ Баба-сахеб («отец-господин») – уважительное обращение к старшему по положению, возрасту.

² Далиты («угнетенные, подавленные») – политизированный термин для обозначения низкастовых (бывших неприкасаемых), пришедший на смену понятию «хариджаны» («дети бога»), введенному в 1930-х годах М. Ганди. В официальных документах эта категория населения определяется как «зарегистрированные касты».

³ Варна – одно из сословий (брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры), на которые делилось индийское общество.

который впоследствии получил название *дикиша бхуми*, что в переводе с санскрита означает место / земля (*bhūmī*) обращения (*dīkṣā*).

Васант Мун (род. 1932), свидетель, участник и один из организаторов церемонии, вспоминал «один важный эпизод» того дня. За пятнадцать минут до прибытия на пустырь Амбедкара, Мун обратил внимание на металлические складные стулья на сцене, которые, по его мнению, не годились для того, чтобы на них сидели Амбедкар и его супруга. Узнав, что большие стулья, предоставленные городской администрацией, еще в пути и не прибудут вовремя, Мун с помощником поспешил к главному выходу с поля и неподалеку от дороги увидел человека, отдыхавшего на веранде своего бунгало. По виду он был мусульманином. Получив его разрешение позаимствовать на время два легких тиковых стула, Мун успел доставить их на сцену буквально за минуту до появления Амбедкара [17, с. 153]. Весьма неподробное описание событий памятного дня в автобиографической книге Муна заканчивается словами: «Спустя три или четыре месяца после ритуала я вновь отправился на пустырь, где происходило обращение. Вся территория находилась в запустении. Но я хорошо помнил массу одетых в белое людей, и внезапно в моей памяти всплыло, как мне пришлось найти стул, который обрел ритуальную чистоту от прикосновения к нему руки Баба-сахеба, совершившего *дхамма-дикишу*¹. Это исторический стул. Я пошел в то самое бунгало и после расспросов получил ответ: “Человек, который жил здесь, уехал в Мадхья-прадеш”. “Вы знаете его адрес?” – “Нет, мы ничего не знаем”. Я отправился домой в печальном настроении» [17, с. 156]. О феномене оставленных на артефактах следах человеческого тела размышлял американский литературовед и теоретик культуры Стивен Гринблатт. Он пишет, что такие следы создают контекст существования предметов во времени, некоторые из этих предметов в дальнейшем превращаются в музейные объекты, что уберегает их от нанесения новых следов. Гринблатт в качестве примера упоминает невзрачную, склеенную вазу на выставке Марселя Пруста, около которой была надпись: «Эту вазу разбил Марсель Пруст» [14, с. 22].

¹ Дхамма (*dhamma*, *пали*) – основной закон, совокупность правил и установлений, определяющих поведение.

К моменту, когда Мун вернулся за стулом, знаменательное событие уже кануло в прошлое, оставив после себя лишь заброшенную городскую пустошь. Для цеплявшегося за воспоминания Муна стул, в течение нескольких часов безмолвным свидетелем простоявший на сцене и вобравший значимость и святость сидевшего на нем Амбедкара, стал осязаемым доказательством произошедшего. Запоздалые поиски «исторического» предмета мебели были попыткой трансформировать текучее во времени, конечное и уникальное / единичное событие, а также связанные с ним эфемерные воспоминания в форму твердых и обладающих длинным жизненным циклом материальных предметов. Так же, как и стул, само место, где происходило действие – город Нагпур – напиталось важностью кульминационного события через физическое соприкосновение с телами участников. Предлагаемая статья посвящена процессу укоренения новой социально-религиозной традиции в современном городе, превращению Нагпура в место ее хранения и популяризации путем накопления связанных с ней практик, действий и материальных объектов. Это статья не о сути традиции, а о ее материализации и размещении в пространстве¹.

Земля махаров

В отличие от стула, обретшего в 1956 г. статус сакрального предмета, джутовая подстилка, на которой во время школьных занятий сидел маленький Амбедкар отдельно от других учеников, была ритуально грязной. Он должен был уносить ее каждый день с собой, чтобы уборщик класса не мог до нее дотронуться и «оскверниться» [6, с. 670]. Амбедкар принадлежал к касте махаров, которые составляют большую часть неприкасаемых в Махараштре. Традиционно махары жили за пределами деревень, а в городах компактными группами в определенных районах, они выполняли нечистую работу, нанимались сторожами, подметальщиками, выносили трупы животных. Им запрещено было посещать индусские храмы, использовать воду из общих колодцев.

¹ Импульсом для такого подхода стали коллективная работа «Топографии веры: религия в городских пространствах» [10] и монография Нотта К. «Локализация религии: спациональный анализ» [15].

В Нагпуре главным, хотя и не единственным, местом их проживания является район Ситабар(л)ди или Барди, как его сокращенно называл родившийся там Мун. Он располагается рядом с одноименным холмом, разделяющим город на восточную и западную части. В восточной, исторической, находились старинные городские кварталы и дворец бывших раджей Нагпурского княжества, аннексированного Ост-Индской компанией еще в 1853 г. В западной, относительно новой, с начала XIX в. начали обустраиваться британцы со своими бунгало, административными зданиями, казармами и т.д.¹ К юго-западу от Ситабар(л)ди примыкали районы Махарпура, Махарадж-парк, Дхармапетх, Барамора, Дхантоли – все это были территории, где протекала жизнь далитов, их «места» в городе. Такое расположение на пространственном стыке двух культур: местной, в Нагпуре преимущественно индусской, вытолкнувшей махаров на городскую окраину, и иноземной, наоборот привлекавшей неприкасаемых, весьма символично. При британцах махары получали возможности социального лифта, они отказывались от традиционных видов занятости и вливались в ряды индустриальных рабочих, занятых на текстильных фабриках и в железнодорожном строительстве, их также охотно зачисляли на службу в Британскую армию [21, с. 134], хотя это и не снимало с них стигмы изгойства. Как пишет Васант Мун, в Мумбаи махарам не позволялось прикасаться к пряже и тканям, из-за чего они не могли работать на текстильных фабриках. Однако в Нагпуре, одном из главных текстильных центров Индии, их положение было лучше, и они составляли до 50% от общего числа рабочих на предприятиях подобного рода [17, с. 79].

Сам Амbedкар родился в 1891 г. в Мхау (в Центральной Индии, недалеко от Индора), где располагался британский гарнизон, в котором субедаром служил его отец. И в дальнейшем Амbedкар благодаря этим связям с колониальными структурами получил образование в Колумбийском университете и Лондонской школе экономики. Мун упоминает, что в британском военном гарнизоне в городке Кампти близ Нагпура было целое подразделение махаров, они также служили поварами у европейских чиновников, военных и миссионеров [17, с. 11].

¹ Подробнее о пространственном устройстве Нагпура см.: [4].

Когда во второй половине 1920-х годов Амбедкар начал заниматься общественной деятельностью, он связывал социально-политические и экономические проблемы Индии не с британским правлением, а с кастовой системой и в этом принципиально расходился с Махатмой Ганди и другими лидерами Индийского национального конгресса (далее ИНК), позиция которых не содержала отказа от нее как основы общественного устройства Индии. Поэтому в то время как Ганди организовывал антибританские акции в виде соляных походов, Амбедкар параллельно устраивал акты протеста за права неприкасаемых, в частности их право посещать индусские храмы или пользоваться водой из общих колодцев. В марте 1927 г. он инициировал поход к колодцу Чоудар Тэнк в Махаде, недалеко от Бомбея, откуда далитам запрещено было брать воду, а в конце того же года демонстративно сжег Манусмрити, или законы Ману, брахманический кодекс, в котором прописывалось кастовое устройство общества и обязанности членов варн. Этот текст Амбедкар рассматривал как ключевой в индусской традиции для оправдания социальной, экономической, религиозной и политической дискриминации неприкасаемых. В 1930 г. он запустил еще одну кампанию в Насике за право входа для неприкасаемых в знаменитый храм Каларам [21, с. 138].

Примечательно, что в рамках этих же акций 1 января 1927 г. Амбедкар провел поминальную церемонию у обелиска, возведенного в память одной из последних битв Третьей англо-маратхской войны, состоявшейся при Корегаоне 1 января 1818 г. между войсками Ост-Индской компании и *пешвы*, главы Маратхской конфедерации. На обелиске были выбиты имена 49 погибших солдат, 22 из которых принадлежали к махарам, сражавшимся на стороне победившей немногочисленной британской армии. После церемонии мемориал стал восприниматься как символ борьбы угнетенных неприкасаемых с высококастовыми индусами, с которыми ассоциировалась фигура побежденного *пешвы*. С тех пор ежегодно 1 января в этом месте проводятся мероприятия в память о павших воинах-индийцах, героически сражавшихся против репрессивного режима правителя маратхов¹. В этом смысле символично, что ме-

¹ В 2018 г. отмечалось 200-летие со дня битвы, и особо многолюдная по случаю юбилея церемония была прервана вмешательством индусских праворадикальных групп, последовавшей вспышкой протестных акций и столкновений по

сто обращения в буддизм, ставший формой протеста против несправедливости социального устройства индусского общества, оказалось именно в западной, «британской» части города, хотя скорее всего его выбор был связан с тем, что она была не такая застроенная и зияла большими пустотами.

Социальный протест: махары на марше

Деятельность Амбедкара имела поддержку по всей Махараштре в виде мощного низового движения среди махаров¹. В Нагпуре оно было представлено целым рядом известных общественных деятелей², печатных органов и организаций, которые создавались еще с начала века³. Наиболее активной среди последних была Самта Сайник Дал (Samta Sainik Dal, Армия за социальное равенство, далее ССД). Хотя она была основана еще в 1927 г. во время похода к Чоудар Тэнк для защиты его участников от агрессивно настроенных кастовых индусов, но в Нагпуре, конкретно в Ситабар(л)ди, ее отделение появилось только в 1938 г. ССД представляла собой военизированную общественную организацию с жесткой внутренней дисциплиной, объединявшую сочувствующих принципам Амбедкара махаров [16, с. 102–103]. По

всей Махараштре, арестом ряда общественных деятелей, широко освещавшимися в прессе. Так, перевернутая британцами страница их истории остается активно читаемой в современной Индии. Воспетая колонизаторами в камне и надписях победа над мощной индийской политией спустя десятилетия взята на вооружение далитскими группами.

¹ Из 83 далитских организаций, существовавших в 1956 г. в 14 индийских штатах, наибольшее число (29) действовало на территории Махараштры. В остальных штатах общее число таких организаций варьировалось от 1 до 10 [16, с. 109].

² Лакшман Наргале Хардас, Кисан Фагуджи Бансод, Нараян Хари Кумбхаре и др.

³ Например: Sanmarg Bodhak Nirashrit Samaj, г. Нагпур (1903), Mahar Tarun Mandal, г. Нагпур (1904), Antyaj Samaj Committee, г. Рамтек (1906), Shri Chokhamela Samaj, г. Нагпур (1922), The Central Provinces and Berar Depressed Classes Education Society, г. Нагпур (1922), Madya Prant Varhad Bidi Majoor Sangh, г. Кампти (1925), Madya Prantiya Tarun Mahar Sangh, г. Нагпур (1926), Bharat Sant Samaj, г. Рамтек (1927), Sahitya Charcha Mandal, г. Нагпур (1941), Mehtar Kamgar Union, г. Нагпур (1944).

свидетельству Муна, из каждого махарского дома по меньшей мере один мальчик состоял добровольцем в ССД [17, с. 43].

Эффективность организации заключалась в том, что она функционировала в постоянном режиме. Мун, который был ее членом, рассказывает о ежедневных сборах на поле, физических тренировках, обучении упражнениям с палками (к концам которых в случае необходимости можно было прикрепить лезвия, спрятанные в поясах), маршировках, муштре, воспитании коллективной дисциплины и непрерывной социальной работе по оказанию помощи членам махарской общины. Все члены нагпурского отделения ССД распределялись по взводам, три взвода образовывали отделение, три отделения – роту, три роты – бригаду [17, с. 64–70]. В 1941 г. к ССД присоединился Ваманрав Годболе (1922–2006), один из активных участников далитского движения в Нагпуре, который начал открывать ее отделения в западной, южной и восточной частях Нагпура, создавая городскую сеть организации, представлявшей интересы махаров. Именно члены ССД обеспечивали безопасность первой учредительной конференции Федерации зарегистрированных каст (Scheduled Casts Federation, SCF, далее ССФ), основанной Амбедкаром, которая прошла в Нагпуре. Федерация носила характер уже не локальной, а общенациональной организации, а вместе с ней такой же статус приобрела и ССД. Тогда же у ССД появился общий с Федерацией флаг – на голубом фоне белый круг солнца, «которое олицетворяло Амбедкара», на нем английские буквы SCF, в верхнем углу у древка 11 белых звезд, символизировавших 11 провинций Индии, а в нижнем – белые, тоже английские, буквы SSD (ССД) [17, с. 65].

Члены нагпурского ССД не только охраняли Амбедкара во время конференции, но и придавали событию соответствующий антураж. У ее членов появилась красно-зеленая (хаки) форма. Мун так живописал одно из собраний ССД: «Тысячи молодых людей в красных рубашках и штанах цвета хаки стояли шеренгами, и когда Ваманрав Годболе громким голосом дал команду: “Внимание!”, они были похожи на красный ковер с окантовкой цвета хаки по низу и черной кромкой сверху. После того как флаг ССД был поднят вверх, Бханудас Вараде начал проникновенным голосом петь песню, посвященную стягу» [17, с. 66].

С начала 1940-х годов десятки и сотни одинаково одетых людей с флагами и песнями строем маршировали по улицам Нагпура, который, по словам Муна, начал окрашиваться в красное [17, с. 70]. Марши, парады, процессии не ограничивались только днями больших событий, но наполняли городскую жизнь практически ежедневно. Мун писал: «Люди восхищались при виде отрядов красных добровольцев на всех улицах Нагпура. Военизированные дружины начали ходить организованными рядами, отстукивая такт и демонстрируя военную выучку» [17, с. 66]. Однажды ССД организовала однодневное ралли. Оно началось в Барсенагаре рядом с Пачпавали. Оттуда около пяти тысяч человек рядами по четыре двинулись в сторону Ситабар(л)ди. Одетые в униформу, они маршировали с палками длиной около полутора метров на левом плече. Процессию сопровождали пять конных командиров с желтыми шелковым кушаками, на которых были вышиты буквы SSD. А впереди шел оркестр [17, с. 72]. Другая процессия, которую описывает Мун, стартовала 15 января 1946 г. в разных местах Нагпура (Кэмелварде, Дхарампетхе, Намваде, Барди, Дханоли, Поттертауне), сошлась в единый поток у Ганджакхета, где к ней присоединились тысячи людей. Производимый ими «грохот внушал благоговейный страх всему Нагпуру». Они прошествовали через Гандхибаг, Махал, Нью Шукраварди, Барди и рассеялись около Кастурханд-парка [17, с. 95–96].

Австралийский историк, знаток Махараштры Джим Мэсселос в работе, посвященной формам мобильного протеста в 1930-е годы в Бомбее, различает два типа движения: «**в** пространстве и **сквозь** него». Сквозной путь предполагает приближение к какому-нибудь объекту. «Когда же акцент ставится не столько на траектории пути и его завершении, сколько на процессе движения, то возникает другой тип дороги и складываются другие отношения с пересекаемой территорией. Важным становится прохождение через нее, а не прибытие в финальную точку. Конечный пункт назначения приобретает характер случайности, а преодолеваемое пространство наделяется значением. Оно становится местом для взаимодействия, областью, открытой для вторжения, проникновения, использования и контактирования» [2, с. 336, 338]. Именно такими, формально «бесцельными», не имеющими символического конечного пункта назначения были хождения махаров по улицам

Нагпура. Этот перформативный активизм превращал их в заметных членов городского сообщества. Они присваивали пространство, выходя за пределы своих общин, заполняя своими телами городские артерии, делая себя видимыми и слышимыми с помощью организованного движения, демонстрации унифицированной атрибутики и создания шумовых эффектов. Оценивая значимость и смысловую нагрузку такого формализованного действия, Мун проводил следующие аналогии: «Спустя много лет я читал биографию Гитлера. Он тоже проводил парады на улицах Берлина. Однако я чувствовал, что парады ССД были ближе к тем, что устраивали русские солдаты. Глядя на военные марши русских солдат в фильмах после 1950 г., я всегда вспоминал Самта Сайник Дал. Я понимал, сколь осмысленно было решение Баба-сахеба выбрать красные рубашки и штаны цвета хаки» [17, с. 68].

Это навязывание городскому пространству далитского присутствия, апроприация уличных артерий под лозунгами социально-религиозной справедливости происходили в конфликте с гандистско-конгрессиистской (условно, антибританской, национально-освободительной) и консервативно-индусской повестками дня, разворачивавшимися параллельно на тех же площадках. Идеологические баталии имели вполне осязаемые физические проявления. Приехавшему в Нагпур в 1941 г. Ганди махары из ССД не дали выступить, закидав hostel, где он остановился, камнями. Одновременно они скандировали: «Махатма Ганди, уезжай прочь!», а также «Живи долго, Амбедкар. Грядет царство Бхима!» [17, с. 62–63]. Во время мероприятий ИНК в Нагпуре махары проводили марши протеста для того, чтобы привлечь внимание к политическим правам далитов. Один из таких маршей был организован ССФ в 1942 г. во время заседания рабочего комитета ИНК в Вардхе (городе недалеко от Нагпура), на котором Ганди инициировал кампанию «Quit India» (движение «Вон из Индии»). Многочисленные бродячие певцы и поэты ходили по улицам Нагпура с гимнами, в которых ратовали за победу Амбедкара, осуждали раздел страны, призывали к силовому сопротивлению [17, с. 109–115]¹.

¹ О формах мобильного протеста сторонников Ганди и ИНК в Бомбее (соляные и песенные маршруты) см.: [2].

Консервативно-индусская идеология была представлена Ра-штрия сваямсевак сангх (Союз добровольных служителей нации, далее РСС) – организацией, проповедующей идеи индусского национализма или *хиндутвы* («индийскость» или «индусскость»), т.е. идеологии консолидации индийского общества на основе унифицированной версии индуизма. Она была создана маратхским брахманом Кешавом Балирамом Хедгеваром (1889–1940) 27 сентября 1925 г. в Нагпуре в годовщину беспорядков у местной мечети в 1923 г., спровоцированных нападением толпы мусульман на процессию индусов, не сумевших тогда защитить себя. К 1927 г. РСС обзавелся военизированными отрядами добровольцев и во время очередной стычки с мусульманами дал им отпор, вслед за чем последовало бегство мусульман из Нагпура. Примечательно, что штаб-квартира РСС расположена в восточной, старой части города, которая существовала до британцев, где и поныне располагается дворец нагпурского раджи. До падения Маратхской конфедерации в 1818 г. Нагпурское княжество входило в ее состав, и нагпурский раджа формально подчинялся *пешвам*.

До поры до времени РСС и ССД не были антагонистами. Члены РСС также дистанцировались от Ганди и ИНК, пытавшихся договориться с мусульманами, и всячески избегали ассоциирования своей организации с антибританским движением. В 1942 г. РСС и ССД вместе выступали против организованной Ганди кампании «Вон из Индии» и старались держаться от нее в стороне [17, с. 90]. До основания нагпурского отделения ССД в 1938 г. махары часто были членами РСС. По форме и структуре обе организации были схожи. Их члены занимались физическими тренировками и военной муштрой на одном поле Гита-граунд [17, с. 64, 73]. Однако долго это единение продолжаться не могло, так как идеи *хиндутвы* с восхвалением традиционных индусских ценностей, неотъемлемым элементом которых была кастовая система, шли вразрез с идеалами далитов, которые к тому же были в хороших отношениях с остававшимися в городе мусульманами [17, с. 96]. Сначала у них начались ежедневные стычки на поле для тренировок, что заставило разделить эту площадку на две части – западную для членов РСС, и восточную – для ССД [17, с. 73–74]. К 1946 г. конфликт выплеснулся на улицы Нагпура, где начались столкновения между кастовыми индусами и махарами.

Одним из результатов усилий в борьбе за свои права и деятельного / перформативного присутствия в общественном пространстве махаров во главе с Амбедкаром, ставшим в первом правительстве независимой Индии министром юстиции и одним из основных авторов индийской Конституции, было включение в текст Основного закона положений, запрещающих практику неприкасаемости и предоставляющих далитам определенные льготы. Из него также было исключено упоминание законов Ману, что стало основанием для жесткой критики текста Конституции со стороны РСС.

15 октября 1956 г., на следующий день после обращения, Амбедкар, объясняя выбор Нагпура в качестве места проведения церемонии, пытался откреститься от высказывавшихся подозрений, что это было сделано в пику РСС: «Некоторые люди говорят, что так как здесь находится огромное подразделение РСС, то Нагпур был выбран, чтобы положить их на лопатки. Это совершенно не так. Мероприятие было проведено здесь по другой причине. Наша работа настолько велика, что мы не можем попусту потратить даже минуту нашей жизни. Мы не пытаемся никого провоцировать этим. Это не трюк. Я даже не думал об РСС, и никто не должен принимать такое объяснение» [7]. В этом же выступлении Амбедкар настаивал, что решение в пользу Нагпура было принято из-за того, что в этих землях некогда жили наги – полубожественный народ полузмей-полулюдей во главе с царями-змеями, способствовавший распространению буддизма по всей Индии и сохранению буддийских реликвий.

Религиозный бунт: символика образов и дат

Еще в 1935 г., разочаровавшись в перспективе реформирования индуизма и избавления его от стигматов касты и кастовости, Амбедкар в одной из речей объявил, что, родившись далитом, он им не умрет, т.е. перестанет быть индусом. В последующие годы он пришел к пониманию, что наиболее приемлемой альтернативой индуизму является аутентичная для Южно-Азиатского субконтинента традиция буддизма. Обогащенная новыми идеями концепция буддизма была изложена в его книге «Будда и его дхамма» [5] и получила название *наваяна*. А ее последователи после 1935 г.

стали не только практиковать описанный выше общественно-политический активизм, но и осваивать азы нового учения и трансформировать привычные религиозные практики. В процесс был вовлечен и Нагпур.

Среди далитов распространялись призывы не совершать *пуджу*¹ индусским богам, в частности через выпускавшуюся Амбедкарм газету «Джаната», которая регулярно приходила в ССД. Годболе в свою очередь рекомендовал членам махарской общины не отмечать *джанмаиштами* – день рождения Канобы, местного аватара Кришны. В какой-то год накануне праздника он предложил не устанавливать статуэтки Канобы в домах, вместо этого ранним утром люди вереницей потянулись к реке Нага и отправляли их на дно. Многие идолы были разбиты. К 1942 г., по свидетельству Муна, в махарской общине прекратили отмечать почти все индусские праздники. Он называет эти протестные действия «религиозным бунтом» [17, с. 42–44].

Постепенно в городе сложилась библиотека книг о буддизме. К началу 1950-х в ней насчитывалось около 12 тыс. томов [17, с. 130]. Когда в 1950 г. Трастовый комитет одного из главных махарских храмов в Нагпуре, посвященный Виттхалу и Рукхмини², принялся за его реконструкцию и реставрацию, то на прилежащей территории он выделил место для строительства специального помещения для хранения этих книг. А главным смотрителем за библиотекой был назначен Мун. Тогда же на территории индусского храма перед входом в его внутреннее помещение в стеклянной витрине появилась четырехфутовая статуя Будды. Как пишет Мун, приходившие в храм люди совершали пуджу в честь Виттхала, а выходившие – в честь Будды. А спустя некоторое время посетители почитали уже только Будду. Это было результатом, с одной стороны, просветительской работы, в частности лидеры ССД организовывали воскресные классы для разъяснения посещавшим их далитам идей буддизма [17, с. 125–131], а с другой стороны, влиянием, оказываемым на людей личностью самого Амбедкара.

¹ *Пуджа* – храмовый и домашний ритуал богослужения в индуизме, состоящий из 16 последовательных операций.

² Виттхал или Витхоба – бог, которому поклоняются приверженцы традиции варкари, махараштранской разновидности бхакти.

Готовность к активному действию, восприятию новых идей во многом были вызваны его необыкновенным авторитетом и популярностью среди приверженцев. К каждому появлению Амбедкара в Нагпуре готовились загодя. В день его приезда махары, трудившиеся на ткацких фабриках и составлявшие до 50% от общего числа рабочих, устраивали забастовку и брали выходной, чтобы встречать его на вокзале и шествовать за ним процессией [17, с. 52, 70, 146]. Где-то на рубеже 1940–1950-х годов было решено отмечать в городе Амбедкар-*джаянти* (день рождения Амбедкара). Именно это ежегодное десятидневное действо, наполненное шествиями, процессиями, лекциями и постановками пьес про жизнь Будды или славное прошлое махаров (например, об их участии в битве при Корагеоне на стороне англичан), и должно было составить конкуренцию отвергнутым индусским фестивалям [17, с. 127]. Еще одной альтернативой последним стало празднование дня рождения Будды, которое началось в Нагпуре с 1952 г. и также сопровождалось хождениями по городским артериям [17, с. 133]. Новое по содержанию и смыслу действо, заполнившее улицы, призвано было подчеркнуть связь Нагпура с буддийской традицией. Таким образом, социальный протест против бесправия далитов, возглавляемый Амбедкаром, махаром, сумевшим пробиться в ряды высшей политической элиты страны, был спаян с религиозным почитанием Будды, вероучителя, совершившего *паринирвану*¹ несколько тысячелетий тому назад.

Возрождение интереса к буддизму происходило на фоне складывания культа Амбедкара, что нашло отражение в специфической визуализации зарождающейся социально-религиозной традиции. В 1953 г. Мун участвовал в издании рукописного журнала «Восходящая луна», на обложке которого появился портрет Амбедкара на фоне изображения Будды в профиль. Внизу было посвящение Амбедкару [17, с. 142–145]. В дальнейшем наложенные друг на друга, расположенные рядом или как-то иначе скомбинированные образы двух вероучителей стали иконографическим ка-

¹ *Паринирвана* (parinirvāṇa, санскр.) – букв. «полная нирвана». Нирвана (nirvāṇa, санскр.) – букв. угасание; термин, описывающий отсутствие желаний, привязанностей, страданий, страстей и освобождение от цепи перерождений, наступающее после физической смерти. Подробнее о соотношении *паринирваны* и нирваны см.: [12, с. 600–605].

ноном необуддизма. На этом журнале Амбедкар поставил свой автограф, и номер начали передавать из одной махарской семьи в другую, пока он не исчез из поля зрения Муна.

Для совершения церемонии обращения был намеренно выбран 1956 г., который ЮНЕСКО объявила Годом празднования 2500-летнего юбилея буддизма [20]. Используя потенциал символической даты, Годболе в том же году, в мае организовал в Нагпуре особо пышное торжество по случаю дня рождения Будды при поддержке правительства штата Мадхья-прадеш. Мун описывал это действо так: «Слоны выстроились в колонну, развевались огромные флаги, и процессия поющих и танцующих людей мирно шествовала через весь Нагпур» [17, с. 149]. Такие шаги предпринимались для того, чтобы подчеркнуть особый статус Нагпура по сравнению с другими городами Индии и Махараштры в качестве места, связанного с буддизмом¹.

Когда усилия нагпурских махаров увенчались успехом и их город был выбран в качестве места проведения церемонии обращения, Годболе предложил Амбедкару назначить ее на 14 октября. В 1956 г. на эту дату приходился десятый день месяца *ашвин* (сентябрь-октябрь), когда индусы отмечают праздник *виджайядашами* (*vijayadaśamī*), знаменующий победу Рамы над мифическим царем Ланки Раваной, или богини Дурги над демоном Махисасурой, а в широком смысле – победу добра над злом. Буддийская разновидность этого праздника называется *Ашока виджайядашами*, во время которого отмечается принятие буддизма царем Ашокой (прав. 273–232 до н.э.) из династии Маурьев, который способствовал распространению учения по всему субконтиненту и по преданию возвел 84 тыс. ступ, распределив между ними священные останки Будды. Спустя 2500 лет, по замыслу организаторов, в тот же день должен был принять буддизм Амбедкар. С тех пор в необуддийской традиции эта дата также называется Днем обретения колеса дхаммы (*Dhammachakra Pravartan Din*).

¹ Подробно о том, как Нагпур оказался связанным с традицией буддизма см. мою статью о народе-змеепоклоннике [3]. Изначально она задумывалась как глава этой статьи, но в результате разрослась до самостоятельного законченного текста.

После паринирваны: материализация традиции

Менее чем через два месяца после церемонии 6 декабря 1956 г. Амбедкар умер или, как считают его последователи, так же, как и Будда, совершил *паринирвану*. И к его прижизненному титулу Баба-сахеб добавился статус *бодхисаттвы*, хотя отношение к нему как к «богу далитов» рядовые махары демонстрировали еще при жизни. К этому моменту активное участие нагпурских махаров в движении за права далитов в сочетании с демонстрацией приверженности идеям необуддизма, включая подготовку и проведение ключевого события по обращению полумиллиона неприкасаемых в новую веру, позволило Нагпuru заявить о себе как о важном локусе складывающейся традиции. Однако для удержания этого статуса, особенно после смерти лидера и духовного наставника, городу не хватало видимых и осязаемых символов, вокруг которых можно было бы концентрировать различные практики, не доставало овеществленного остова, на который бы наращивалась культурная толща традиции. Мощный и яркий перформативный социально-религиозный активизм нагпурских махаров актуализировался в скоротечных шествиях и событиях и растворялся, как только участники освобождали от своих тел городские артерии и пространства. Место обращения, после того как оттуда схлынули толпы народа, осталось заброшенным, городским пустырем (сохранилось лишь несколько фотографий и кинокадров, запечатлевших событие), стул, на котором восседал Амбедкар, пропал, рукотворный журнал с автографом Амбедкара, созданный Муном, затерялся, далитская литература, которая могла бы создать памятный нарратив, еще только зарождалась. Да и что касается исторических связей с буддизмом, Нагпур, стоящий на берегу реки Нага, мог похвастаться лишь наличием в топонимике названия древнего народа, сыгравшего большую роль в распространении вероучения. Однако ни существенных буддийских древностей не было к тому моменту обнаружено на нагпурской земле, ни древние тексты ничего не говорили о возможном, хотя бы временном пребывании здесь буддийских реликвий в период их миграции по субконтиненту, хотя Годболе в одном из писем Амбедкару и сообщал, что «в одной книге есть упоминание о пребывании зуба Будды в Нагпуре» [17, с. 127].

Потребность людей в материализованном закреплении памяти с помощью вещей, способных определенным образом маркировать пространство, очень внятно передана в монологе 82-летней Гитабаи Таксанде, которая была среди обратившихся в буддизм 14 октября 1956 г. В посвященном этому событию документальном фильме, снятом в 2020 г., она говорит, что пустырь воспринимался «символом посвящения», но он был заброшен, окружен дикой растительностью, едва огорожен тонкой проволокой, и там «не было статуи Амбедкара». «Поэтому, – продолжает она, – никто не отдал бы его нам [новообращенным. – С.С.]». В махарской общине было понимание, что место надо было отстоять, застолбить. Поэтому, как говорит Гитабаи, когда пришла весть о смерти Амбедкара, в Ситаба(л)рди спешно было принято решение о создании его статуи. И она была сделана из глины всего за одну ночь и к утру установлена на пустыре, после чего последовали долгие разбирательства с полицией [9].

Похороны Амбедкара состоялись в Бомбее. И кремационная площадка, над которой позднее, в 1971 г., возвели мемориал Чайтъя Бхуми, хранящий прах Баба-сахеба, сразу стала местом паломничества, куда ежегодно в день смерти стали стекаться тысячи людей¹. В декабре же 1956 г. отправившийся в Бомбей на церемонию прощания с Амбедкаром Мун встретил там Годболе. Последний, как написал Мун, «прилагал усилия, чтобы заполучить прах Баба-сахеба», в чем и преуспел. Обратившись в Нагпур вместе с урной, хранящей часть драгоценного пепла, Мун и Годболе возвращались вместе: «Новость о том, что в поезде находится прах Баба-сахеба, опережала нас. На каждой станции собирались сотни людей, чтобы увидеть урну. Их безудержные слезы трогали сердце. В Нагпуре столпились тысячи людей, и когда мы вышли из поезда с урной, эта масса отозвалась отчаянным возгласом скорби... Вечером огромная процессия стартовала из района Индор. Она прошла через весь Нагпур к месту обращения и там рассеялась. Шествие началось на закате. Все держали лампы. Рядами по четыре человека, будто дисциплинированные солдаты, тысячи людей шли друг за другом. Маленькие дети, женщины, мужчины, старики двига-

¹ Подробнее об этом см.: [1].

лись вместе без выкрикивания лозунгов и в полном спокойствии» [17, с. 160–161].

С этой урны и частицы праха, которые уже по пути следования в Нагпур стали объектом притяжения людей, началось материальное укоренение и закрепление необуддийской традиции в городском пространстве. В 1978 г. на месте обращения был заложен фундамент буддийской ступы. Ее торжественное открытие состоялось в декабре 2001 г. Она была построена архитектором Шео Даном Малом по подобию древней ступы в Санчи (III в. до н.э.), которая в свою очередь была возведена, как считается, по поручению императора Ашоки [19]. Нагпурская ступа является одной из крупнейших в мире и самой большой полой ступой. Внутри находится круглый двухэтажный холл диаметром более 60 м и общей площадью около 4 тыс. кв. м, позволяющий вместить до 5 тыс. людей на каждом этаже. Помещение являет собой симбиоз светского и религиозного пространств, воплотившийся в совмещении современного музея, представленного галереей фотографий, повествующих о земной жизни и заслугах Амбедкара, и места хранения и поклонения его праху, приобретшему характер сакральной реликвии. Прах помещен в стеклянный сосуд, воспроизводящий верхнюю часть ступы (*asthi kalas*), который расположен рядом со статуей Будды. Узнаваемая иконографическая неразрывность двух образов воспроизводится и в экстерьере ступы: перед входом в Дикшабхуми находятся рядом бюст Амбедкара и статуя Будды. С появлением такого грандиозного строения город стал местом, куда стекаются паломнические потоки. Ежегодно миллионы последователей Амбедкара посещают Дикшабхуми, но особенно массовое скопление людей приходится на 14 октября. Раз в год пространство бывшего городского пустыря преобразуется и, будучи, до отказа заполненным, становится визуальной репликой события 1956 г. Само же строение с набором собранных внутри и снаружи артефактов стало локусом аккумуляирования и концентрации перформативных практик самого разного содержания (от медитаций буддийских монахов до визитов политических лидеров), как раз и наращивающих культурный слой традиции.

Параллельно со строительством ступы был задуман мемориальный музей Амбедкара. Еще в 1957 г. на эти цели был пожертвован участок земли размером 11,36 акров в местечке Чичоли в

20 км от Нагпура. Он стоял заброшенным до 1984 г., когда им, наконец, занялся В. Годболе после выхода на пенсию¹. Открытый совсем недавно, музей получил название Шантиван (Сад мира / тишины). Он является обладателем порции праха Амбедкара, который также хранится в стеклянном сосуде, имитирующем верхнюю часть ступы. На сайте музея рядом с фото этой реликвии говорится, что «это священные останки достойного поклонения доктора Баба-сахеба Амбедкара, которые после его махапаринирваны были привезены В. Годболе из Чайтья Бхуми в Бомбее в Нагпур, и теперь они находятся в Шантиване» [18]. Вероятно, какая-то их часть была передана в Дикшабхуми.

Распространение праха Амбедкара по разным местам напоминает процедуру деления останков Будды после кремации на восемь частей, которые впоследствии царь Ашока изымал из первоначальных мест хранения, чтобы поделить между 84 тыс. построенных им ступ. Еще часть реликвий, включая зубы Будды, долго не могли обрести покой и мигрировали по субконтиненту, становясь объектом притязаний разных заинтересованных лиц. Размещенные в разрозненных точках святыни запускают процессы паломнических перемещений, которые являются одной из ключевых форм функционирования буддизма. Сами же места хранения приобретают характер сакральных локусов. Лоуэлл Блосс в исследовании о связях между народом нагов и Буддой пишет: «Реликвии могут быть со всем основанием названы богатством буддизма, так как считается, что они сохранили жизненное могущество Учителя... Отсюда и многочисленные мифы о их распределении и перераспределении. Мифы повествуют, как каждая земная или божественная территория желает обладать частью реликвий, чтобы они освятили эти земли продолжающимся присутствием Будды. Представляется, что это могущественное присутствие обеспечивается территориям не только с помощью мифов о распределении святых останков, но и путем переосмысления самого феномена реликвии, которой начинает считаться все, что приходило в соприкосновение с Учителем, например, одежда, тень, чаша, след от ноги» [11, с. 47].

¹ Об этом подробнее см.: <http://shantivanchicholi.org/index.html>

Подобное отношение демонстрируется и к останкам Амбедкара, которые подвергаются делению и перемещению¹, а также его вещам, представленным в экспозиции музея. Там хранится «988 предметов, находившихся в личном пользовании Амбедкара (костюмы, галстуки, обувь, носки, печатные машинки, печки, стулья, наборы для бритья и т.д.)» [8]. О магнетической силе воздействия объектов, отмеченных прикосновением Амбедкара, на его последователей, свидетельствует еще один монолог из упомянутого выше документального фильма. Майяти Рамчандра Джамгаде, работающая ныне в библиотеке Амбедкара, живет в нагпурском районе Карнал Багх. Она передает рассказ кого-то из старшего поколения: «У Амбедкара были проблемы с коленями, поэтому он пользовался тростью. К его приезду в Нагпур для церемонии обращения члены ССД из разных районов города вырезали трости и подарили ему. Одна из них была сделана жителями ее района Карна Багх, она была прекрасно отполирована и имела хорошее бамбуковое покрытие. Эту трость преподнесли Амбедкару вместе с другими. И он выбрал именно ее... Он опирался на нее во время церемонии. Аура Баба-сахеба, разлитая вокруг этой трости, такова, что, хотя я только говорю о ней, у меня чувство, будто Баба-сахеб стоит передо мной. Что было бы, если бы я дотронулась до нее. Эта аура все еще заключена в прогулочной трости Баба-сахеба» [9]. О важности соприкосновения с материальными субстанциями, побывавшими в контакте с основоположником учения или ставшими участниками / свидетелями символических событий, говорит и продавец овощей из Нагпура Вилас Сурьяванши из того же фильма: «Многие люди приезжают в Нагпур с мыслью: “Я должен коснуться земли Дикшабхуми, по которой ступал Баба-сахеб”» [9].

Усилия по привязыванию Нагпура к буддизму шли и по линии поиска исторических свидетельств и материальных артефактов. Во второй половине XX в. в нагпурском регионе обнаружилось много мегалитических памятников, связанных с нагами. Кроме того, во время раскопок 1969–1970 гг. в Пауни, местечке в 82 км от Нагпура, нашли остатки ступы, размеры которой позволяли отнести ее к категории Великих ступ (*mahāstūpa*) [13]. Навал

¹ После кремации порции праха Амбедкара помимо Нагпура были доставлены в Агру и Дели [1, с. 757].

Вийоги, автор книги «Наги: древние правители Индии», предположил, что эта ступа могла быть местом временного нахождения одного из зубов Будды во времена активного движения по субконтиненту буддийских реликвий. Возможно, именно об этом «заблудшем» зубе когда-то читал и Годболе. Время ее строительства относят к домаурийскому периоду, что могло означать, что буддизм в районе Видарбхи появился не во времена прозелитской деятельности Ашоки, а гораздо раньше, еще при жизни Будды, и что зуб подобно другим реликвиям доставили сюда сразу после совершения Буддой *паринирваны* [22, с. 393–394].

Чтобы окончательно рассеять все сомнения, в 2015 г., в символическую дату 14 октября, из Шри-Ланки в Нагпур прибыла урна с мощами Будды. Отправившись в десятидневное путешествие по штатам Махараштра и Чхаттисгарх, она завершила его опять в Нагпуре, где в течение нескольких дней экспонировалась во время I Международного конгресса буддистов¹. Для лицезрения и поклонения святым реликвиям в город приехало более 8 млн последователей учения Гаутамы Будды. Пусть и на короткое время, Нагпур стал местом пребывания древнейшей буддийской святыни. На этот раз факт «присутствия» был запечатлен на фото- и кинокамеры, отразился в десятках публикациях в СМИ.

Утверждение и укоренение необуддийской традиции в Нагпуре происходило через круговорот прикосновений: сначала прикосновение тел первопроходцев, зачинателей традиции (особенно ее духовного лидера), к предметам и земле наделяло последние важностью, значимостью, ценностью и даже святостью, а в дальнейшем уже «прикосновение» к самим предметам и земле (в том числе посредством *даршана* / лицезрения) создавало для прикоснувшихся эффект сопричастности, принадлежности к традиции. Поначалу это выражалось через мобильно-перформативные действия в форме регулярного нарушения границ традиционных мест компактного проживания рядовыми махарами, заполнявшими своими телами городские пространства, и периодических приездов их лидера Амбедкара, ступавшего ногами по нагпурской территории. Это создавало эффект активного присутствия далитов в кон-

¹ <https://www.dnaindia.com/mumbai/report-gautam-buddha-s-ashes-to-travel-from-sri-lanka-to-maharashtra-next-week-2132594>

тексте городской жизни и включало далитские проблемы в политическую повестку дня. Физический активизм до поры до времени не был закреплён в овеянных объектах, за исключением таких предметов, как флаги и форма. Однако после смерти Амбедкара потребность в материализованных образах и ритуалах, дающих возможность растянутого во времени созерцания, осязания, слушания, т.е. физического контакта с обретшей символическое значение твердью, ощущалась махарской общиной достаточно остро. Формирование вещного мира традиции так или иначе происходило вокруг фигуры Амбедкара, которая постепенно все больше обретала черты мифическо-божественного персонажа. Сакрализация его образа происходит через использование как буддийских религиозных практик поклонения реликвиям, над которыми возводятся культовые постройки, так и светских – организацию хранилищ артефактов, для которых строятся музеи. При этом что в культовых, что в светских пространствах эти практики совмещены, а границы между ними размыты. Свидетельством тому является устойчивая, ставшая уже иконографической традиция расположения изображений Будды в монашеском одеянии и Амбедкара в гражданском костюме рядом друг с другом.

Родившись неприкасаемым и коснувшись земли Нагпура, Амбедкар дал городу новый вектор развития. С обретением укоренённых фундаментами в нагпурскую землю построек, прежде всего гигантской ступы Дикшабхуми, город оказался вписанным в сакральную географию буддизма и занял свое место в веренице священных локусов, между которыми осуществляется паломничество представителей буддийской конфессии. Однако острота по-прежнему нерешённых и в XXI в. проблем далитского сообщества, которые лишь обретают новые грани, не позволяет этим объектам и хранящимся в них вещам быть исключительно историческими памятниками, они превращаются в активных участников городской жизни, центры актуальных социально-политических процессов.

Список литературы

1. Бочковская А. Прах для памяти и единения // Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение / Глушкова И.П. (рук. проекта и науч. ред.). – Москва : Наталис, 2012. – С. 754–765.

2. Мэсселос Дж. По городским артериям: мобильные формы протеста (Бомбей, 1930) // Под небом Южной Азии. Парадигма мобильности и поиски смыслов за пределами статичности / Глушкова И.П. (рук. проекта), Сидорова С.Е. (отв. ред.). – Москва : Наука – Восточная литература, 2015. – С. 336–354.
3. Сидорова С.Е. Народ-змеепоклонник на защите священных реликвий: Нагпур и сакральная география буддизма // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 1. – С. 74–88.
4. Сидорова С.Е. Топография доминирования: Маратхские князья и британские колонизаторы в пространстве города // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2019. – № 1. – С. 127–136.
5. Ambedkar B.R. The Buddha and His Dhamma. – Siddharth : Siddharth College Publication, 1957. – 600 p.
6. Ambedkar B.R. Waiting for Visa // Dr. Babasaheb Ambedkar: Writings and Speeches / Moon V. (ed.). – New Delhi : Dr. Ambedkar Foundation, 2014 – P. 661–691.
7. Ambedkar B.R. Why Was Nagpur Chosen? – URL: http://www.columbia.edu/itc/mealac/pritchett/00ambedkar/txt_ambedkar_conversion.html#03 (дата обращения: 17.07.2022).
8. Ambedkar Museum on 11.5 Acre at Chicholi Soon // The Times of India. – 2015 – 2.06. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/city/nagpur/ambedkar-museum-on-11-5-acre-at-chicholi-soon/articleshow/47534233.cms> (дата обращения: 22.04.2022).
9. Awakening : History and Memories of Historic Deekshabhoomi Conversion. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vYjLtD320NY> (дата обращения: 22.04.2022).
10. Becci I., Burchardt M., Casanova J. Topographies of Faith: Religion in Urban Spaces. – Leiden ; Boston : Brill, 2013. – 238 p.
11. Bloss L.W. The Buddha and the Nāga : A Study in Buddhist Folk Religiosity // History of Religions. – 1973. – Vol. 13, N 1. – P. 36–53.
12. Buswell R.E. Encyclopedia of Buddhism / Ed. in Chief. – New York : MacMillan Reference USA, 2004. – 981 p.
13. Deo S.B., Joshi J.P. Pauni Excavation. – Nagpur : Nagpur University, 1972. – 119 p.
14. Greenblatt S. Resonance and Wonder // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences. – 1990. – Vol. 43, N 4. – P. 11–34.
15. Knott K. The Location of Religion: A Spatial Analysis. – New York : Routledge, 2014–288 p.
16. Kshirasagara R.K. Dalit Movement in India and Its Leaders, 1857–1956. – New Delhi : M.D. Publications Pvt. Ltd., 1994. – 459 p.
17. Moon V. Growing up Untouchable in India: A Dalit Autobiography. – Lanham ; Maryland : Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2000. – 203 p.

18. Shantiwan Chicholi Project. – URL: https://shantiwan.blogspot.com/p/blog-page_28.html (дата обращения: 22.04.2022).
19. Sheo Dan Mal. Dr. Babasaheb Ambedkar Memorial Deeksha Bhoomi – Nagpur // 12th Indian Engineering Congress, Nagpur 9-13 January 1998. – Nagpur : Institution of Engineers, 1998. – P. 213.
20. The UNESCO Courier. Special Issue. Twenty-Five Centuries of Buddhist Art and Culture. – 1956. – N 6, June. – P. 4–57.
21. Tikekar M. Lower Caste Cultural Protest in Maharashtra: Contribution of Phule and Ambedkar // Western India: History, Society and Culture. Dr. Arvind Deshpande Felicitation Volume / Paranjpe S., Dixit R., Das C.R. (eds). – Pune : Itihas Shikshak Mahamandal, 1997. – P. 128–144.
22. Viyogi N. Nagas: The Ancient Rulers of India (Their Origin and History). – Delhi : Low Price Publications, 2002. – Vol. 2 : The History of the Indigenous People of India. – 486 p.

МИХЕЛЬ Д.В., МИХЕЛЬ И.В., МАЛИНОВСКАЯ О.Г.* ЭПИДЕМИИ И ИСТОРИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КИТАЕ В XX ВЕКЕ¹.

Аннотация. История здравоохранения в Китае – актуальное направление исследований в современной исторической науке. В данной статье история здравоохранения рассматривается как сложное движение идей, личностей, институтов и технологий, инициированное локальными, национальными и глобальными силами. Лейтмотивом истории китайского здравоохранения в XX в. является борьба с эпидемиями инфекционных болезней. Эпидемии воспринимались как социальные кризисы, требовавшие сплоченных действий властей и общества и поиска новых форм теории и практики охраны общественного здоровья. В истории здравоохранения в Китае в XX в. отчетливо выделяются четыре периода, для каждого из которых был характерен собственный тип здравоохранения, возникший в ответ на преобладающий тип социального кризиса. Первые институты здравоохранения эпохи поздней Цинской империи возникли в ответ на вспышку чумы в Маньчжурии. Становление системы республиканского здравоохранения при-

* Михель Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Михель Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, старший научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

© Малиновская Ольга Геннадиевна – PhD, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

шлось на 1910–1930-е годы, когда главными проблемами стали холера и оспа. Народное здравоохранение в КНР эпохи правления Мао Цзэдуна сформировалось в ходе борьбы за здоровье сельского населения, страдающего от шистосомоза. Коммерческое здравоохранение, появившееся в контексте политики Реформ и Открытости, столкнулось с вызовом ВИЧ / СПИД, выявившим слабые стороны системы в ее переходном состоянии.

Ключевые слова: Китай; здравоохранение; эпидемии; поздняя империя; республика; КНР; реформы.

MIKHEL D.V., MIKHEL I.V., MALINOVSKAYA O.G. Epidemics and the History of Public Health in Twentieth-Century China.

Abstract. The history of public health in China represents a particularly relevant area of contemporary research in the field of historical scholarship. This article examines the history of public health as a complex movement of ideas, personalities, institutions, and technologies initiated by local, national, and global forces. The leitmotif of Chinese history of public health in the twentieth century is the struggle against infectious disease epidemics. Epidemics were perceived as social crises that required concerted action by authorities and society and the search for new forms of public health theory and practice in response. The history of public health in China in the twentieth century is divided into four periods, each characterized by its own type of health care, which emerged in response to the prevailing type of social crisis. The first health-care institutions of the Late Qing Empire emerged in response to an outbreak of plague in Manchuria. The formation of a republican health system took place in the 1910 s and 1930 s, when cholera and smallpox were the main problems. Public health in the PRC during the Mao Zedong era was shaped by the struggle for the health of the rural population suffering from schistosomiasis. Commercial health care, which emerged in the context of the Reform and Opening-Up policy, faced the challenge of HIV/AIDS, exposing the weaknesses of the system in its transitional state.

Keywords: China; health; epidemics; late empire; republic; PRC; reforms.

Для цитирования: Михель Д.В., Михель И.В., Малиновская О.Г. Эпидемии и история здравоохранения в Китае в XX веке // Социальные и

гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 4. – С. 94–120. DOI: 10.31249/RVA/2022.04.06

История здравоохранения находится в поле зрения исследователей уже более полувека [30; 33]. При этом основное внимание концентрируется на истории здравоохранения западных стран. Ведутся дискуссии о том, где и когда именно в западном мире сформировались первые системы здравоохранения современного типа. В связи с этим существуют разные мнения, но наиболее убедительным представляется аргумент в пользу того, что они впервые зародились в Северной Италии, в период между 1348 и 1700 г. [9]. История здравоохранения в Германии, Франции и Англии представлена наиболее полно; среди специалистов утвердился взгляд, что первые органы здравоохранения современного типа в немецких землях появились в XVII–XVIII вв., во Франции – во второй половине XVIII в., в Англии – ближе к середине XIX в. [4]. История здравоохранения в России обычно рассматривается в тесной связи с европейским случаем: она возводится к эпохе Петровских реформ, но ее самые значимые вехи относятся к рубежу XIX и XX вв., когда, с одной стороны, правительство, а с другой – общественность стали создавать структуры, обеспечивающие охрану здоровья всех слоев российского общества [2; 13; 17]. Но в последнее время история здравоохранения постепенно утрачивает свой европоцентризм.

Сегодня набирают силу исследования, касающиеся истории здравоохранения в азиатском мире, в частности в Китае. В одних делается акцент на истории внедрения западных теорий и практик здравоохранения в Китае после появления там европейцев [7], в других – на становлении институтов здравоохранения в республиканский период [18; 37], в третьих – на развитии здравоохранения в коммунистическом Китае [43]. Предпринимаются также попытки дать целостный взгляд на историю здравоохранения в Китае, с учетом особенностей всех трех периодов новейшей китайской истории – позднеимперского, республиканского и современного [24]. Общая точка зрения всех исследователей состоит в том, что становление системы здравоохранения в Китае было связано с процессом модернизации китайского общества, началом которого стало вторжение западных держав в Цинскую империю, навязывание

ей договоров о свободной торговле и создание на территории европейских анклавов в «договорных портах» (Шанхае, Тяньцзине и др.) и колониях (Гонконге и Макао) основных элементов современной западной системы здравоохранения, опыт которых впоследствии был усвоен образованной китайской элитой. Этими основными элементами западного здравоохранения выступили, прежде всего, миссионерские медицинские школы, обеспечившие подготовку западными специалистами китайских врачей и передачу им современных медицинских знаний [16]; больницы западного образца с присущими им методами лечения и ухода за пациентами [31; 36]; также службы, обеспечившие распространение методов санитарии и гигиены [32].

В целом, процесс становления системы здравоохранения в Китае представляет собой сложное движение идей, личностей, институтов и технологий, инициированное локальными, национальными и глобальными силами. В нем непросто выделить какую-то одну доминирующую тенденцию или структуру. При этом реконструкция истории здравоохранения в Китае может происходить на различном фактическом материале и с привлечением разных исследовательских подходов. Представляется, однако, что истории китайского здравоохранения в XX в. присущ лейтмотив, пронизывающий большинство ее основных эпизодов. Это борьба с эпидемиями – чумы, холеры, оспы, шистосомоза, СПИДа и других массовых инфекционных заболеваний, распространение которых неизменно воспринималось как масштабный социальный кризис. Весь ход китайской истории в XX в. и был историей таких кризисов – переломов и переходов от одного стационарного состояния к другому, требовавших реакции со стороны власти и общества. В XX в. трудно найти еще один пример столь же драматичной истории, как китайская. Поэтому наряду с чередой революций, смут, иностранных экспансий и попыток вырваться из тисков бедности и унижения история Китая в XX в. была также историей эпидемий, которые воспринимались всеми частями китайского общества как пример очередного потрясения складывающегося порядка, требующего защиты с привлечением всех возможностей современного знания, в особенности медицинского.

Эпидемии: их количество и закономерности распределения

Дать более-менее полный ответ на вопрос о том, как часто случались эпидемии в Китае до XX в., представляется сложным. Американский историк У. Мак-Нил, ставший одним из пионеров в области сравнительной истории эпидемий, анализируя китайский случай, вынужден был пользоваться весьма ограниченным кругом источников. В его распоряжении были текст историка Сунской династии Сыма Гуана (Ssu-ma Kuang) (1019–1086) и энциклопедия по китайской традиционной медицине XVIII в., переизданные в Шанхае в 1940 г. и отредактированных позднее профессором Джо-зефом Ча из Quincy College (США). Общая картина истории эпидемий охватывала период с 243 г. до н.э. по 1911 г., т.е. почти от момента возникновения Циньской империи и до падения империи Цин. По подсчетам Мак-Нила за этот период в Китае было зарегистрировано 297 эпидемий, причем в XVI–XIX вв. почти через каждый год. Из его текста следует, что в более ранние времена эпидемии тоже были нередким явлением, но, кажется, они сопровождали самые кризисные события китайской истории, такие как падение империи Хань (оспа начала III в. н.э.), массовое переселение в долину Янцзы (череда малярийных лихорадок с III в. н.э. почти до конца X в.), Восстание Красных повязок против монгольской империи Юань (бубонная чума середина XIV в.) и т.д. [26].

Значительно больше известно об эпидемиях в XIX в., поскольку сведения о них были в достатке представлены как западными наблюдателями, так и цинскими историками. Опираясь на них К. Бенедикт представила целостную картину эпидемий чумы в Поднебесной с 1772 по 1917 г. В частности, ею был дан обстоятельный анализ знаменитого случая Гонконгской чумы 1894 г., которой предшествовала долгая череда эпидемий в Южном Китае [8]. В свою очередь Юй Синьчжун (Yu Xinzhong, 余新忠), проанализировав историю эпидемий чумы в Цзяннане (низовья Янцзы) – к северу от региона, который рассматривала Бенедикт, показал, что во времена династии Цин вспышки чумы происходили достаточно часто, вынуждая власти, врачей и ученых прибегать к решительным действиям во всех сферах жизни [6].

Рост числа эпидемий с XVI в., отмеченный Мак-Нилом, Бенедикт и Юй Синьчжуном, можно объяснить не только ухудшени-

ем эпидемиологической ситуации в Цинском Китае, но и появлением специальных органов, созданных властями для регистрации случаев массовых заболеваний. Учет эпидемий велся уже цинским правительством. Так, в 1905 г. при правительстве был создан Санитарный департамент, занимавшийся сбором информации об эпидемических случаях, а в последние недели существования империи, в декабре 1910 г., в Мукдене (Шэньяне) было создано Бюро по профилактике чумы во главе с европейски образованным бактериологом У Ляньдэ (1879–1960), ставшее регистрировать все случаи чумы на Северо-Востоке Китая [23, р. 306]. В республиканский период, несмотря на рост политической нестабильности в стране, учет эпидемий стал еще более регулярным, хотя едва ли было возможно принять в расчет все имевшие место случаи. Анализ эпидемической ситуации республиканской эпохи, предпринятый Чжан Тайшанем (Zhang Taishan, 张泰山), показывает, что в 1930-е и начале 1940-х годов наиболее часто встречаемыми эпидемическими заболеваниями были дизентерия, холера, оспа, брюшной и возвратный тифы [5].

Интересную картину распределения эпидемических заболеваний в Китае в XX в. дает Юй Синьчжун. По его сведениям, в первой половине XX в. наибольшее психологическое и демографическое воздействие на китайское общество оказали вспышки массовых острых инфекционных заболеваний. Таковыми были эпидемии холеры (1902, 1919 и 1932), вспышки чумы в Маньчжурии (1910–1911), в Шаньси и Внутренней Монголии (1917–1918 и 1947). В свою очередь, во второй половине XX в. наибольший масштаб распространения был характерен для хронических инфекций – многолетней эпидемии шистосомоза в дельте Янцзы, эпидемий менингита (1966–1967), гепатита А в Шанхае (1988) и общенациональной эпидемии СПИДа, начавшейся в 1985 г. [41].

На наш взгляд, выделенная Юй Синьчжуном закономерность может быть объяснена закономерностями не столько медицинской, сколько политической истории Китая. Первая половина века была временем наиболее острых политических кризисов – революций, смены режимов, иностранных интервенций, гражданской войны. Закономерными спутниками этой политической турбулентности были острые инфекции – чума, холера, оспа. Так, страшная эпидемия холеры 1919 г., охватившая все восточное по-

бережье и унесшая жизни, по меньшей мере, 300 тыс. человек [27], произошла на фоне кризиса Бэйянского (Пекинского) правительства, вызванного смертью президента-императора Юань Шикая (1859–1916); обострения борьбы за власть между генералами Бэйянской армии и общенационального хаоса. Точно так же, холера 1932 г. была следствием начавшихся военных действий с Японией и появлением в Гуанчжоу и городах восточного побережья беженцев и солдат из разбитых частей [35].

Напротив, вторая половина XX в. стала временем политической стабилизации и планомерного строительства социалистического государства. Политическое развитие страны утратило острый кризисный характер, но обеспечение политического единства то и дело требовало чрезвычайных мер и неоднократной коррекции курса. Начатая коммунистическими властями программа модернизации приобрела непоследовательный, скачкообразный характер, обнаружив внутренние проблемы и противоречия как внутри самой власти, так и в отношениях между властями и обществом. Многие из этих проблем приобрели хронический характер, включая проблемы в сфере здравоохранения. Победив в гражданской войне, коммунисты быстро подавали чуму, холеру и оспу. Однако попытки обеспечить быстрый экономический рост привели к провалам времен Большого скачка и Культурной революции, сопровождаясь сложностями в ходе искоренения эпидемий в сельской местности, примером чего стали многолетние кампании против шистосомоза.

Наконец, обращая внимание на особенности эпидемической ситуации в КНР в первые два десятилетия XXI в., нельзя не отметить того факта, что главной заботой китайского правительства теперь стали пандемические заболевания – SARS (2003) и COVID-19 (с конца 2019 г. по настоящее время). Смертность от каждого из них – существенно меньше, чем, например, от сезонного гриппа и других болезней, но политическая значимость такова, что китайскому правительству приходится не только принимать самые решительные меры по взятию их под контроль на своей территории, но и заботиться о защите своего имиджа на международной арене из-за обвинений со стороны западных стран, в первую очередь США, в неспособности справиться с этими проблемами. Последнее обстоятельство закономерным образом совпадает с быстро

растущим китайским влиянием в современном глобальном мире и усиливающимся в связи с этим противостоянием Китая со странами коллективного Запада.

Империя, чума и появление имперских органов здравоохранения

Несмотря на то что в Древнем Китае был накоплен богатый опыт в лечении острых и хронических инфекционных болезней, в стране отсутствовала сила, которая была способна обобщить этот опыт и знания, чтобы эффективно реагировать на вызовы эпидемий, используя пригодные для этого лечебные и профилактические средства [42, р. 58]. Общество и государство по-разному реагировали на эпидемии. Государство до самого конца XIX в. проявляло очевидное пренебрежение к вопросам противоэпидемической деятельности. В то время как та часть китайской ответственности, что призывала к реформам, требовала, чтобы власти более решительно взялась за охрану общественного здоровья.

Критикуемое за управленческую неэффективность правительство Цинской империи взялось за этот вопрос только в самом начале XX в. Основными причинами для этого стало Ихэтуаньское (боксерское) восстание против иностранного вмешательства в жизнь Китая (1898–1901) и переход западных держав к политике «управления китайцами руками китайцев». На волне этих событий в январе 1901 г. цинское правительство перешло к курсу «Новой политики», начав модернизацию армии, экономики, образования и других сфер общественной жизни. Составной частью проводимых реформ стало создание Бэйянской санитарной службы (1905) – первого в истории Китая агентства по охране общественного здоровья. Заметную роль в его создании сыграл генерал Юань Шикай – видный лидер китайской истории периода поздней Цин и первых лет Китайской Республики. Приложивший руку к реформам армии и полиции, Юань Шикай в бытность наместником столичной провинции Чжили создал также первый в Китае женский медицинский отдел, возглавивший государственную женскую медицинскую школу с больницей в Тяньцзине [24, р. 12–13, 38–42].

Несмотря на стремление Юань Шикая ускорить процесс модернизации административно-государственной системы империи,

его возможности в этом плане все же были ограничены. Более значимым фактором для создания новых органов здравоохранения в Китае в этот период стала не политика реформаторов, а внешнеполитическое давление на цинское правительство. Особым поводом для этого стала эпидемия легочной чумы в Маньчжурии (1910–1911), сопровождавшаяся обвинениями со стороны западных держав в том, что китайские власти не способны самостоятельно справиться с ее подавлением. За этими обвинениями маячила угроза непосредственного вмешательства с размещением контингентов войск иностранных держав на территории всего Северо-Восточного Китая. Желая продемонстрировать свою способность управлять ситуацией, цинское правительство в апреле 1911 г. собрало в Мукдене (Шэньяне) Международную конференцию по чуме, пригласив на нее всех наиболее видных санитарных врачей и бактериологов из Англии, Японии, России и других стран. Поскольку со стороны правительства организацией конференции занималось Министерство иностранных дел, то именно этот орган власти на первом этапе стал координировать текущую противоэпидемическую деятельность в стране. По итогам конференции был принят ряд важных рекомендаций, включающих в себя: проведение систематических исследований на предмет выявления эпизоотий среди грызунов – носителей инфекции; улучшение санитарного состояния городов и деревень; меры в области санитарного просвещения; создание инфекционных больниц; осуществление принудительной госпитализации лиц с подозрением на наличие у них чумы. Кроме того, в преддверии конференции в Шэньяне было создано Бюро по профилактике чумы, ставшее организационным ядром Северо-Маньчжурской медицинской службы во главе с У Ляньдэ. На службу было возложено выявление всех вспышек чумы на северо-востоке Китая, а также оказание госпитальной помощи бедным слоям населения в Харбине и других городах региона. Кроме того, по замыслу властей Северо-Маньчжурская служба должна была в скором времени стать государственной службой здравоохранения для всего Китая. Предполагалось, что ее финансирование должно осуществляться за счет налогов от трех маньчжурских провинций и морских таможенных сборов [38, p. 238].

В целом, эпидемия чумы в Маньчжурии стала важной частью социального кризиса, охватившего китайское общество эпохи поздней Цинской империи. Угроза ее дальнейшего распространения за пределы страны стала поводом для вмешательства иностранных держав в дела Китая и фактором возможной утраты суверенитета. Сопровождавшие ее драматические события вызвали взаимное движение государства и общества навстречу друг другу. Поскольку все стороны одинаково стали рассматривать медицинскую науку как символ преодоления этого кризиса, то создание специального органа управления, призванного взять чуму под контроль, дало начало процессу становления системы здравоохранения в Китае.

Республика, эпидемии и республиканское здравоохранение

Крах Цинской империи и возникновение Китайской республики вопреки ожиданиям не привели к радикальному улучшению ситуации – ни в политическом, ни в эпидемиологическом смысле. Последующий за этим период истории протяженностью почти 40 лет (1912–1949) был полон политическими потрясениями и распространением опасных инфекций. В отличие от позднего цинского периода значительно большую политическую роль в стране стала играть армия, оттеснившая на задний план бывшую имперскую бюрократию. Территория Китая стала ареной почти непрекращающихся военных столкновений генералов Бэйянской армии, вооруженных сил националистов, коммунистов и иностранных интервентов. Относительно недолгие периоды политической стабилизации – годы правления Юань Шикая (1912–1916) и Нанкинское десятилетие (1928–1937) – были временем строительства государственных институтов, в том числе институтов здравоохранения. Периоды возобновляющегося хаоса – Эра милитаристов (1916–1928), десятилетия гражданской войны между националистами и коммунистами (1927–1950) – сопровождались утратой достигнутого единства и активизацией со стороны внешних сил, некоторые из которых были готовы к реализации в Китае проектов в сфере здравоохранения.

Чума в Маньчжурии, ставшая одним из символов общенационального кризиса конца Цинской империи, продемонстрировала

способность власти и общества к относительной консолидации и привела к появлению первых органов здравоохранения, взявших под контроль наиболее острые случаи массовых инфекционных заболеваний – легочную и бубонную чуму. Во времена республики опыт борьбы с чумой был усвоен и масштабирован, увенчавшись созданием Национального бюро профилактики эпидемий (1919). Новыми вызовами для власти и общества в республиканский период стали, прежде всего, вспышки холеры и оспы, в отношении которых была развернута работа, связанная с введением профилактических прививок и распространением новых гигиенических знаний. Она потребовала от власти выработки приемов манипуляции с человеческим телом, а также создания приемов по управлению сознанием людей через специальные просветительские программы.

Пытаясь строить систему республиканского здравоохранения, националистические реформаторы неизменно были ограничены в своих ресурсах, а политическая нестабильность в стране сдерживала их возможности. Большая часть этой работы ими велась в городах, тогда как сельская местность обычно оставалась вне сферы их внимания. Тем не менее принимаемые ими меры обычно имели общенациональное значение, и многое из сделанного стало базой для развития здравоохранения в последующий период. В частности, основы современного здравоохранения были заложены лидером китайских реформаторов в первые годы республики Юань Шикаем. Желая показать себя прогрессивным правителем, он энергично вводил западные медицинские знания и издавал указы, касающиеся санитарии, гигиены и акушерской практики. В 1914 г. специальным постановлением он запретил населению обращаться к врачевателям традиционной медицины и предписал получать помощь лишь у докторов западной медицины. В 1916 г. были изданы «Положение о профилактике инфекционных заболеваний» и «Положение о медицинских и фармацевтических обследованиях». Смерть Юань Шикая привела к приостановке реформ, но принятые им решения имели важное политическое значение: республиканское правительство взяло на себя юридическую ответственность за охрану общественного здоровья и стандартизацию медицинской практики [24, p. 13].

После смерти Юань Шикая работа правительства по созданию системы здравоохранения ослабла, и образовавшийся вакуум заполнили, главным образом, иностранные неправительственные организации и миссионеры. Свою работу они вели не только в городах, но и в сельской местности. Миссионеры были заинтересованы в евангелизации местного населения, в связи с чем выставляли китайскую медицину сомнищем суеверий и порицали гигиенические привычки китайцев. Стремясь приобщить их к достижениям западной цивилизации, они пропагандировали западную медицину и гигиену. Особо активными в 1910-е годы были Китайская медицинская миссионерская ассоциация, Китайская медицинская ассоциация и Христианская ассоциация молодых женщин. В 1916 г. при их участии был основан Объединенный совет по санитарному просвещению и проведены собрания по распространению гигиенических знаний более чем в 20 городах, включая Шанхай и Чанша. В ходе гигиенических кампаний 1915 и 1916 гг. активистами миссионерских организаций проводились публичные лекции о причинах распространения болезней и достижениях западной медицины, демонстрировались плакаты и фильмы [23]. Гигиеническим просвещением занимались Китайская противотуберкулезная ассоциация и Китайская ассоциация проказы, но в своей работе они почти не взаимодействовали с правительством [41, р. 95]. В 1920-е годы активную работу в Китае также развернули Организация здравоохранения Лиги Наций и Фонд Рокфеллера, усилиями которого в Пекине был создан Медицинский колледж, ставший важным плацдармом медицинской миссионерской работы [18, р. 5–6].

Существенную роль в трансфере западных теорий и практик здравоохранения в Китай сыграли американские миссионеры. Так, секретарь Христианской ассоциации молодых женщин Уильям Уэсли Питер, прибывший в Китай после Синьхайской революции¹, создал большую коллекцию экспонатов по гигиене, которую широко использовал в ходе массовых противоэпидемических мероприятий. В июне 1920 г. в ходе антихолерной кампании в Фучжоу под его началом работали 2380 добровольцев, которые проводили

¹ Данные о времени его пребывания расходятся. По одним данным, он находился там с 1912 по 1926 г., по другим – с 1913 по 1927 г. [22; 40].

санитарные парады, читали лекции и устраивали гигиенические выставки на открытом воздухе. Добровольцы во главе с Питером охватили своей работой 220 тыс. человек, вследствие чего, когда в этом регионе вновь появилась холера, почти никто из жителей больше не заболел. Похожие результаты были достигнуты в Уху (провинция Аньхой) и Шанхае, когда в связи с распространением оспы среди работниц фабрик туда прибыли Питер и его добровольцы, развернувшие широкую пропагандистскую кампанию по вакцинации, позволившую в кратчайшие сроки охватить прививками тысячи детей китайских работниц [22, р. 35]. Американец Джон Грант в 1924 г. в Медицинском колледже Пекинского союза создал первую кафедру гигиены и общественного здравоохранения, на которой развернул подготовку специалистов в области гигиены среди китайцев. Важную роль в процессе преподавания играла станция здравоохранения, которую Грант называл «социальной лабораторией». Фактически она представляла собой городок с населением 56 тыс. человек, где студенты изучали теорию и практику общественного здравоохранения в полевых условиях [21].

После формирования в Нанкине правительства во главе с Чан Кайши (1887–1975) процесс строительства системы республиканского здравоохранения был продолжен. В 1928 г. в Нанкине был образован Департамент здравоохранения МВД, который взял на себя заботу об открытии новых больниц, проведении мероприятий по вакцинации и гигиеническое просвещение населения на подконтрольных ему территориях. В мае 1928 г. им были введены специальные правила по утилизации отходов, а два дня в году – 15 мая и 25 декабря – стали днями массовых санитарных мероприятий по всей республике. Эпидемия холеры 1932 г., охватившая восточные части страны, стала очередным поводом для реакции со стороны республиканского правительства. На этой волне в 1934 г. Департамент здравоохранения инициировал массовое движение «Новая жизнь», в которое были вовлечены тысячи людей, призванных учиться мерам противодействия холере и оспе и пропагандировать ценность вакцинации. Некоторые из приемов, касающихся гигиенического просвещения, Нанкинское правительство заимствовало у своих предшественников – миссионерских ассоциаций. Однако по мере усиления военных столкновений с Японией, начавшихся в 1931 г., прежние методы пропаганды и просвещения

стали вытесняться более политизированными моделями, а все более активное привлечение полиции к проведению гигиенических кампаний придало им мобилизующий смысл, сделав участие населения в них обязательным. В частности, в Шанхае в рамках таких кампаний вакцинация против оспы стала обязанностью граждан [29, p. 70].

В целом, в республиканский период процесс строительства системы здравоохранения в Китае получил серьезное развитие. Важным стимулирующим фактором этого был продолжающийся разгул эпидемий, прежде всего холеры, а также нередкие вспышки оспы, в промышленно развитых городах страны. Своего особого размаха они обычно достигали в моменты наибольшей политической нестабильности, сопровождавшиеся сменой правительств и вооруженными столкновениями. Заботясь об укреплении системы здравоохранения, республиканские власти часто испытывали дефицит ресурсов и были вынуждены отдавать инициативу иностранным неправительственным организациям и миссионерам. На этом фоне закономерным решением для всех сторон было использование методов гигиенического просвещения, которые апеллировали к сознанию населения и позволяли более эффективно манипулировать телами граждан республики. Кампании по гигиеническому просвещению со временем превратились в кампании по мобилизации масс, сделав заботу о собственном здоровье обязанностью граждан перед обществом и государством. Особенно очевидным это стало с приходом к власти националистического правительства в Нанкине и началом войны с Японией.

КНР, шистосомоз и народное здравоохранение

Придя к власти в 1949 г., коммунисты Китая получили в свои руки огромную территорию с обнищавшим населением и наполовину разрушенной экономикой. Несмотря на существование крупных городов с развитой промышленностью, таких как Шанхай, Китай продолжал оставаться аграрной страной с многомиллионными крестьянскими массами, которых предстояло мобилизовать для предстоящего процесса строительства социалистического государства. Ориентируясь на опыт Советского Союза, Мао Цзэдун (1893–1976) и другие руководители коммунистической

партии выбрали модель форсированного строительства социализма. Новое правительство провозгласило курс на избавление от наследия прежней эпохи, борьбу с невежеством и болезнями. Первый глава правительства КНР Чжоу Энлай (1898–1976) провозгласил курс на построение народного здравоохранения – всеобщей бесплатной системы оказания медицинской помощи, а также сформулировал задачи, касающиеся противозидемической работы. Испытывая огромную нехватку ресурсов, власти начали с решения первоочередных задач – ликвидации острых инфекционных болезней. Используя опыт, накопленный в республиканский период, а также помощь советских специалистов, санитарно-эпидемиологические службы КНР в течение короткого времени смогли взять под контроль чуму, холеру и оспу, а также сифилис и туберкулез, ассоциировавшиеся с неустроенным социальным бытом прежнего периода.

Едва ли не с первых месяцев существования КНР новым опасным вызовом для народного здравоохранения стала такая хроническая инфекция, как шистосомоз. Некоторые исследователи указывают на то, что причиной, вынудившей китайские власти уделить ей особое внимание, стала эпидемия, случившаяся летом 1949 г. в Шанхае. В войсках коммунистов, которые готовились к высадке на Тайвань, неожиданно заболело 38% солдат, из-за чего десант пришлось отменить. В течение следующих месяцев выяснилось, что многие призывники из Юго-Восточного Китая имеют серьезные проблемы со здоровьем из-за шистосомоза [15, р. 113]. В феврале 1950 г. командование Восточно-Китайского военного округа объявило шистосомоз не только опасной болезнью, но и угрозой для безопасности всей страны. Для борьбы с ним был создан Военный комитет по профилактике и лечению шистосомоза [43, р. 38].

В начале 1950-х годов в КНР была проведена аграрная реформа, по результатам которой 300 млн крестьян (более 60% сельского населения) бесплатно получили в свое пользование 46,7 млн га пахотной земли (почти половина всего пахотного фонда в Китае), что в сочетании с мерами по обеспечению ирригации дало первый толчок сельскохозяйственному производству [14, р. 367]. В 1953 г. в стране началась реализация первого пятилетнего плана, целями которого стали проведение индустриализации и ускорен-

ное развитие индивидуального сельского хозяйства. Но уже по итогам первого года его реализации стало ясно, что сельское хозяйство не успевает за развитием промышленности. Очевидно, что это отставание стало причиной того, почему партийно-государственное руководство КНР вновь обратило внимание на проблему шистосомоза.

В 1954 г. власти КНР переформулировали свои идеологические представления об этой болезни. Вместо того чтобы рассматривать ее как неотложную угрозу для безопасности, они стали считать ее препятствием для развития сельского хозяйства и роста производительности труда. Шистосомоз был идентифицирован как главное заболевание сельского населения. Борьбу с шистосомозом возглавило Министерство здравоохранения КНР, однако из-за нехватки средств она велась вяло и сводилась, прежде всего, к научным исследованиям и разработке адекватных методов лечения. В конце 1955 г. всю работу по шистосомозу взял в свои руки глава КНР и председатель КПК Мао Цзэдун. Под его началом была создана специальная комиссия при Центральном комитете КПК, а также были направлены дополнительные средства на изучение всего круга вопросов, связанных с шистосомозом. Была существенно расширена сеть провинциальных институтов паразитарных болезней, занимающихся шистосомозом, – с 15 до 42 [34, р. 28].

Личное вмешательство председателя Мао в борьбу с шистосомозом было неслучайным. Оно было вызвано сохраняющимися проблемами в сельском хозяйстве. Начавшийся в 1952 г. переход от индивидуального к коллективному сельскому хозяйству в 1955 г. был дополнен объединением коллективных хозяйств в производственные кооперативы. Рост производства в аграрном секторе все еще оставался неразрешенной задачей. В феврале 1956 г. по инициативе Мао была объявлена патриотическая кампания против шистосомоза под лозунгом «Шистосомоз должен быть уничтожен». На полную ликвидацию болезни отводилось семь лет [12, р. 279–280].

Целью кампании 1956 г. было изменить гигиенические привычки сельских жителей, что должно было позволить снизить уровень заболеваемости шистосомозом. Партийные активисты, направленные в сельскую местность, призывали крестьян лучше

защищать ноги, чтобы не допустить заражения на рисовых полях. Была также развернута работа по рытью новых колодцев и строительству туалетов, велась агитация за недопущение загрязнения водоемов фекалиями. Однако, когда в начале 1956 г. городские активисты столкнулись с открытым недоверием со стороны сельских жителей к их призывам, стратегия проведения кампании изменилась.

По приглашению Чжоу Энляя в 1956 г. в КНР прибыла делегация Японского общества паразитологов во главе с ученым-коммунистом Ёситакой Комия. Имея долгий опыт работы в Шанхае, Комия хорошо представлял особенности китайского сельского хозяйства, где на протяжении веков фекалии использовались как удобрения. Заставить крестьян отказаться от их использования было сложно. В качестве альтернативы Комия предложил заняться уничтожением улитки *Oncomelania*, обитающей на рисовых полях и являющейся промежуточным носителем шистосомоза. По его совету крестьянам следовало собирать улиток вручную и закапывать их глубоко в землю [19, р. 466–467].

Одобрив совет японского специалиста, китайские власти призвали народ приступить к уничтожению всех улиток, обитающих на полях. Распространился лозунг, гласивший, что этот упорный труд позволит навсегда избавить китайский народ от болезни. В том же 1956 г. в сельских районах Юго-Восточного Китая развернулась массовая кампания по уничтожению улиток *Oncomelania*. На сбор и уничтожение улиток были мобилизованы миллионы крестьян, которых в идеологическом плане приравнивали к солдатам. В сельской местности массово распространялись листовки, содержащие простейшие сведения в области эпидемиологии шистосомоза.

Эти массовые кампании по уничтожению улиток стали своеобразным прологом к общенациональной кампании Большого скачка, начавшейся в 1958 г. В течение нескольких лет эти кампании шли по нарастающей, захватывая все большие территории. В 1958 г. в рамках кампании против шистосомоза стали распространяться листовки со знаменитым стихотворением Мао «Прощай, дух чумы», посвященным полной ликвидации шистосомоза в уезде Юйцзян. Тогда же и сама кампания против шистосомоза получила название «Прощай, дух чумы». В начале 1960-х годов для

поощрения народа к борьбе с шистосомозом на киноэкраны были выпущены фильмы пропагандистского содержания, адресованные как городскому, так и сельскому населению. Самым известным из них стал художественный фильм «Обретение новой жизни» (Kutu fengchun), выпущенный в 1961 г. [11, р. 5–8].

Провал Большого скачка, осознанный руководством страны, привел к прекращению этой кампании уже в 1960 г. Последствием Большого скачка стал очередной кризис в сельском хозяйстве и массовый голод (1959–1961), унесший жизни большого числа людей. Тесная связь между кампаниями против шистосомоза и политикой Большого скачка стала причиной, по которой власти решили пересмотреть свои методы борьбы с шистосомозом. Массовые мобилизации крестьян с выходом на поля и уничтожением улиток прекратились. Этому отчасти способствовало и то обстоятельство, что почти вся популяция улиток *Oncomelania* в Юго-Восточном Китае была уничтожена. Вместо массового привлечения крестьян для борьбы с переносчиками шистосомоза вновь стали применяться лечебные меры, которые требовали участия сравнительно небольшого числа работников. В необходимости их использования не было никакого сомнения, поскольку уже к концу 1960-х годов популяция улиток *Oncomelania* смогла полностью восстановить свою численность. После резкого снижения уровня заболеваемости вновь начался рост числа заболевших.

Массовые кампании по борьбе с шистосомозом стали значимой предпосылкой к созданию системы народного здравоохранения. Достигнутый в ходе них эффект был противоречивым. С одной стороны, властям удалось быстро мобилизовать миллионы крестьян и привлечь их к деятельности по охране собственного здоровья, с другой – успех в борьбе с шистосомозом был временным и показал, что для борьбы с распространением этой хронической инфекционной болезни нужны другие, более профессиональные методы. Главное же заключалось в том, что сельские районы Китая нуждались в появлении там профессионалов здравоохранения.

В 1950-е и 1960-е годы для лечения шистосомоза приходилось назначать инъекции с использованием препаратов на основе сурьмы. Эти препараты были токсичными, с их приготовлением и введением существовали трудности, а врачей в сельской местности не хватало. К началу 1970-х годов ситуация изменилась. Ки-

тайским специалистам удалось разработать более простые препараты для перорального применения, а также добиться сокращения сроков курса лечения болезни. Неудачный опыт борьбы с шистосомозом, полученный в годы Большого скачка, был учтен в годы Культурной революции. В ходе этой общенациональной кампании в сельскую местность были направлены тысячи городских врачей, а также знаменитые «босоногие доктора» (близкий российский аналог – фельдшеры), на которых помимо родовспоможения, медицинского просвещения крестьян и борьбы со знахарями было возложено лечение пациентов с шистосомозом [20, р. 833]. Их появление там смогло переломить ситуацию. Существенно выросло число тех, кому удалось вылечиться от шистосомоза. Очевидным эффектом успешного лечения для женщин стала возможность иметь детей. Но еще более важным следствием Культурной революции было то, что сельское население Китая, наконец, стало получать медицинскую помощь, и процесс создания народного здравоохранения достиг своего закономерного финала¹.

В годы Культурной революции шистосомоз перестал быть предметом серьезного партийно-государственного внимания. Патриотические кампании по борьбе с ним, выстроенные по моделям второй половины 1950-х годов, наполнились пустым формализмом и проходили со все меньшим энтузиазмом. Уничтожение улиток на рисовых полях перестало проводиться вручную. Вместо крестьянских армий их уничтожением занялись небольшие санитар-

¹ Осуществление программы «Босоногий доктор» в КНР продолжалось до 1983 г. Провозглашенная в ней цель «здоровье для всех» совпала с целью, заявленной руководством Всемирной организации здравоохранения в середине 1970-х годов и положенной в основу знаменитой Декларации о предоставлении всеобщей первичной медико-санитарной помощи, принятой на Международной конференции ВОЗ и ЮНИСЕФ в Алма-Ате в 1978 г. Китайская делегация в этой конференции не участвовала. Всего через год после Алма-Аты директор Отдела наук о здоровье Фонда Рокфеллера Кеннет Уоррен и его коллега Джулия Уош предложили агентствам ООН «менее затратную» селективную модель первичной медико-санитарной помощи для развивающихся стран, которая и была ими принята за основу. Концепция «здоровья для всех» была снята с повестки дня международных гуманитарных организаций как «утопическая». Переход многих стран к неолиберальным моделям развития, начавшийся в 1980-е годы, также способствовал утрате интереса к китайской программе «Босоногий доктор», разработанной для сельского населения [43, р. 285–292].

ные бригады, применяющие химикаты. Для лечения больных шистосомозом использовали все более надежные и безопасные лекарства. Вместо препаратов на основе сурьмы стал использоваться празиквантел, разработанный в Германии.

В начале XXI в. количество заболевших шистосомозом достигает около 1 млн человек [25]. Высокий уровень заболеваемости этой инфекцией сохраняется. Но ни власти, ни специалисты в области здравоохранения больше не видят смысла в том, чтобы, борясь с болезнью, уничтожать ее переносчика – улитку *Oncomelania*. Примечательно также и то, что большинство современных китайцев считают, что эта болезнь была ликвидирована во времена Мао, когда на борьбу с ней поднялся весь народ. Этот стереотип свидетельствует о том, что в КНР шистосомоз больше не считается серьезной социальной проблемой.

В целом, процесс социалистического строительства во времена Мао стал временем создания народного здравоохранения – всеобщей системы бесплатной медицинской помощи, охватившей не только городское население, но и сельских жителей. Борьба за повышение производительности сельского хозяйства, начатая в годы первых пятилетних планов, побудила партийно-государственное руководство КНР и лично председателя Мао начать борьбу с хроническими препятствиями, существующими на этом пути. Одним из них оказалось хроническое инфекционное заболевание шистосомоз. Патриотические кампании по борьбе с шистосомозом стали частью программ по мобилизации крестьянства в конце 1950-х годов. Провал политики Большого скачка, ставшей апогеем этой мобилизации, привел к постепенному снижению накала борьбы с шистосомозом. В 1960-е и 1970-е годы борьба с шистосомозом стала делом профессионалов, направленных в сельскую местность для оказания медицинской помощи крестьянству. Появление там городских докторов, а также менее квалифицированных медицинских работников, стало финальным этапом создания системы народного здравоохранения.

КНР в эпоху реформ, ВИЧ / СПИД и коммерческое здравоохранение

В 1978 г. новый лидер КНР Дэн Сяопин (1904–1997) провозгласил политику Реформ и Открытости, направленную на построение социалистической рыночной экономики – «социализма с китайской спецификой». Политика прежнего китайского руководства, призванная вырвать страну из вековой нищеты и отсталости, была объявлена исчерпавшей себя, поскольку вместо этого привела ее на грань экономической катастрофы. Начиная реформы, Дэн не стал отказываться от коммунистической идеологии, но допустил свободное сочетание элементов социализма и капитализма в народном хозяйстве. Реформы затронули все сферы общественной жизни, включая здравоохранение, в которое также были внедрены рыночные механизмы. Впервые с 1940-х годов в стране вновь появились платные медицинские услуги.

В 1983 г. была прекращена реализация программы «Босоногий доктор», что стало началом очередной модернизации системы здравоохранения. Многие оставшиеся в деревне «босоногие доктора» стали пытаться превратить свою профессиональную деятельность в бизнес. Но это привело лишь к утрате доверия сельского населения к государственной медицине. Государство пыталось регулировать цены на местном рынке медицинских услуг, но в основном безуспешно. В некоторых регионах местные власти предпринимали отчаянные усилия сохранить сельскую кооперативную медицинскую систему, а порой – как в Ханчжоу (провинция Чжэцзян) – это даже делали сами местные жители. Но все же общей тенденцией стала деградация системы бесплатного народного здравоохранения. Неудивительно, что на этом фоне большая часть населения была вынуждена перейти к использованию услуг платной медицины или вернуться к услугам врачей-леков китайской традиционной медицины [43, р. 293–294].

В течение всех 1980-х и 1990-х годов во внутренней жизни КНР продолжались экономические реформы, начатые Дэн Сяопином. Его протеже Чжао Цзянь (1919–2005), возглавив партию, в 1989 г. дискредитировал себя поддержкой протестующих студенческих групп на площади Тяньаньмэнь и после этого был смещен со всех постов. Новый глава партии и председатель КНР Цзянь

Цзэминь (род. 1926) также продолжал реформы Дэна, но не впадая в крайности либерализма. При нем в КНР началась кампания по форсированной урбанизации, вследствие которой десятки миллионов бывших крестьян были вынуждены перебраться в города, получив работу в быстро растущем индустриальном секторе. В течение целого ряда лет переселенцы были вынуждены жить в тесных городских квартирах, в условиях скученности и антисанитарии, без доступа к медицинской помощи. Впоследствии ситуация изменилась, но на первых порах, пока Китай обеспечивал свой беспрецедентный экономический рост за счет дешевой рабочей силы, огромные массы китайского населения остались один на один со своими проблемами в сфере здоровья.

Неприятной новостью для властей и общества стало распространение новой хронической инфекционной болезни – ВИЧ / СПИД. В 1985 г. в КНР был зарегистрирован первый больной со СПИДом, после чего начался медленный рост числа заболевших. Если шистосомоз был вызовом для китайского здравоохранения на ранних этапах социалистического строительства, то СПИД стал вызовом на этапе построения «социализма с китайской спецификой». Распространение ВИЧ / СПИД вызвало недоумение со стороны властей и психологический шок среди населения, которое стало дискриминировать первых заболевших, считая их виновными в собственных бедствиях, а также в том, что их легкомысленное поведение представляет угрозу для окружающих. В КНР, как и в других странах социализма, ВИЧ / СПИД связывался, прежде всего, с пороками капиталистического общества – употреблением наркотиков и гомосексуализмом.

Между тем причиной распространения ВИЧ / СПИД в КНР значительно чаще становился не образ жизни инфицированных, а пороки самой системы здравоохранения, в частности появление системы платных медицинских услуг. В первую очередь речь идет о системе платного донорства крови, которая начала формироваться в стране в 1980-е годы. Особо скандальным стал случай с массовым заражением доноров крови в сельских районах провинции Хэнань, где к середине 1990-х годов власти были вынуждены признать возникновение эпидемии СПИД [3].

В одном из исследований об этом случае сообщается, что в начале 1990-х годов в провинции Хэнань было создано более

270 платных центров по приему крови у населения, где за каждую порцию крови от донора платили от 20 до 200 юаней (от 2,40 \$ до 24.00 \$). 60% от общего числа доноров в Хэнани составляли женщины от 15 до 55 лет, хотя значительную часть доноров составляли мужчины. Поскольку забор крови часто проводился без соблюдения должных санитарных предосторожностей, а основную массу доноров составили крестьяне, то неизбежным следствием этой ситуации стало быстрое распространение инфекции в сельской местности. По данным управления здравоохранения провинции Хэнань, к середине 1990-х годов 370 тыс. доноров крови из сельской местности заразились ВИЧ-инфекцией, и подобная же ситуация сложилась в других регионах Китая. По некоторым оценкам, в 15 из 27 провинций, где действовали коммерческие пункты приема крови у населения, значительная часть доноров была заражена. В некоторых же деревнях количество жителей, заразившихся ВИЧ, составило от 60 до 80% [10, р. 140].

История с массовым ВИЧ-инфицированием сельских жителей в Хэнани нашла отражение в литературе. Ян Лянки в романе «Сон о деревне Динь» описал трагедию небольшой деревушки, где спустя 10 лет после того, как местные жители стали сдавать кровь в коммерческих пунктах приема крови у населения, почти все заболели СПИД и умерли. «Первое, что понял дедушка, это то, что лихорадка вовсе не была лихорадкой... То, что случилось с деревней Динь, было немыслимо: менее чем за два года эта крошечная деревня, состоявшая из почти 200 семей и 800 жителей, потеряла более 40 человек из-за лихорадки. За последний год в месяц в среднем умирало два-три человека. Не проходило и недели, чтобы кто-нибудь не умирал... казалось, этой мертвой хватке не будет конца. Не было конца смертям и слезам» [39, р. 9–13].

Случай в Хэнани вызвал большой общественный резонанс. В ответ на это в 1996 г. правительство закрыло большую часть государственных пунктов приема крови у населения, практикующих коммерческие формы донорства, а в 1998 г. все центры коммерческого донорства крови были объявлены вне закона. В самом начале 2000-х годов для строительства новых государственных пунктов донорства крови власти направили почти 1 млрд юаней (120 млн \$), а затем – еще 950 млн юаней для осуществления контроля над качеством донорской крови и обеспечения безопасности

процедур забора [10, р. 140]. На уровне официальной государственной риторики тема коммерческого донорства крови была закрыта, а само донорство было объявлено патриотической обязанностью граждан страны перед остальным обществом.

Распространение ВИЧ-инфекции из-за проблем в организации органов здравоохранения на местах выявило слабость всей существующей системы. Юй Синьчжун утверждает, что китайское здравоохранение оказалось неспособно справиться с новой эпидемией, поскольку всецело опиралось на биомедицинские методы, однако ввиду отсутствия эффективных средств лечения новой болезни на первый план должны были выйти меры социальной поддержки инфицированных и заболевших, предполагающие прекращение дискриминации и защиту их прав. Но ничего из названного существующая система здравоохранения КНР не содержала. Апеллируя к опыту западных стран, Юй Синьчжун полагает, что успешная борьба с ВИЧ / СПИД требует создания нового здравоохранения – с уменьшенным объемом полномочий правительства и расширенной ролью неправительственных организаций, обладающих большей гибкостью и способностью справляться с такими случаями [41, р. 100–102].

По прошествии более четверти века от этих событий ситуация с эпидемией СПИД в Китае отчасти уже не выглядит так, как это виделось Юй Синьчжуну. Соглашаясь с его оценкой китайского здравоохранения конца XX в. как системы, переживающей кризис, сегодня необходимо признать, что на смену этому кризису пришел новый. В начале 2020 г., когда вспышка коронавирусной инфекции в Ухани вынудила ВОЗ объявить о начале новой глобальной эпидемии – COVID-19, проблема ВИЧ / СПИД, как не раз отмечалось, отошла на второй план [1]. В сущности, повторилась ситуация со всеми прочими социально значимыми эпидемиями, о которых шла речь выше. Подобно шистосомозу и даже чуме и холере ВИЧ / СПИД как биологическое явление никуда не делся, но перестал занимать главное место как в общественном сознании, так и в политике властей. В исторической перспективе эта очередная массовая хроническая инфекция стала важным фактором формирования новой системы здравоохранения в КНР, выявив ее слабые стороны и обозначив новые пути для развития.

В целом, развитие КНР на новом этапе, начавшееся после смерти Мао и реформ Дэна, привело к коллапсу системы народного здравоохранения. Попытки правительства реформировать и перестроить систему здравоохранения посредством ее коммерциализации стали закономерным следствием перехода всей экономики на рельсы рыночного развития. Новым вызовом для китайского здравоохранения в этот период стала эпидемия ВИЧ / СПИД, которая выявила слабости всей системы в ее переходном состоянии. Случай массового заражения доноров крови в сельских районах Китая в 1990-е годы очевидным образом показал, что простая коммерциализация системы не является удовлетворительным решением. В действительности то, что необходимо для общества в новых условиях – это качественно новый уровень медицинской практики, отвечающий стандартам безопасности и эффективности, и непосредственный контроль со стороны государства за соблюдением этих стандартов.

Список литературы

1. Михель Д.В. Данные, принципы и стратегии: как работают глобальные механизмы контроля эпидемии ВИЧ // Логос. – 2021. – Т. 31, № 1. – С. 143–176.
2. Михель Д.В. Общественное здоровье и холерный вибрион: Российская империя, медицина и бактериология начала XX века перед угрозой холеры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2008. – Т. 8, № 2. – С. 64–74.
3. Михель Д.В., Михель И.В. Кровь и тело как лечебное снадобье: донорство крови и органов в Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2021. – № 2. – С. 131–146.
4. Фуко М. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. – Москва : Праксис, 2006. – Ч. 3. – С. 79–107.
5. Чжан Тайшань. Инфекционные болезни и общество в республиканскую эпоху: профилактика инфекционных болезней и создание общественного здравоохранения = Чжан Тайшань. Миньго шици дэ чуаньжяньбин юй шэхуэй – И чуаньжяньбин фанчжи юй гунгун вэйшэн вэй чжунсинь. – Бэйцзин : Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2008. – 512 с. – Кит. яз.
6. Юй Синьчжун. Чума и общество в Цзяннане в период династии Цин: исследование по социальной истории медицины = Юй Синьчжун. Цинг дай цзянань дэ вэньи юй шэхуэй – И сянь иляо шэхуэй ши дэ яньцзю. – Бэйцзин : Бэйцзин шифань дасюэ, 2014. – 413 с. – Кит. яз.

7. Andrews B. *The Making of Modern Chinese Medicine, 1850–1960*. – Vancouver : UBC Press, 2014. – 294 p.
8. Benedict C. *Bubonic Plague in Nineteenth-Century China*. – Stanford : Stanford University Press, 1996. – 256 p.
9. Cipolla C. *Miasmas and Disease: Public Health and the Environment in the Pre-Industrial Age*. – New Haven : Yale University Press, 1992. – 144 p.
10. Erwin K. *The Circulatory System : Blood Procurement, AIDS, and the Social Body in China* // *Medical Anthropology Quarterly*. – 2006. – Vol. 20, N 2. – P. 139–159.
11. Fan K. *Film Propaganda and the Anti-Schistosomiasis Campaign in Communist China* // *Sungkyun Journal of East Asian Studies*. – 2012. – Vol. 12, N 1. – P. 1–17.
12. Fan K. *Mass Mobilization and the Anti-Schistosomiasis Campaign in Maoist China (1955–1960)* // *Handbook of Disease Outbreaks : Prevention, Detection and Control* / Holmgren A., Borg G. (eds.). – Hauppauge, NY : Nova Science Publishers, 2010. – P. 277–293.
13. Frieden N.M. *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905*. – Princeton : Princeton University Press, 1981. – 398 p.
14. Funing Zhong, Jing Zhu. *Diversification: Implications for Rural Growth in China* // *The Dragon and the Elephant: Agricultural and Rural Reforms in China and India* / Gulati A., Fan S. (eds.). – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2007. – P. 365–383.
15. Gross M., Fan K. *Schistosomiasis* // *Medical Transitions in Twentieth-Century China* / Andrews B., Brown Bullock M. (eds.). – Bloomington : Indiana University Press, 2014. – P. 106–125.
16. Ho F.C.S. *Western Medicine for Chinese: How the Hong Kong College of Medicine Achieved a Breakthrough*. – Hong Kong : Hong Kong University Press, 2017. – 230 p.
17. Hutchinson J.F. *Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918*. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1990. – 280 p.
18. Ka-che Yip. *Health and National Reconstruction in Nationalist China: The Development of Modern Health Services, 1928–1937*. – Ann Arbor, Mich. : Association of Asian Studies, 1995. – 289 p.
19. Komiya Y. *Recommendatory Note for the Control Problem of Schistosomiasis in China* // *Japanese Journal of Medical Science and Biology*. – 1957. – Vol. 10, N 6. – P. 461–471.
20. Li V.H. *Politics and Health Care in China: The Barefoot Doctors* // *Stanford Law Reviews*. – 1975. – Vol. 27, N 3. – P. 827–840.
21. Liping Bu. *Beijing First Health Station : Innovative Public Health Education and Influence on China's Health Profession* // *Science, Public Health and the State in Modern Asia* / Liping Bu, Darwin H. Stapleton, Ka-Che Yip (eds.). – New York : Routledge, 2011. – P. 129–143.
22. Liping Bu. *Cultural Communication in Picturing Health : W.W. Peter and the Public Health Campaigns in China, 1912–1926* // *Imagining Illness: Public Health and Visual Culture* / Serlin D. (ed.). – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2010. – P. 24–39.

23. Liping Bu. Public Health and Modernization : The First Campaigns in China, 1915–1916 // Social History of Medicine. – 2009. – Vol. 22, N 2. – P. 305–319.
24. Liping Bu. Public Health and the Modernization of China, 1910–2015. – New York : Routledge, 2017. – 302 p.
25. McManus D.P., Gray D.J., Li Y. Schistosomiasis in the People's Republic of China : The Era of the Three Gorges Dam // Clinical Microbiology Reviews. – 2010. – Vol. 23, N 2. – P. 442–466.
26. McNeill W.H. Plagues and peoples. – New York : Anchor books, 1976. – 340 p.
27. Muir W. Cholera Epidemic, 1919. – URL: https://disasterhistory.org/the-cholera-epidemic-1919#_ftn1 (дата обращения: 25.06.2022).
28. Nakajima C. Body, Society and Nation : The Creation of Public Health and Urban Culture in Shanghai. – Cambridge, Ma. : Harvard University Press, 2018. – 312 p.
29. Nakajima C. Health and Hygiene in Mass Mobilization: Hygiene Campaigns in Shanghai, 1920–1945 // Twentieth-Century China. – 2008. – Vol. 34, N 1. – P. 42–72.
30. Porter D. Health, Civilization and the State: A History of Public Health from Ancient to Modern Times. – New York : Routledge, 1998. – 338 p.
31. Renshaw M. The Evolution of the Hospital in Twentieth-Century China // Andrews B., Bullock M.B. Medical Transitions in Twentieth-Century China. – Bloomington : Indiana University Press, 2014. – P. 317–335.
32. Rogaski R. Hygienic Modernity : Meanings of Health and Disease in Treaty-Port China. – Berkeley : University of California Press, 2004. – 401 p.
33. Rosen G. A History of Public Health. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2015. – 440 p.
34. Sandbach F.R. Farewell to the God of Plague – Control of Schistosomiasis in China // Social Science and Medicine. – 1977. – Vol. 11, N 1. – P. 27–33.
35. Shuk-wah Poon. Cholera, Public Health, and the Politics of Water in Republican Guangzhou // Modern Asian Studies. – 2013. – Vol. 47, N 2. – P. 436–466.
36. Sihm Kyu-hwan. Reorganizing Hospital Space: The 1894 Plague Epidemic in Hong Kong and Germ Theory // Korean Journal of Medical History. – 2017. – Vol. 26. – P. 59–94.
37. Watt J.R. Saving Lives in Wartime China : How Medical Reformers Built Modern Healthcare Systems Amid War and Epidemics, 1928–1945. – Leiden : Brill, 2014. – 339 p.
38. Wu Lien-teh. First Report of the North Manchurian Plague Prevention Service // Journal of Hygiene. – 1913. – Vol. 13, N 3. – P. 237–290.
39. Yan Lianke. Dream of Ding Village. – New York : Grove Press, 2012. – 352 p.
40. YMCA of the USA. International Division. – URL: <https://snaccooperative.org/view/16977058> (дата обращения: 10.07.2022).
41. Yu Xinzong. Epidemics and Public Health in Twentieth-Century China: Plague, Smallpox, and AIDS // Medical Transitions in Twentieth-Century China / Andrews B., Brown Bullock M. (eds.). – Bloomington, Indiana : Indiana University Press, 2014. – P. 91–105.

42. Yu Xinzhong. Response to Epidemic Disease in Ancient China and its Characteristics // Chinese Medicine and Culture. – 2020. – Vol. 3, N 2. – P. 55–59.
43. Zhou Xun. The People's Health: Health Intervention and Delivery in Mao's China, 1949–1983. – Montreal : McGill-Queen's University Press, 2020. – 369 p.

МОЗИАС П.М.* ТРАНСМИССИОННЫЙ МЕХАНИЗМ ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В КИТАЕ.

Аннотация. Среди специалистов нет единого мнения по поводу того, как происходит передача сигналов денежной политики в реальный сектор экономики. Кейнсианская школа описала «процентный канал» трансмиссии. А с появлением в 1970-е годы пионерных работ о значении асимметрии информации для функционирования финансовых рынков возникли и теоретические представления о «кредитном канале». Китайские экономисты, используя эмпирические материалы, исследуют особенности денежной трансмиссии в современной переходной экономике Китая. Они приходят к выводу, что оба канала действуют и в современном китайском хозяйстве.

Ключевые слова: Китай; банки; денежная политика; процентный канал; кредитный канал.

MOZIAS P.M. Ways of a Monetary Pass-Through in China's Economy.

Abstract. Various schools of economic thought differ in their judgements about how shocks of a monetary policy are transmitted into real sector. Keynes and his disciples introduced a concept of an interest channel of transmission. "Information economics" emerged in the 1970s. By accentuating the role of an asymmetry of information in functioning of financial markets, it paved the way for a new theory of a credit channel. Modern Chinese economists study peculiarities of a monetary transmission in current circumstances of that country, and apply a variety of stylized facts in their job. The most of them agree that both channels of a transmission really hold in China's economy nowadays.

* Мозиас Петр Михайлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки ИНИОН РАН.

Keywords: China; banks; monetary policy; interest channel; credit channel.

Для цитирования: Мозиас П.М. Трансмиссионный механизм денежной политики в Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 4. – С. 121–148. DOI: 10.31249/RVA/2022.04.07

Эмиссия денег испокон веков была преимущественным правом государства, а в современных экономиках воздействие государства на величину денежного предложения, т.е. собственно денежная политика (ДП), является важнейшим звеном макроэкономического регулирования. Власти в лице Центрального банка (ЦБ) страны определяют объем и структуру денежной массы с помощью целого ряда инструментов: учетной ставки, т.е. ссудного процента, под который сам ЦБ кредитует коммерческие банки; нормы обязательного резервирования (НОР); операций на открытом рынке и др.

Используя их, ДП может предотвращать слишком резкие колебания в ходе делового цикла в национальной экономике. В условиях избыточного замедления экономического роста и тем более в ситуации экономического спада монетарные власти обычно смягчают ДП: снижают учетную ставку и НОР, активизируют покупки государственных облигаций у коммерческих банков в ходе операций на открытом рынке. В результате в банковскую систему поступает дополнительная ликвидность, «подкачивается» совокупный спрос, и это удерживает экономику от дальнейшего падения. Напротив, если прирост ВВП резко ускоряется и возникает угроза инфляционного «перегрева», то ЦБ ужесточает ДП: увеличивает учетную ставку и НОР, продает банкам государственные ценные бумаги из собственного портфеля. Тем самым совокупный спрос «охлаждается», предотвращается крупномасштабное повышение цен на товары, услуги и капитальные активы.

Мало кто из экономистов сомневается в том, что ДП может достаточно эффективно влиять на хозяйственную конъюнктуру. Однако среди специалистов нет консенсуса насчет того, как именно выглядит механизм передачи (трансмиссии) сигналов ДП в реальный, производственный сектор экономики. По этому поводу в экономической науке уже много десятилетий идут оживленные дискуссии.

Для Китая, как и для других стран с переходной экономикой, эта проблематика имеет особую значимость. Применительно к до-реформенному китайскому хозяйству о ДП в подлинном смысле слова говорить вообще не приходилось, имела место просто определенная методика управления финансами. Денежные потоки в плановой экономике играли подчиненную роль по отношению к административному распределению материальных ресурсов. При этом власти концентрировали сбережения общества в одном банке (Народном банке Китая, НБК), и тот выдавал кредиты предприятиям в установленных плановыми органами объемах и по директивно регулируемым процентным ставкам. Трансмиссионный механизм был примитивным: государство просто распределяло финансовые ресурсы между предприятиями – отчасти в приказном порядке, отчасти в результате «торгов» между различными звеньями управленческой иерархии.

С началом реформ НБК были приданы функции ЦБ. Стала развиваться система коммерческих банков. Возникли денежный рынок и рынок капитала. Государство стало осваивать принятые в странах с рыночной экономикой методы ДП. Но само эволюционное течение реформ предполагает, что новый трансмиссионный механизм ДП тоже выстраивается постепенно, в его развитии можно выделить отдельные, достаточно продолжительные стадии. Это тем более так, потому что либерализация процентных ставок в Китае растянулась на несколько десятилетий, по разным группам финансовых инструментов она протекает с неодинаковой скоростью. Длительное сочетание элементов свободного и административного ценообразования на финансовых рынках придает трансмиссионному механизму ДП в Китае специфические черты.

Китайские экономисты активно обсуждают вопрос, насколько вообще применимы к китайской ДП теоретические модели, разработанные на основе опыта развитых рыночных экономик. В монографиях Сюй Линчао (факультет экономики и управления Университета Тунцзи, Шанхай) [1] и Ван Юя и Ли Хунцзиня (исследовательский департамент НБК) [2] содержатся основательные экскурсии в теорию ДП. В обоих книгах отмечается, что на формирование современного методологического аппарата исследований ДП наибольшее влияние оказала кейнсианская школа, доминировавшая в западной экономической науке в 1930–1970-е годы.

Дж.М. Кейнс считал, что главная причина хозяйственных кризисов и депрессий – это нехватка в экономике «эффективного спроса», а с ней можно бороться воздействием на цены финансовых ресурсов. Кейнс полагал, что предельная склонность к потреблению в обществе обычно тяготеет к одному и тому же уровню, а предельная производительность капитала колеблется вокруг уровня процентных ставок, она изменяется в зависимости от того, находится экономика в фазе процветания или в фазе депрессии. Поскольку предельную производительность капитала трудно контролировать, то ее колебания могут оказать шоковое воздействие на экономику. Вот для их предотвращения государству и нужно взять под контроль процентные ставки, а именно – целенаправленно их занижить.

Согласно Кейнсу, спрос на деньги (т.е. мотивация к тому, чтобы удерживать на балансах ликвидность) определяется потребностью в них для совершения транзакций, предосторожной мотивацией и желанием извлечь выгоду из финансовых спекуляций. Он ввел понятие «предпочтение ликвидности», оно предполагает, что норма (уровень) ссудного процента – это цена, которую люди готовы платить ради удовлетворения своей потребности в наиболее ликвидных активах. Норма процента определяется, с одной стороны, желанием людей иметь богатство в форме ликвидности (т.е. собственно спросом на деньги), а с другой – количеством денег в обращении (т.е. предложением денег). Поэтому ЦБ должен путем воздействия на величину денежного предложения регулировать процентные ставки, поддерживать их на низком уровне, а это будет стимулировать расширение потребительского и инвестиционного спроса в экономике и, соответственно, экономический рост [2, с. 27–28].

Взгляды Кейнса при всей их популярности никогда не были общепринятыми, их жестко критиковали экономисты консервативного, неоклассического направления. М. Фридман, родоначальник монетаризма – той ветви неоклассики, которая непосредственно занимается денежной проблематикой, – утверждал, что спрос на деньги формируется совсем не так, как это описывал Кейнс. Спрос на денежные остатки определяется не величиной процентной ставки, а предпочтениями людей по поводу уровня

дохода, который они хотели бы иметь в течение всей жизни («перманентного дохода»).

В понимании Фридмана функция спроса на деньги регулируется действием относительно небольшого числа автономных факторов (уровнем желаемого дохода, инфляционными ожиданиями, ожидаемой доходностью по акциям и облигациям). Соотношение между величиной денежной массы и этими переменными стабильное и статистически определяемое. А если стабильна функция спроса на деньги, то предсказуема и скорость обращения денег.

В краткосрочном периоде изменение денежного предложения может стимулировать увеличение ВВП, а отчасти повлиять и на уровень цен. Но в длительной перспективе объем выпуска продукции зависит исключительно от немонетарных факторов (величины запасов труда и капитала в экономике, ресурсных и технологических ограничений). Иначе говоря, в долгосрочном периоде деньги «нейтральны»: увеличение денежной массы в конечном счете приведет только к ускорению инфляции, а не темпов прироста ВВП.

Отсюда следует, что экономическая система обладает внутренней способностью к нахождению равновесия: оно будет достигаться, если рыночным силам будет предоставлена возможность выполнять их регулирующие функции. Экономика сама приведет себя в состояние стабильного развития при приемлемом уровне безработицы, а ДП кейнсианского образца, по мнению Фридмана, не только не придает экономике стабильность, а, наоборот, усиливает дисбалансы и волатильность.

Поэтому Фридман категорически возражал против государственного интервенционизма, он выступал за ДП, основанную на простых, единообразных принципах. Он считал, что размер денежного предложения должен быть единственным ориентиром и инструментом ДП. Властям следует установить на длительную перспективу неизменный норматив прироста денежной массы и информировать о нем общество. В конечном счете это обеспечит стабильное увеличение национального дохода, т.е. экономический рост [2, с. 28].

Другим направлением критики кейнсианства стали упреки ему в одностороннем увлечении макроэкономическим подходом, невнимании к тому, как принимаются решения на микроуровне и

как влияет экономическая политика на поведение низовых хозяйственных агентов. Наиболее представителен в этом плане набор претензий к кейнсианству, сформулированных одним из создателей теории «рациональных ожиданий» Р. Лукасом («критика Лукаса»).

Тот утверждал, что люди способны понять, как текущая экономическая политика повлияет на экономические процессы в будущем, и они изменяют свое поведение так, чтобы максимизировать свою выгоду. А как это скажется на ситуации в экономике – предсказать невозможно, даже с использованием рафинированных эконометрических моделей. Но это означает, что нельзя и предвидеть, насколько эффективной в реальности окажется экономическая политика, чего от нее будет больше – вреда или пользы.

Лукас считал, что кейнсианская ДП не только не имеет микроэкономического обоснования, но она и строится на предпосылке о возможности обманывать общество. В реальности же рационально мыслящие субъекты экономики просчитывают последствия от изменений фискальной и монетарной политики государства, корректируют свои действия, а в результате макроэкономическая политика вообще не может как-либо повлиять на национальный доход и другие показатели реального сектора. Политика занижения процентных ставок поэтому заведомо не способна позитивно повлиять на темпы экономического роста¹ [2, с. 28–29].

Ф. Кидланд и Э. Прескотт обратили внимание на еще одно уязвимое место кейнсианства. Рекомендуемые им методы экономической политики могут быть эффективными, только если ожидания экономических агентов остаются одними и теми же и в момент принятия политических решений, и после их реализации. При этом сама политика на протяжении всего этого временного интервала должна быть оптимальной.

Но в реальности поведение людей рационально, оно меняется с развитием ситуации. А у властей нет достаточной внутренней мотивации для того, чтобы всегда выбирать наилучшие решения, поэтому люди вполне обоснованно не доверяют правительству. Все это приводит к тому, что на практике принимаются решения

¹ Lucas R. Econometric Policy Evaluation : A Critique // Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy. – 1976. – Vol. 1, N 1. – P. 19–46.

заведомо не лучшего качества, а ДП, как и любая экономическая политика, неустойчива: она изменчива с течением времени¹ [2, с. 29].

Авторитет кейнсианства был изрядно подорван возникшей в 1970-е годы в развитых экономиках стагфляцией – сочетанием кризисных сокращений ВВП с высокой инфляцией. В этом стали винить применявшиеся в послевоенный период кейнсианские рецепты экономической политики, в том числе и административное регулирование процентных ставок. В западных странах практически повсеместно парадигма экономической политики была смещена с кейнсианской на неоклассическую, это выразилось, в частности, и в либерализации процентных ставок.

Ради преодоления временной изменчивости ДП многие национальные ЦБ задействовали рекомендованный Фридманом принцип стабильного прироста денежного предложения. Однако по мере дерегулирования процентных ставок и появления инновационных финансовых продуктов изменения денежного мультипликатора и скорость обращения денег становились все менее предсказуемыми, это само по себе стало сказываться на качестве ДП.

Поэтому к концу 1980-х годов процесс установления индикаторов ДП национальными ЦБ снова стал подчиняться определенным правилам. При этом была задействована выведенная Дж. Тэйлором формула, согласно которой краткосрочная номинальная процентная ставка складывается как сумма долгосрочной реальной процентной ставки, темпа инфляции и темпа экономического роста². Иными словами, ЦБ должен устанавливать свои ставки исходя из текущей величины «разрыва ВВП» (т.е. отклонения его в ту или иную сторону от потенциально возможного) и отклонения реальной инфляции от ее целевого значения. С помощью изменения номинальных ставок ЦБ должен приводить реальные (т.е. скорректированные по темпу инфляции) процентные ставки к таким значениям, чтобы они не были ни стимулирующими, ни сдерживающими, а обеспечивали поддержание устойчивого

¹ Kydland F., Prescott E. Time to Build and Aggregate Fluctuations // *Econometrica*. – 1982. – Vol. 50, N 6. – P. 1345–1370.

² Taylor J. Discretion Versus Policy Rules in Practice // *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*. – 1993. – Vol. 39, N 1. – P. 195–214.

экономического роста при желаемом темпе инфляции [1, с. 39]. По мнению Ван Юя и Ли Хунцзиня, следование таким принципам ДП было одной из предпосылок для «Великого сглаживания» (Great moderation), наблюдавшегося в развитых экономиках с середины 1980-х до конца 2000-х годов, т.е. длительного сочетания сравнительно высоких темпов экономического роста и низкой инфляции [2, с. 30].

До сих пор речь шла об общих принципах оптимальной ДП. Что же касается собственно ее трансмиссионного механизма, то Кейнс считал, что изменения ДП оказывают воздействие на рыночные процентные ставки через сдвиги в предпочтениях публики по поводу композиции инвестиционных портфелей. Так, смягчение ДП, т.е. увеличение денежной массы, приводит к тому, что денежные остатки на руках у людей превышают объемы, которые те хотели бы держать, исходя из соображений предпочтения ликвидности. Поэтому люди желают поменять «лишние» деньги на облигации. Спрос на последние возрастает, а значит, увеличиваются цены на них, снижается их доходность, и это приводит к снижению процентных ставок на финансовых рынках в целом. И если норма процента становится меньше предельной отдачи на капитал, то начинают увеличиваться инвестиции в реальный сектор экономики, благодаря эффекту инвестиционного мультипликатора это приводит к расширению эффективного спроса и ускорению прироста ВВП [1, с. 34].

Однако Кейнс исследовал товарный и денежный рынки по отдельности, не описал динамические связи между ними. Этот недостаток был преодолен в модели ISLM (Investment – saving – liquidity – money), созданной Дж.Р. Хиксом и Э. Хансенom. Эта модель также внесла в кейнсову схему важные промежуточные звенья. Она уточнила, что изменения ДП непосредственно влияют на номинальные процентные ставки, а уже затем меняются реальные ставки (т.е. номинальные ставки за вычетом ожидаемой инфляции), и это определяет инвестиционные решения предприятий и параметры потребительского выбора, так как корректируется уровень издержек, связанных с мобилизацией внешнего финансирования.

Если говорить более конкретно, то рост процентных ставок приводит к увеличению издержек, связанных с инвестициями и

потреблением, эти составляющие совокупного спроса уменьшаются в объемах, а стало быть, сокращается и выпуск продукции. Снижение процентных ставок вызывает противоположный эффект, главным образом на стороне инвестиционного спроса [2, с. 179].

Классическое кейнсианство в описании трансмиссионного механизма ДП исходило, таким образом, из абстрактных представлений о процентных ставках. В свою очередь, некейнсианцы 1980-х годов акцентировали внимание на взаимодействии реальных процентных ставок и инфляционных ожиданий. При этом были отвергнуты идущие из традиционной микроэкономической теории представления о максимизации полезности индивидом и свободном установлении цен. По мнению некейнсианцев, инфляционные ожидания формируются в среде, где цены и зарплаты – это «жесткие» номинальные показатели, корректировка их рыночным механизмом затруднена, во всяком случае в краткосрочном периоде.

Но именно это свойство цен и позволяет ДП достигать нужного эффекта: изменения ДП не ведут к автоматической подстройке инфляционных ожиданий, так как те продолжают ориентироваться на относительную стабильность цен. Если же рыночные агенты быстро поймут, чем чревато смягчение ДП, то ожидания роста инфляции компенсируют стимулирующий эффект. Иначе говоря, реальные процентные ставки не снизятся вслед за увеличением денежного предложения, так как номинальные ставки вырастут из-за усиления инфляционных ожиданий.

Так что ДП может простимулировать увеличение выпуска в реальном секторе, только если властям удастся, используя «жесткость» цен, перехитрить рыночных агентов и те не будут ожидать резкого ускорения инфляции. Если же добиться такого «обманного» эффекта властям не удастся, то смягчение ДП не скажется на экономическом росте, а вызовет лишь сдвиг к новому равновесному уровню цен [2, с. 180].

Кейнс и его последователи описали, таким образом, действие *процентного канала* трансмиссии. Монетаристы и вообще неоклассики критиковали кейнсианский подход не только за установку на сознательный обман рыночных субъектов. Они настаивали и на том, что при исследовании процентного канала нужно исходить из

широкого набора активов, а не ограничиваться, как делал Кейнс, деньгами и долгосрочными гособлигациями.

Так, в альтернативной трактовке Дж. Тобина процентный канал действует следующим образом. Если ЦБ увеличивает денежное предложение и процентные ставки снижаются, то увеличиваются сравнительные цены неденежных активов (в том числе акций и других корпоративных ценных бумаг). В результате меняется чистая стоимость активов предприятий, увеличивается спрос на активы и уменьшается спрос на деньги, а это приводит к увеличению инвестиций в реальном секторе и ускорению экономического роста¹ [1, с. 36].

Но в целом, как отмечают Ван Юй и Ли Хунцзинь, трансмиссионный механизм ДП на протяжении нескольких десятилетий после Второй мировой войны оставался для экономической науки своего рода «черным ящиком». Исследователи обходили этот вопрос потому, что считалось: он в принципиальном плане уже разрешен кейнсианством и моделью ISLM [2, с. 178–179].

Начало нового этапа изучения денежной трансмиссии Сюй Линчао [1, с. 24] и Ван Юй и Ли Хунцзинь [2, с. 54–55, 182–183] связывают с возникновением в 1970-е годы нового направления в экономической теории – «информационной экономики». Дж. Стиглиц и его последователи отвергли традиционную предпосылку о том, что процентные ставки по кредитам обладают полной эластичностью, т.е. формируются в условиях совершенной конкуренции. Они учли, что в отношениях между кредиторами и заемщиками присутствует асимметрия информации: заемщик больше знает о возможностях реального использования кредита, чем банк, который этот кредит выдает. Мобилизация внешнего финансирования компаниями предполагает также наличие транзакционных издержек (издержек представительства и мониторинга).

Ввиду этих обстоятельств существует дискриминация (дифференциация) цен на финансовые ресурсы. А процесс их распределения банками не сводится просто к взаимодействию спроса на кредит и его предложения и установлению равновесных процентных ставок. Он включает в себя и мониторинг банков за платеже-

¹ Tobin J. A General Equilibrium Approach to Monetary Theory // Journal of Money, Credit and Banking. – 1969. – Vol. 1, N 1. – P. 15–29.

способностью предприятий-заемщиков, по результатам которого кредиты выделяются сугубо дозированно, далеко не всем фирмам, согласным на предлагаемые процентные ставки. Иными словами, имеет место квотирование (рационирование) кредита, на основе которого и складывается долгосрочное равновесие кредитного рынка. Процентные ставки по кредитам отличаются «жесткостью», они гораздо менее гибкие, чем ставки денежного рынка¹ [1, с. 24–25]. Соответственно и трансмиссия влияния ДП на реальный сектор происходит не через совершенно конкурентные рынки денег и капитала, а гораздо более сложным образом.

Исходя из наработок Дж. Стиглица и его учеников, Б. Бернанке и А. Блайндер изменили содержавшееся в модели ISLM допущение о полной взаимозаменяемости денег и ценных бумаг. Они подразделили активы на денежные остатки, долговые ценные бумаги и банковские кредиты, которые не являются субститутами по отношению друг к другу.

Вместо кривой IS, отражающей равновесие товарного рынка, в модель была введена кривая CC (Commodity – credit), показывающая состояние кредитного рынка. В результате Бернанке и Блайндер получили модель CCLM (Commodity – credit – liquidity – money), описывающую равновесие сразу трех рынков: товарного, денежного и кредитного. Из модели следует, что, меняя величину денежной массы, ЦБ вызывает сдвиг обеих кривых: и CC, и LM. Ослабление ДП может привести к сдвигу кривой LM вправо, что будет способствовать ускорению экономического роста, хотя процентные ставки по облигациям при этом вряд ли снизятся. А вот предложение кредита из-за смягчения ДП увеличится, т.е. кривая CC тоже сдвинется вправо, у предприятий появится больше возможностей получения внешнего финансирования² [1, с. 24–27].

Создав модель CCLM, Б. Бернанке и его коллеги заложили тем самым основу для изучения *кредитного канала* трансмиссии, альтернативного процентному. Если по процентному каналу шоки ДП транслируются в колебания спроса на финансовые ресурсы, то по кредитному каналу – в изменения на стороне их предложения.

¹ Stiglitz J., Weiss A. Credit Rationing in Markets with Imperfect Information // American Economic Review. – 1981. – Vol. 71, N 3. – P. 393–410.

² Bernanke B., Blinder A. Credit, Money, and Aggregate Demand // American Economic Review. – 1988. – Vol. 78, N 2. – P. 435–439.

Кредитный канал работает следующим образом. Инвестиции предприятия весьма чувствительны к изменениям величины его чистых активов и потоков ликвидности. Поэтому дифференциация цен на финансовые ресурсы напрямую влияет на инвестиционные решения компаний. Если ДП ужесточается и процентные ставки растут, то увеличиваются расходы заемщиков на обслуживание долгов, а чистая стоимость активов, используемых в качестве залогов по кредитам, уменьшается. Инвестиционные расходы предприятия (вложения в основной капитал) и фиксированные затраты (такие, как оплата труда работников и погашение процентов по долгам) в течение короткого периода времени скорректировать трудно. Поэтому при ужесточении ДП финансовое положение компаний-заемщиков ухудшается, издержки представительства (агентские издержки) при мобилизации внешнего финансирования растут; усиливаются и моральные риски, связанные с поведением заемщиков.

Как результат, банки просто становятся менее склонны выдавать новые кредиты даже по установленным ими самими процентным ставкам. Они закладывают более строгие требования к заемщикам в кредитные контракты, устанавливают количественные лимиты на финансирование компаний. А последствиями сокращения объемов кредитования становятся ослабление инвестиционного процесса и замедление экономического роста [2, с. 54–55].

Наоборот, чем лучше состояние баланса предприятия (т.е. чем выше стоимость его активов), тем охотнее его будут финансировать банки. Поэтому смягчение ДП, приводящее к общему хозяйственному оживлению и улучшению корпоративной отчетности, способствует и росту предложения кредита, а от этого экономический рост дополнительно ускоряется [1, с. 72].

Ван Юй и Ли Хунцзинь отмечают, что кредитный канал может влиять не только на условия кредитования, но и на выбор микроэкономическими агентами структуры финансирования (т.е. выбор между задействованием собственной прибыли, получением займов и эмиссией ценных бумаг). Поэтому он, вообще говоря, более значим с точки зрения воздействия на инвестиционные расходы предприятия, чем процентный канал, предполагающий просто изменения цены денег. Но если, скажем, ДП ужесточается, то одновременно и ограничивается доступ компаний к кредиту, и

растут цены на него. Так что кредитный и процентный каналы трансмиссии работают в тандеме. Они сосуществуют и дополняют друг друга [2, с. 186].

В обеих монографиях тестируется действие процентного и кредитного каналов применительно к современной экономике КНР. Книга Сюй Линчао была опубликована в то время, когда изменения процентных ставок по кредитам и депозитам еще регулировались НБК административно, тогда как ставки по многим другим финансовым инструментам (векселям, облигациям, кредитам межбанковского рынка) уже были либерализованы. Неоднородная структура процентных ставок, отмечал Сюй Линчао, сама по себе затрудняла действие процентного канала трансмиссии [1, с. 61–62].

Что же касается кредитного канала, то, с теоретической точки зрения, для его действия нужно выполнение трех условий: 1) «жесткость» цен; 2) предпочтение большей частью предприятий именно кредита как главного источника внешнего финансирования; 3) способность ЦБ контролировать предложение кредита банками [1, с. 27]. Очевидно, что все эти условия применительно к китайской экономике как раз соблюдаются – ввиду ее переходного, полурыночного характера; все еще значительной роли госсектора, в том числе в банковской системе; относительной неразвитости рынков ценных бумаг [1, с. 72–74].

Сюй Линчао предпринял микроэкономическое исследование, с тем чтобы выяснить, как в современной китайской экономике возмущения, вызванные сдвигами в ДП, сказываются на поведении банков и предприятий-заемщиков. На первом этапе исследования выявляется, как под влиянием шоков ДП происходит реструктуризация активов банков, т.е. изучается звено трансмиссии «ЦБ – коммерческие банки». Достигнут или нет намеченных целей предпринимаемые НБК меры – зависит от того, могут ли коммерческие банки сгладить воздействие изменений ДП.

Пусть, например, НБК ужесточает ДП, используя повышение НОР, процентных ставок и активизацию продаж гособлигаций на открытом рынке, и замораживает тем самым часть ликвидности, находящейся внутри банковской системы. Банки могут ответить на это увеличением своих пассивов, т.е. привлечением дополнительных вкладчиков, или продажей ценных бумаг из своих

портфелей. В результате способность банков выдавать кредиты может остаться на прежнем уровне вопреки желанию НБК.

Однако возможности поддерживать кредитование на такой основе ограничены размерами того буфера из портфелей ценных бумаг, который имеется у банков, и масштабами дополнительных сбережений, которые можно привлечь на депозиты. Когда эти ресурсы будут исчерпаны, то банкам придется обеспечивать баланс активов и пассивов урезанием кредита.

Но вероятен и другой вариант адаптации банков к ужесточению ДП: банки усилят рационализацию кредита для предприятий. Тем придется уменьшать объемы инвестиций и выпуска. Состояние корпоративных балансов ухудшится. А банки в ответ ужесточат требования к заемщикам, и сжатие кредита будет происходить уже по спиралевидной траектории.

Итак, если стоит задача денежного ужесточения, то как она решается – снижением спроса на кредит со стороны предприятий или сокращением собственно предложения кредита? [1, с. 224–225].

Для анализа взаимовлияния показателей банковских балансов, с одной стороны, и ДП – с другой, Сюй Линчао задействовал модель векторной авторегрессии. Были использованы данные по 14 банкам, прошедшим процедуры акционирования и вывода на биржи до 2009 г. В их числе три «государственных коммерческих банка» (Промышленно-торговый банк Китая, Строительный банк Китая, Банк Китая), три «городских коммерческих банка» (Банк Пекина, Банк Нанкина и Банк Нинбо) и восемь акционерных банков (Банк коммуникаций, «Чжаошан», Банк Пудуна, «Чжунсинь», «Миньшэн», «Синъя», «Хуася», Шэньчжэньский банк развития).

Рассматривался период с четвертого квартала 2006 г. по четвертый квартал 2010 г. Были задействованы данные из корпоративных отчетов этих банков об остатках средств на депозитах, о суммах выданных клиентам кредитов и об инвестициях банков в ценные бумаги (за исключением акций) на конец рассматриваемого периода. В качестве переменных ДП использовались денежный агрегат М1 и НОР [1, с. 227, 231–232].

Расчеты показали, что китайские банки реагируют на ужесточение ДП прежде всего распродажами портфелей ценных бумаг, т.е. они урезают свои инвестиции ради того, чтобы поддержи-

вать объемы кредитования. Однако возможности для такого рода адаптации быстро исчерпываются, поскольку инвестиционные портфели у части банков относительно невелики. Так что ограничительная ДП действительно приводит к замедлению прироста кредитования. Что же касается того метода реструктуризации баланса, который предположительно должен был быть основным (т.е. увеличения средств на депозитах), то его банки используют sporadически, и он не позволяет компенсировать эффект ужесточения ДП [1, с. 232–241].

На втором этапе Сюй Линчао исследует, как кредитные шоки сказываются на финансовом положении промышленных предприятий и их инвестиционной активности. Иначе говоря, изучается звено трансмиссии «банки – предприятия». Здесь-то и проявляется действие как процентного, так и кредитного каналов трансмиссии.

По идее, если ДП ужесточается, то издержки мобилизации финансирования растут, а потоки ликвидности в пользу предприятий усыхают. Предприятия реагируют на это сокращением капиталовложений и распродажей запасов, а их спрос на кредит приходит в угнетенное состояние. Ввиду асимметрии информации банки становятся более разборчивыми в выделении кредитов. Растут транзакционные издержки. Причем в динамике эти проблемы усиливаются, что находит выражение в росте номинальных процентных ставок. Соответственно происходит относительное обесценение активов, которые могут выступать в качестве залогов по кредитам, а из-за этого издержки мобилизации финансирования еще больше увеличиваются.

В ответ на эти трудности предприятия сокращают заимствования, а в результате происходит уменьшение инвестиций и выпуска продукции. Ситуация с потоками ликвидности еще больше ухудшается, и процесс повторяется заново, но с большей интенсивностью (т.е. ухудшение корпоративных балансов будет еще более выраженным).

Для эконометрического описания этих процессов Сюй Линчао тоже задействовал векторную авторегрессию. Финансовое положение предприятий в ней характеризуется с помощью следующих показателей: темп прироста выручки от реализации, рентабельность, отношение задолженности к активам, темпы прироста капи-

таловложений в основные фонды и запасов. Информация была взята из базы данных НБК о 5000 выборочно взятых предприятий.

Кредитные шоки описываются темпами прироста отдельных видов кредитования: кратко-, долгосрочных и «прочих» кредитов (к последним относятся услуги финансового лизинга, эмиссия векселей, кредиты структур доверительного управления активами, товарные кредиты). Цену кредита отражают данные об изменениях устанавливавшихся НБК до 2013 г. интервалах, в которых могли варьироваться процентные ставки. Рассматривается период с первого квартала 2000 г. до четвертого квартала 2010 г. [1, с. 247].

Имитация шоковых изменений отдельных составляющих кредитования и индикативных ставок по кредитам выявила, что при ужесточении ДП быстрее всего на финансовых потоках предприятий сказывается ограничение краткосрочного кредитования. Оно практически сразу же приводит к замедлению прироста выручки от продаж и снижению рентабельности. Предприятия реагируют на это распродажей товарных запасов. Правда, они какое-то время могут продолжать наращивать капиталовложения в основные фонды за счет средств владельцев и долгосрочных кредитов. Но со временем уменьшение выручки и рентабельности приводит и к сокращению инвестиций.

Ужесточение доступа к долгосрочным кредитам очень мало сказывается на доходах предприятий от реализации продукции. Рентабельность и соотношение активов и задолженности при этом сначала растут, а затем снижаются. Вероятно, так происходит потому, что эти показатели могут еще какое-то время расти благодаря отдаче от начатых еще до ужесточения ДП инвестиций в основные фонды. Но рост прекращается по мере того, как уже начатые проекты завершаются, а новых не начинается. Ограничения притока на предприятия долгосрочных кредитов приводят также к распродажам запасов.

Если меньше становится «прочих» кредитов, то выручка и рост запасов от этого поначалу не страдают. Видимо, это так потому, что «прочие» кредиты обычно не используются для пополнения оборотного капитала, т.е. на поддержание текущей деятельности предприятий. Но зато из-за усыхания «прочих» кредитов снижается рентабельность и резко замедляется прирост инвестиций в основные фонды [1, с. 247–252].

Наконец, на третьем этапе Сюй Линчао исследует, как именно банки принимают решения о кредитовании предприятий, т.е. как формируется предложение кредита. Он отмечает, что готовность выдавать кредиты зависит не только от структуры банковских активов, но еще и от целого ряда факторов, которые можно поделить на три категории.

Во-первых, это переменные, которые характеризуют ситуацию собственно в банках, в их числе:

- 1) темп прироста сбережений на депозитах;
- 2) темп прироста инвестиций банка в ценные бумаги, такие инвестиции вместе с обязательными резервами банка в ЦБ гарантируют ликвидность банка;
- 3) чистая стоимость активов банка, она тоже определяет способность банка к кредитованию;
- 4) соотношение чистых и совокупных активов банка, которое показывает, насколько банк соответствует требованиям регуляторов о достаточности капитала;
- 5) соотношение сумм на сберегательных депозитах и объемов кредитования; чем оно выше, тем больше у банка возможностей выдавать новые кредиты.

Во-вторых, это макроэкономические переменные, среди них:

- 1) доля «плохих долгов» (ПД) в совокупных активах банковской системы, она характеризует уровень рисков;
- 2) НОР (чем она выше, тем больше средств банков отвлекается от выдачи кредитов);
- 3) средний уровень маржи на кредитном рынке, который характеризует рентабельность кредитно-депозитной деятельности банков и их склонность к риску;
- 4) индекс доверия среди банков, который суммирует их ожидания по поводу экономической ситуации;
- 5) темп прироста реального ВВП. Вообще-то, чем он выше, тем более банки склонны наращивать кредитную эмиссию. Но тем не менее воздействие его на кредитование неопределенное – из-за возможных колебаний обоих показателей по экзогенным причинам;
- 6) индекс потребительских цен (ИПЦ). Обычно чем больше выдается кредитов, тем больше спрос на товары, а от этого быстрее растут цены. Но если кредиты идут в основном на инвестиционные цели, то производство потребительских товаров от этого

увеличивается, что сдерживает инфляцию. Так что и здесь связь с объемом кредитования неопределенная;

7) темп прироста денежного предложения. Его увеличение само по себе говорит о большей доступности кредита.

В-третьих, это микроэкономические показатели предприятий, в том числе:

1) индекс доверия среди промышленников, который описывает их ожидания по поводу хозяйственной конъюнктуры и, соответственно, их желание / нежелание брать кредиты;

2) темп прироста выручки от продаж, который косвенно характеризует состояние спроса предприятий на кредит;

3) соотношение задолженности и активов предприятий, оно описывает их способность возвращать кредиты;

4) рыночные процентные ставки по кредитам [1, с. 253–256].

Сюй Линчао разработал регрессионную модель, в которой объясняемой переменной является квартальный прирост объема привлеченных предприятиями кредитов, а объясняющими – синтетические показатели, вбирающие в себя указанные выше банковские, макро- и микроэкономические переменные.

В расчетах были использованы данные по тем же 14 банкам, прошедшим биржевой листинг до 2009 г. Всекитайская комиссия по банковскому регулированию публикует статистику ПД только по «государственным коммерческим банкам» и акционерным банкам, но не по «городским коммерческим банкам». Однако тенденции изменения операционных показателей последних очень близки к трендам, свойственным акционерным банкам. Поэтому для Банка Пекина, Банка Нинбо и Банка Нанкина были использованы соответствующие показатели по акционерным банкам. Данные по макроэкономике были взяты из соответствующих ежегодников, а по предприятиям – из базы данных НБК о 5000 специально отобранных предприятий. Рассматривался период с первого квартала 2007 г. по четвертый квартал 2010 г. [1, с. 257].

По результатам расчетов было выявлено, что между приростом сбережений на депозитах, чистой стоимостью активов, соотношением чистых и совокупных активов, соотношением сбережений на депозитных счетах и объема выданных кредитов, с одной стороны, и приростом кредитной эмиссии – с другой, существует позитивная корреляция. А между приростом инвестиций банка в

ценные бумаги и приростом объема кредитования корреляция негативная.

Среди вышеуказанных макроэкономических переменных с приростом объема кредитования позитивно коррелируют индекс доверия в банковской среде и прирост денежного предложения. Между долей ПД и величиной НОР, с одной стороны, и приростом кредитования – с другой, корреляция тоже позитивная. Отсюда следует, что накопление ПД отнюдь не является ограничителем кредитной эмиссии банков, и это вполне соответствует эмпирической реальности: выдача новых кредитов способствует «размыванию» доли ПД.

Получается, что НОР на деле не выполняет регулирующую функцию по отношению к приросту кредитования. Объясняется это, с одной стороны, тем, что китайские банки склонны поддерживать избыточные резервы, и даже если НОР повышается, у них все равно остается достаточно средств для того, чтобы наращивать кредитование клиентов. А с другой стороны, банки могут ответить на увеличение НОР реструктуризацией своих балансов: продать часть ценных бумаг из своих инвестиционных портфелей и продолжить с помощью вырученных средств обслуживание заемщиков.

Между величиной банковской маржи и приростом кредитования корреляция отрицательная. Это говорит о том, что разница процентных ставок по кредитам и депозитам не является для банков важным фактором, который они принимали бы во внимание, определяя объемы кредитной эмиссии. Наоборот, в условиях достаточно острой конкуренции банки склонны жертвовать частью маржи для того, чтобы увеличить объем кредитования и захватить тем самым дополнительную долю рынка.

Негативная корреляция наблюдается также между приростом кредитования, с одной стороны, и темпом экономического роста и динамикой ИПЦ – с другой. Но она превращается в позитивную с временным лагом в два квартала. Это как раз и показывает, что прирост кредитования с интервалом примерно в полгода начинает влиять на макроэкономическую ситуацию.

Из микроэкономических показателей реального сектора позитивную корреляцию с приростом кредитования поддерживает прирост доходов от продаж. А вот изменения таких показателей, как индекс доверия среди промышленников, соотношение задол-

женности и активов, рыночные процентные ставки по кредитам, оказывают на прирост кредитования угнетающее воздействие.

Дело тут, видимо, в том, что динамика индекса доверия не может повлиять на решения банков о выделении кредитов напрямую. Промышленники быстрее, чем банкиры, чувствуют изменения конъюнктуры в реальном секторе, но соответствующие сигналы транслируются в банковскую систему только с определенным временным лагом. А если при этом предприятия на волне позитивных ожиданий увеличивают спрос на кредит, то банки скорее всего будут склонны относиться к этому осторожно, тщательно контролируя риски.

В свою очередь, к изменениям процентных ставок предприятия очень чувствительны. И в случае, если банк хочет нарастить объем кредитования, предприятия будут очень внимательны к уровню процента, он может отвлечь их от заимствований. А рост соотношения задолженности предприятий и их активов тем более побуждает банки к ограничению кредитования. В итоге можно сказать, что у обеих групп субъектов есть свои ограничители; банки и предприятия не могут контролировать факторы, влияющие на решения другой стороны потенциального кредитного соглашения.

Значимой корреляции между рентабельностью предприятий и приростом кредитования расчеты не выявили, т.е. этот показатель деятельности предприятий для банков маловажен [1, с. 259–262].

Сюй Линчао разработал еще одну регрессионную модель, в которой взаимосвязи тех же самых переменных были прослежены применительно к трем категориям банков: «государственным коммерческим», «городским коммерческим» и акционерным. Но в данном случае удалось лишь выяснить, что во всех категориях банков росту объемов кредитования способствуют увеличение соотношения средств на депозитах в банках и выданных ими кредитов, а также прирост сбережений на депозитах. Это если говорить о банковских показателях.

Из макроэкономических переменных приросту кредитования способствуют увеличение индекса доверия среди банкиров и ускорение прироста денежной массы. Что же касается остальных макро- и микроэкономических показателей, то их корреляция с объемом кредитования имеет разную направленность у разных категорий

банков, или же она вообще неопределенная, ибо статистически значимых результатов расчеты не дали.

Это говорит о том, что отдельные категории банков руководствуются разными мотивами при решении вопросов о выдаче кредитов. Но напрашивается и более глобальный вывод. Отсутствие единообразных для всех групп банков микроэкономических критериев, которые использовались бы в качестве базовой информации при решении этих вопросов, свидетельствует о том, что параметры кредитной эмиссии в Китае вообще определяются преимущественно стратегией поведения самих банков, а не спросом на кредит со стороны предприятий [1, с. 262]. А значит, трансмиссия влияния ДП в Китае происходит в основном через изменения предложения кредита, т.е. через кредитный канал, а процентный канал существует «в комплекте» с кредитным, резюмировал Сюй Линчао [1, с. 267].

В свою очередь, Ван Юй и Ли Хунцзинь констатировали, что эмпирическая проверка действия обоих каналов в китайской экономике сталкивается с информационными трудностями. Функционирование кредитного канала специалисты вынуждены тестировать, используя данные о совокупном банковском кредитовании, а процентного канала – с помощью данных об устанавливаемых НБК рекомендательных (индикативных) процентных ставках, и с этим связано много аналитических проблем.

Использование данных о совокупном кредитовании для выяснения, действует ли кредитный канал, вообще неадекватно. Ведь если ограничительная ДП приводит одновременно к сокращению и пассивов банков (средств на депозитах), и их активов (кредитов и портфелей ценных бумаг), то очень трудно сказать, как именно передалось сдерживающее влияние ДП в реальный сектор – по процентному каналу или по кредитному.

Кроме того, в Китае долгое время практиковалось административное регулирование спреда процентных ставок по кредитам и депозитам, а потому рыночные ставки и те ставки, которые реально влияли на состояние потребительского и инвестиционного спроса, – это было совсем не одно и то же. Но, по мнению Ван Юя и Ли Хунцзиня, из самого факта, что рыночные механизмы формирования процентных ставок в китайской экономике еще только складываются, нельзя делать вывод о том, что процентный канал в

Китае совсем отсутствует. Он функционировал и при частично либерализованных ставках, и вообще кредитный и процентный каналы не существуют друг без друга [2, с. 186–187].

Ван Юй и Ли Хунцзинь писали свою книгу уже после того, как в 2013 г. произошла либерализация процентных ставок по кредитам, а в 2015 г. были «отпущены» и ставки по депозитам. Так что авторы могли задействовать в своем исследовании трансмиссионного механизма ДП собственно данные о рыночных процентных ставках и оценить с их помощью, насколько в действительности важен сейчас для китайской экономики процентный канал.

Они построили регрессионную модель, в которую в качестве объясняемых переменных, на которые предположительно воздействует ДП, включены прирост капиталовложений в основные фонды и прирост добавленной стоимости в промышленности. Объясняющими переменными выступают:

- прирост денежного агрегата M2, который характеризует количественное воздействие ДП на денежное предложение;
- номинальные процентные ставки денежного рынка (овернайтные ставки SHIBOR межбанковского рынка).

Использованы данные за время с января 2007 г. по декабрь 2015 г. [2, с. 193–194]. Авторы исходили из той предпосылки, что в длительном периоде между ставками по краткосрочным и долгосрочным кредитам существует равновесие, а стало быть, ставки денежного рынка характеризуют общие тенденции.

Равновесие обеспечивается следующим образом. Если инвесторы считают, что действующие на сегодня процентные ставки слишком высокие и они долго не удержатся, а в будущем ставки по краткосрочным обязательствам станут ниже, то они будут скупать долговые инструменты с длительными сроками погашения. Тогда цены на долгосрочные облигации и другие ценные бумаги с фиксированным доходом вырастут, а доходность по ним снизится. А распродавая краткосрочные финансовые инструменты, инвесторы поспособствуют снижению цен на них и увеличению их доходности. В целом, кривая доходности устремится вниз.

Если же инвесторы ожидают роста процентных ставок, то они скупают краткосрочные финансовые инструменты, что увеличивает цены на них и снижает доходность. А долгосрочные инструменты инвесторы будут продавать, что приведет к росту до-

ходности по таким инструментам. Кривая доходности будет стремиться вверх [2, с. 193–194, 200–201].

В расчетах авторы прежде всего уточнили характер связи между самими объясняющими переменными: денежной массой и процентными ставками. Выяснилось, что между ними существует выраженная обратная зависимость, т.е. прирост агрегата M2 приводит к снижению процентных ставок, значит, ДП действительно может влиять на уровень рыночных ставок.

Обнаружилось также, что ускорение прироста денежной массы вызывает прирост инвестиций, а рост процентных ставок, наоборот, ведет к замедлению инвестиционного процесса. В свою очередь, между приростом инвестиций и приростом добавленной стоимости в промышленности корреляция отчетливо позитивная. Все эти взаимосвязи вроде бы банальны, но во всяком случае их наличие как раз и доказывает, что процентный канал трансмиссии в китайской экономике реально действует [2, с. 195–196].

Авторы оценили также эффективность действия этого канала. Теоретически для его успешного функционирования нужно соблюдение двух условий:

1) воздействуя на ставки денежного рынка (т.е. ставки по краткосрочным кредитам), ЦБ может оказывать влияние и на ставки по долгосрочным кредитам и кривую доходности на денежном рынке;

2) коммерческие банки устанавливают свои процентные ставки по депозитам и кредитам, исходя из ценовых сигналов, формирующихся на денежном рынке [2, с. 199–200].

В еще одной регрессии, построенной авторами, в качестве объясняемых переменных выступают ставки по долгосрочным кредитам, а в качестве объясняющих – не только ставки по овернайтным кредитам, но и ставки дисконтирования по краткосрочным векселям. Последние задействованы потому, что надежной, официальной статистики ставок денежного рынка в КНР до сих пор нет, а дисконты по векселям по природе своей очень близки к ставкам по краткосрочным кредитам. Итак, проверяется, есть ли между объясняемыми и объясняющими переменными равновесное соотношение. Используются данные за период с первого квартала 2009 г. по четвертый квартал 2015 г. [2, с. 204].

Расчеты подтвердили, что такое долгосрочное равновесное соотношение в китайской экономике действительно существует, а значит, механизм трансмиссии сигналов от ставок по краткосрочным кредитам (ставок денежного рынка) к ставкам по долгосрочным кредитам реально действует.

Анализ взаимовлияния этих показателей в случае шокового изменения одного из них показал, что при изменении ставок денежного рынка в том же направлении движутся и дисконты по векселям и ставки по долгосрочным кредитам. А вот обратное влияние ставок по векселям и по долгосрочным кредитам на ставки денежного рынка несущественно. Тем самым подтвердилось, что трансмиссия сигналов ДП идет как раз от ставок денежного рынка к ставкам по кредитам, устанавливаемым банками, а не наоборот.

В свою очередь, дисконты по векселям оказывают достаточно сильное влияние на ставки по долгосрочным кредитам, а обратным влиянием статистически можно пренебречь. Это тоже доказывает, что ставки по таким краткосрочным инструментам, как векселя, через процентный канал трансмиссии оказывают воздействие на ставки по долгосрочным кредитам [2, с. 206–208].

В более конкретном плане механизм трансмиссии выглядит следующим образом. Краткосрочные (овернайтные) ставки SHIBOR межбанковского рынка влияют на долгосрочные ставки SHIBOR. Те, в свою очередь, принимаются во внимание банками при установлении процентов по кредитам на соответствующие длительные сроки, а уже влияние этих ставок ощущает на себе реальный сектор.

НБК, действуя с помощью операций на открытом рынке, т.е. купли / продажи гособлигаций, на овернайтные ставки денежного рынка, может способствовать приближению рыночных процентных ставок по кредитам на самые разные сроки к желаемым уровням и тем самым обеспечить реализацию целей ДП (стимулирование экономического роста, контроль над инфляцией и т.д.). Так что процентный канал в китайской экономике не просто действует, а его значение усиливается по мере дерегулирования процентных ставок [2, с. 213–214, 219].

Авторы попытались также компенсировать недостатки тех исследований китайских экономистов, где кредитный канал трансмиссии изучается с помощью обработки данных о совокуп-

ном кредитовании. Ван Юй и Ли Хунцзинь исходят из того, что если ДП ужесточается и предложение банковского кредита сжимается, то предприятия-заемщики скорее всего попытаются привлечь заемное финансирование из каких-то других источников.

А. Кашьяп, Дж. Стейн и Д. Уилкокс показали в свое время на американских материалах, что такой механизм замены действительно существует. В той фазе делового цикла, когда ужесточается ДП, компании сокращают спрос на кредиты и задействуют инструменты краткосрочного финансирования, такие как коммерческие векселя. Напротив, в фазе циклического подъема экономики в структуре корпоративного финансирования увеличивается удельный вес средне- и долгосрочных кредитов, используемых на инвестиционные цели¹.

Принимая во внимание наработки А. Кашьяпа и его коллег, Ван Юй и Ли Хунцзинь выясняют, как изменения ДП в Китае отражаются на динамике доли кредитов в совокупном объеме краткосрочного финансирования (оно состоит из кредитов, краткосрочных облигационных заимствований и чистых требований по векселям промышленных предприятий).

После 2007 г. в Китае дважды происходили существенные, длительные ужесточения ДП: в 2007–2008 и 2010–2012 гг. Даже простой фактологический анализ авторов выявил, что в эти периоды доля кредитов в структуре краткосрочного финансирования заметно снижалась. А когда в ответ на мировой финансовый кризис в конце 2008 – начале 2009 г. ДП смягчилась, то доля кредитов в краткосрочном финансировании выросла. Тем самым подтверждается, что кредитный канал трансмиссии в китайской экономике действительно функционирует. Конкретные детали его работы Ван Юй и Ли Хунцзинь изучили с помощью эконометрической модели.

Объясняемой переменной в ней является доля кредитов в совокупном краткосрочном финансировании, а в качестве объясняющих переменных, характеризующих ДП, выступают НОР по сберегательным депозитам в крупных банках и реальная процентная ставка по overnight-кредитам денежного рынка. Увеличение значений этих показателей знаменует собой ужесточение ДП. За

¹ Kashyap A., Stein J., Wilcox D. Monetary Policy and Credit Conditions: Evidence from the Composition of External Finance // American Economic Review. – 1993. – Vol. 83, N 1. – P. 78–98.

период до 2007 г. в качестве информации о ставках по овернайт-ным кредитам авторы использовали ставки по возвратным репо (кредитам, обеспеченным залогом ценных бумаг), а за период после 2007 г. ими были использованы данные о ставках SHIBOR.

В модель была включена и контрольная переменная – прирост добавленной стоимости в промышленности. Исследовался период с мая 2005 г. по декабрь 2015 г. [2, с. 226].

Расчеты показали, что между долей кредитов в совокупном внешнем краткосрочном финансировании, с одной стороны, и ужесточениями ДП – с другой, действительно существует негативная корреляция. Она проявляется с временным лагом в один–четыре квартала.

Иначе говоря, если НБК поднимает НОР или с помощью операций на открытом рынке оказывает влияние на ставки денежного рынка в пользу их повышения, то предприятия переориентируются на эмиссию краткосрочных облигаций и векселей, а доля кредитов в структуре привлекаемого ими краткосрочного финансирования идет на убыль.

Причем ограничения на стороне предложения кредита не могут не приводить и к росту цен на него. Процентные ставки по банковским кредитам будут тогда расти быстрее, чем ставки по другим финансовым инструментам, т.е. усилится дифференциация цен на финансовые ресурсы [2, с. 228–233].

Б. Бернанке и А. Блайндер сформулировали в свое время два условия эффективной работы кредитного канала трансмиссии.

Во-первых, это выполнение кредитом особой функции, которая заключается в том, что в условиях неполноты информации банки с помощью своих знаний и технологий ранжируют заемщиков по степени рискованности и удовлетворяют их спрос на кредит. Для этих заемщиков другие источники финансирования не являются совершенными субститутами (заменителями) банковского кредитования, иначе предприятия удовлетворяли бы свой спрос на финансирование за счет небанковских источников.

Во-вторых, это способность ДП влиять на поведение банков, на их склонность выдавать кредиты. Это условие будет соблюдаться, если в структуре банковских активов кредиты и ценные бумаги не являются абсолютно взаимозаменяемыми. В противном случае банки в ответ на давление со стороны монетарных властей,

требующих от них активизировать кредитование, просто изменят структуру своих активов (заменяют кредиты на инвестиции в ценные бумаги) [2, с. 185].

Результаты расчетов, полученные Ван Юем и Ли Хунцзинем, говорят за то, что второе условие в китайской экономике вполне соблюдается. Банки не могут нейтрализовать последствия шоков ДП простым изменением структуры своих активов, а значит, ДП может эффективно воздействовать на поведение банков.

Что же касается первого условия (неполной взаимозаменяемости банковских кредитов и долговых ценных бумаг для предприятий реального сектора), то его актуальность для китайской экономики Ван Юй и Ли Хунцзинь проверили с помощью отдельной регрессии. В ней изучается взаимосвязь между динамикой процентных ставок по одногодичным кредитам и приростом капиталовложений в основные фонды предприятий. Были использованы данные за время с октября 2006 г. по декабрь 2008 г. [2, с. 235].

Расчеты выявили существенную негативную корреляцию между этими показателями, т.е. увеличение цены кредита оказывает угнетающее воздействие на инвестиции. А введение в модель параметров структуры финансирования и его издержек позволило описать эту зависимость более точно. Выяснилось, что в случае ужесточения ДП рост процентных ставок по кредитам происходит медленнее, чем по другим финансовым инструментам.

Причина, очевидно, заключается в том, что и после либерализации процентных ставок по кредитам, произошедшей еще в 2013 г., НБК продолжает информировать банки о своих предпочтениях с помощью индикативных, формально не обязательных ориентиров установления ставок. А многие банки продолжают отталкиваться в своей ценовой политике от таких рекомендаций ЦБ. Но индикативные ставки НБК недостаточно эластичны, они не в полной мере отражают реальные издержки мобилизации финансирования. Косвенно это свидетельствует о том, что имеет место рационирование кредита.

В то же время на рынках долговых ценных бумаг формирование процентных ставок уже достаточно гибкое. Поэтому если ДП ужесточается, т.е. ставки по кредитам растут, то вслед за ними растут и ставки по долговым ценным бумагам. Но предприятия все равно предпочитают брать кредиты, а не эмитировать ценные бу-

маги. Теоретически такого не должно быть, но если так происходит, то это свидетельствует о наличии количественных ограничений на кредитование. И во всяком случае это говорит о том, что первое условие эффективности кредитного канала тоже выполняется.

Фундаментальная причина рационирования кредита – это асимметрия информации в отношениях между кредиторами и заемщиками, она является также и причиной существования кредитного канала трансмиссии. По идее, со временем, по мере развития конкурентного финансового рынка, совершенствования информационного обмена, ослабления роли государства в экономике значение кредитного канала тоже должно уменьшиться. И напротив, роль процентных ставок как цен на капитальные ресурсы будет становиться все более существенной, китайская ДП будет переориентироваться с использования преимущественно количественных методов регулирования денежного предложения на задействование ценовых регуляторов, а стало быть, будет становиться все более важным процентный канал трансмиссии [2, с. 236, 240–243].

Список литературы

1. Сюй Линчао. Исследование кредитных циклов в Китае = Чжунго синьдай чжоуци бодун яньцзю. – Бэйцзин : Чжунго цзиньжун чубаньшэ, 2012. – 308 с. – Кит. яз.
2. Ван Юй, Ли Хунцин. Либерализация процентных ставок в условиях переходной экономики = Цзинци чжуаньсин чжун дэ лилюй шичанхуа гайгэ. – Бэйцзин : Шаньу иньшугуань, 2019. – 338 с. – Кит. яз.

АГАФОНОВА Я.В.* ОТНОШЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ОБЩЕСТВА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ К ГМО.

Аннотация. Республика Корея – страна с высокой степенью зависимости импорта зерновых культур, особенно таких, как кукуруза, рапс и соя. Основными поставщиками Кореи выступают США, Канада и Аргентина, где наиболее распространено выращивание сельскохозяйственных культур с использованием технологии генетической модификации. В частности, Соединённые Штаты являются основными обладателями патента по применению технологии ГМО при выращивании сельскохозяйственных культур. Уровень самообеспечения кукурузой и соей в Корее составляют крайне низкие показатели, несмотря на их огромную популярность при производстве продуктов местного происхождения. По этой причине южнокорейские власти вынуждены импортировать такие виды зерновых. Однако, согласно исследованиям, гражданское население негативно относится к факту потребления ГМО. В статье рассматриваются основные предубеждения южнокорейских граждан по поводу ГМО-продуктов и отношения властей к данной проблематике, а также основные мероприятия по устранению существующих недовольств.

Ключевые слова: Республика Корея; ГМО; Мун Чжэ Ин; Юн Сок Ёль; маркировка ГМО-продуктов.

AGAFONOVA Ya.V. The attitude of the government and society to GMO in the Republic of Korea.

Abstract. The Republic of Korea is highly dependent on imports of grain, especially corn, rapeseed and soybeans. The main suppliers of

* Агафонова Яна Вадимовна – старший редактор Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН.

Korea are the USA, Canada and Argentina, where the cultivation of agricultural crops is based on genetically modifying technology. In particular, the United States is the main holder of a patent on the use of GMO – technology in agricultural sphere. The level of self – sufficiency in corn and soybeans in Korea is extremely low, despite their huge popularity in the production of local products. For this reason, the South Korean authorities are forced to import such types of grain. However, according to research, the civilian population has a negative attitude to GMO – consumption. The article examines the main prejudices of South Korean citizens towards GM – products and the attitude of the authorities to this problem, as well as the main measures to eliminate existing discontent.

Keywords: Republic of Korea, GMO, Moon Jae-in; Yoon Suk-yeol; GMO-labelling system.

Для цитирования: Агафонова Я.В. Отношение правительства и общества Республики Корея к ГМО // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 4. – С. 149–161. DOI: 10.31249/rva/2022.04.08

Продукты с генномодифицированными организмами прочно закрепились в жизни людей и активно употребляются в пищу. Среди очевидных достоинств такого типа продукции можно отметить следующее: повышенная урожайность (что позволяет бороться с голодом во многих бедных странах), долгий срок хранения, экономное использование сельскохозяйственных угодий, разрешение экологических проблем и многое другое. Несмотря на очевидные «плюсы» существуют навешанные мифы об их пагубном влиянии, такие как бесплодие, развитие мутаций, развитие онкологических заболеваний, которые научно никак не доказаны на сегодняшний день. Гражданское общество во многих странах с недовольством относится к тенденции распространения ГМО-продуктов, исключением не стала и Республика Корея.

Констатируется, что в государстве преобладает высокий уровень антипатии к генетически модифицированным продуктам, население считает их опасными для здоровья. По состоянию на 2017 г. 67,6% респондентов считают, что ГМО «небезопасно» [1].

Репортёр – специалист по аграрным вопросам Чон Хёк Хун провел исследование, задавая корейцам вопрос: «Едите ли вы ГМО-продукты?», на который обычные потребители поголовно отвечали: «Нет, я не ем». Основной причиной такой негативной реакции становился объяснение – «Они не проверены на безопасность» [1].

Основываясь на нескольких исследованиях, констатируется, что отрицательное отношение южнокорейского общества к потреблению ГМО сводится к двум основным проблемам:

1. Недоверие к научным кругам и их оценкам, так как они спонсируются правительством;

2. Малая осведомленность о продукции с генномодифицированными элементами.

Чон Хёк Хун подтверждает тот факт, что жители страны совсем не заинтересованы в ситуации вокруг ГМО ввиду недостаточной осведомленности. Касательно фактора негативного восприятия среди корейцев и их относительной неправоты он приводит следующие аргументы [1].

1. Примерно 95% импортируемых продуктов (основные страны-поставщики: Соединённые Штаты, Канада, Аргентина), таких как соя и кукуруза, для использования в пище и кормах, содержат ГМО. Например, кукуруза в основном используется для прикормки скота, бобовые культуры в свою очередь – для производства масла. Поэтому непосредственно или косвенно, но население употребляет ГМО-продукцию при использовании мясных изделий или блюд с растительным маслом;

2. Относительно вопроса о безопасности, согласно законодательным актам Южной Кореи, вся продукция проходит строгую оценку качества, проверяется пятью министерствами по отдельности – Министерством промышленности, торговли и энергетики, Министерством сельского хозяйства, продовольствия и сельскохозяйственных районов (Департамент управления развитием сельских районов), Министерством здравоохранения и социального обеспечения (Центр по борьбе и предотвращению заболеваний), Министерством окружающей среды (Национальный институт экологии), Министерством по морским делам и рыболовству (Национальный институт рыбохозяйственных исследований и разработок). По 20 специалистов от каждого учреждения собираются и

проводят оценку качества ГМО, их влияния на здоровье и окружающую среду [3; 9].

Как отмечает эксперт, несмотря на возросшую роль генномодифицированных продуктов и их использование на каждодневной основе, обычные жители мало осведомлены об их пользе. Среди основных причин специалист Чон выделяет нежелание правительства, правительственных кругов и бизнес-кругов публично обсуждать данную проблему, так как при относительно небольшом выражении поддержки в пользу ГМО они сталкиваются с критикой со стороны гражданских групп, неправительственных организаций (НПО) и предприятий по производству органической сельскохозяйственной продукции.

Одним из основных факторов недоверия жителей к действиям правительства и их поддержки ГМО можно привести инцидент 2012 г. На тот период примерно 90% жителей Республики Корея потребовали от правительства урегулирования процессов, связанных с поставками ГМО, на уровне стандартов, принятых в развитых странах [13]. Однако вместо этого, будучи одной из крупнейших стран – импортеров генетически модифицированных продуктов, в Южной Корее правительство освободило некоторые компании от уплаты таможенных пошлин [13].

Нежелание воспринимать требования со стороны высокопоставленных лиц вызвало недовольство и недоверие среди граждан. Из-за послаблений в проверках южнокорейцы стали больше беспокоиться о своем здоровье.

Правительство Мун Чжэ Ина (2017–2022)

Во время предвыборной гонки 2017 г. бывший президент Мун Чжэ Ин выступил в пользу необходимости укрепления системы маркировки ГМО-продукции [5], которая была направлена на внесение в список ГМО-ингредиентов, используемых в продуктах отечественного производства. Тем не менее общественные круги восприняли данное обещание как утверждение о «полной маркировке и внесении в перечень всех продуктов, содержащих модифицированные гены».

В апреле 2018 г. в Сеуле прошли массовые митинги (около 500 человек), направленные на предоставление списка генетически

модифицированных организмов на этикетках, а также была подана общественная петиция, которая набрала почти 217 тыс. подписей¹. Главным предубеждением демонстрантов о полной маркировке стала уверенность во вреде ГМО, а также их право на знание содержания каких-либо ингредиентов данного типа в покупках. Лозунги были следующими [14]:

- Среди фермеров: «Я не хотел бы, чтобы у нас были ГМО-продукты, однако правительство продолжает их импортировать. Я боюсь ГМО. Попад один раз в организм крыс, они могут лишиться их потомства. Я хочу, чтобы у нас была здоровая Республика Корея»;

- «Ведущие политики довольствуются продуктами без ГМО, в то время как обычные люди даже не знают, что они потребляют»;

- «Плохая маркировка ГМО – нет, лучшая маркировка – да!»;

- «Изгнать ГМО из страны, чтобы предотвратить вымирание человечества!»;

- «Прекратить уступки в отношении популярных конгломератов и начать процесс утверждения открытой системы индексации ГМО».

Кроме того, в 2018 г. произошел еще один митинг по прекращению использования ГМО-продуктов компании Monsanto. Требования активистов сводились к следующему [12]:

1. «Система маркировки ГМО!»;

2. «Школьные обеды без ГМО!»;

3. «Прекращение коммерческого использования ГМО-технологий!»;

4. «Безопасность ГМО-технологий и продуктов должна быть научно доказана. Правительству следует незамедлительно провести индексацию генетически модифицированных ингредиентов и продуктов. Потребители имеют право знать, что они едят»;

5. «Учащиеся (школьники) – будущее нашей нации. Они заслуживают того, чтобы потреблять экологически чистую пищу»;

6. Ко Ын Ён (на тот момент кандидат от прогрессивной оппозиционной партии «Зелёная партия Кореи» на пост губернатора Чечжу): «ГМО-продукты угрожают здоровью человечества. Пра-

¹ Согласно установленным правилам, в Республике Корея правительство должно предпринять меры в отношении требований, указанных в петициях, набравших 200 тыс. подписей и более.

вительство должно незамедлительно остановить продажу продукции Monsanto!»

При этом продукция компании прошла проверки на безопасность в Министерстве безопасности пищевых продуктов и медикаментов и была одобрено к потреблению.

На основе данных лозунгов можно сделать вывод, что население Южной Кореи плохо осведомлено как о пользе, так и вреде генномодифицированных продуктов и руководствуется лишь голословными утверждениями.

Мун Чжэ Ин (2017–2022) в своем обещании о маркировке ГМО лишь утверждал о необходимости налаживания системы и стандартизации ее на уровне развитых стран. Одновременно с этим обычные граждане предположили о создании полного списка ГМО-продуктов. Данное требование сложно осуществимо ввиду следующей причины: большинство продуктов и ингредиентов для производства местных продуктов питания в основном импортируется из других стран (например, уровень самообеспечения соей составляет только 9,4%, кукурузой – 0,9% [5]). Введение системы полной маркировки приведет к высокой степени инфляции и торговым спорам с основными странами-поставщиками.

Бывший президент Мун говорил лишь о снижении идентификации продукции как «не ГМО» с 3% до 0,9% (уровня Европейского союза). Однако ни о какой полноценной маркировке продукции не говорилось.

Со стороны администрации Мун Чжэ Ина предпринималась попытка по выполнению требований общественности: был создан «консультативный орган по ГМО», куда вошли представители научных кругов, пищевой промышленности и гражданского общества [6]. Тем не менее вызванные разногласия со стороны задействованных групп лиц привели к приостановке деятельности совета.

Очередным выступлением против ГМО стала демонстрация в 2021 г., во время которой представители от 46 общественных организаций высказались против политики Мун Чжэ Ина и свое недовольство невыполнением обещаний его предвыборной кампании по ГМО-маркировке [7]. Демонстранты также указали на то, что в провинциях незаконно выращиваются сельскохозяйственные культуры рапса (семена которого поставляет компания Monsanto),

что говорит о халатности проверок и отношения к безопасности граждан со стороны органов власти [7].

Правительство Юн Сок Ёля (2022)

Во время предвыборной гонки среди обещаний Юн Сок Ёля, впоследствии выбранного на должность президента Республики Корея, прозвучало обещание о «полной маркировке ГМО-продуктов» [8]. Данный тезис вызвал резонанс среди кругов пищевой промышленности и побудил интерес среди гражданского населения к процедуре имплементации и внедрения. Со слов Юн Сок Ёля, цель полной индексации заключается в гарантии прав потребителей на знание и расширении права выбора.

Согласно стандартам маркировки 2019 г., объекты ограничиваются случаями содержания измененных ДНК или белковых компонентов на конечной стадии потребления. Кроме того, ГМ-ингредиенты подлежат обязательной маркировке на всех продуктах, даже если следы генномодифицированной ДНК не обнаружили во время процесса обработки.

Тем не менее отношение различных кругов к обещаниям нового президента разнятся. В то время как гражданское общество настаивает на изменении стандартов существующей системы, представители пищевой промышленности не согласны с данными требованиями.

1. Мнение общества: «Мы продолжим осуществлять мониторинг действий следующего правительства в сфере системы маркировки. Однако несмотря на то что правительство заявляет о реализации полной индексации, хотя льготный период по меньшей мере составляет 3–4 года, скорее всего, решение вопроса прекратится на стадии частичного применения». То есть граждане не уверены в полноценной реализации задуманных планов нового президента.

2. Представители пищевой промышленности занимают противоположную позицию и констатируют рост негативного представления среди потребителей. В частности, они выражают обеспокоенность, что при внутренней проверке готовых продуктов, импортируемых иностранными компаниями, при изготовлении которых используются ГМО, невозможно подтвердить нали-

чие следов измененной ДНК или белка, и они маркируются, как «не ГМО» (Non – GMO). Утверждение требуемых стандартов приводит к дискриминации национальной продукции.

При этом на фоне возросшего внимания к теме упорядочения системы маркировки, эксперты отмечают, что Южная Корея является одним из основных государств – импортеров сельскохозяйственной продукции с ГМО. Вследствие осуществления крупномасштабных импортных покупок будет нанесен ущерб прежде всего по большей части населению. Следовательно, распространяется мнение о том, что необходимо поставлять продукты, которые можно потреблять и которым можно доверять, с учетом требований потребителей, призывающих к огласке информации о товарах с содержанием ГМО.

Вскоре, спустя 3 года после начала пандемии COVID-19, вслед за инаугурацией нового президента в мае 2022 г., вновь разгорелись митинги. Участники «гражданской волны против ГМО Bayer – Monsanto 2022» выразили недоверие к планам нового правительства в сфере генномодифицированных продуктов в результате публикации «110 целей правительства», в которых данная тема была опущена, что привело к новой волне протестов. На этот раз среди уже утвердившихся лозунгов в отношении данной темы, как в 2018 и 2021 гг., добавились новые комментарии [10]:

- «...Monsanto символизирует ГМО и монополию на рынке семян, а Корея до сих пор зависима от ее влияния. Мы приложим все усилия по возвращению сельскохозяйственных культур без ГМО»;

- «Новый вид ГМО-технологии – “генетические ножницы”¹ – является еще одним видом, который нельзя игнорировать. Технология, такая как “генетические ножницы”, которая представляет технологические и этические риски, должна контролироваться демократическим путем посредством независимого участия граждан. Вместо этого, Министерство торговли, промышленности и энергетики, игнорируя общественный консенсус, намерено ослабить уре-

¹ Речь идет о технологии «CRIPSR – Cas9», которая позволяет редактировать геном, исключая вредоносные белки. Однако «разрез» ДНК, «редактирование путем исключения» многими специалистами не приравнивается к ГМО; это совершенно другая технология.

гулирование новейших ГМО-технологий, выдвигая введение поправок к “Закону о транспортировке ГМО между странами» [3; 8; 11];

- «ГМО-характерный “зеленый камуфляж”, прикрытие по защите окружающей среды. Агропродовольственные и агрохимические многонациональные корпорации преподносят технологию разработки ГМО как “экочистую” и в качестве метода “климатически умной агропромышленности”. ГМО разрабатывается, исходя из логики капитализма, и служит только интересам бизнеса и наносит ущерб жизням фермеров по всему миру».

Правительственные круги

В 2020 г. среди членов Национального собрания 21-го созыва был проведен опрос о необходимости внедрения маркировки ГМО. Согласно опубликованным данным, 41,9% респондентов высказались в пользу «необходимости расширения», 14,5% ответили – «следует сохранить» [4].

На вопрос о заинтересованности в сфере ГМО наблюдаются тенденции спада: по состоянию на 2016 г. – 39,6%, в 2020 г. – 25,5% [4]. Среди причин, обуславливающих интерес чиновников к данной тематике, следует отметить: «сомнения относительно безопасности», «беспокойство среди граждан страны», «альтернативный способ по реагированию на продовольственный кризис в результате изменений климата», «увеличение посевной площади для ГМО-культур по всему миру».

Однако на вопрос о необходимости внедрения ГМ-технологий количество положительных ответов составило только 19,2% ввиду низкой заинтересованности. В ходе проведенного опроса, посвященного «процессу коммерциализации ГМ-продукции, разрабатываемой на национальном уровне», респонденты, которые «относятся положительно», составили 18%, «отрицательно» – 25%, «затруднились ответить» – 57% [4].

На вопросы о безопасности ГМО 5 из 10 человек ответили – утвердительно. Количество ответов «не безопасно» сократилось на 30% по сравнению с 2017 г. и составило в 2020 г. – 39,8% [4]. Причинами, обусловившими выражения мнения «против», стали уверенность в «недостаточной осведомленности о ГМО» и «случаях, подтверждающих риски».

Среди респондентов 50,4% высказались «за поставки пищевых ингредиентов без ГМО», однако среди политических кругов отмечается такое соотношение: прогрессисты составили 62,9%, умеренные – 48,4, консерваторы – 29,3% [4].

Как показывают данные, именно консерваторы, по сравнению с остальными менее всего поддерживают идею импортных поставок продуктов с ГМО-элементами. Такое отношение отразилось в обещаниях новоизбранного президента Юн Сок Ёля, представляющего консервативную партию «Сила народа».

Тем не менее в ходе опроса в отношении темы «влияния ГМО» среди членов Национального собрания отмечаются также тенденции положительного восприятия: «ГМО принесет больше пользы человечеству, нежели потерь», «они будут хорошо приняты в нашем обществе». Данный фактор говорит о различии в подходах к оценке влияния ГМО на жизни людей среди правительственных кругов и гражданского общества. Нежелание обычных граждан воспринимать положительные факторы, их радикальные настроения в отношении полной детализации состава продуктов и искоренения генетически замененных элементов говорят о труднодостижимом консенсусе в решении данного вопроса.

Таким образом, констатируется, что в южнокорейском обществе очень развито негативное восприятие ГМО-продукции. Основные причины, приведшие к этому, – распространение недоказанных фактов, таких как «небезопасность», «повышенный риск развития онкологических заболеваний», «бесплодие».

Кроме того, следует сделать предположение, что общественные круги особенно беспокоятся ввиду высокой импортной зависимости в поставках продовольствия из развитых стран, прежде всего США. В 2018–2022 гг. неоднократно проходили акции протестов по закупкам продукции компании Monsanto (американская) и упрощения правил по ввозу и распространению ее сельскохозяйственных товаров на территории Республики Корея, в которых содержится большой процент ГМО. Также, основываясь на собственных выводах, можно отметить распространение антиамериканских настроений, которые увеличивают рост недовольства среди корейцев.

Гражданское население Южной Кореи активно требует от правительства внедрения «полной маркировки ГМО-ингредиен-

тов» на этикетках продуктов для обеспечения их законных прав по оповещению того, что они едят. Как показывают данные, с 2020 г. среди правительственных кругов возросло количество заинтересованных по внедрению такой системы на национальном уровне, приближенной по стандартам к развитым странам.

В ходе предвыборной гонки бывший президент Мун Чжэ Ин заявил о необходимости «усиления системы индексации содержания ГМО». Данный тезис был неправильно воспринят среди граждан Кореи, которые неоднократно обвиняли лидера в нарушении обещания и неосуществлении планов по «внедрению определения полного перечня ГМО в продукции».

Избранный на пост президента кандидат от партии «Сила народа» Юн Сок Ёль вновь поднял вопрос в отношении существующей проблемы, заявив об осуществлении «полной маркировки ГМО-продуктов». Тем не менее среди основных проектов новой администрации пункт с темой генномодифицированных продуктов не поднимался. Такое нарушение обещаний привело к новой волне протестов, в которых отражались лозунги прошлых лет, но одновременно добавились новые – относительно «экологичности», «коммерциализации вредных ГМО» и «усовершенствования технологий этой области, таких как «генетические ножицы».

Констатируется, что круги агропромышленного производства не согласны с требованиями гражданского общества по внедрению системы маркировки, которая может привести к продовольственному кризису, дискриминации национальной продукции, торговым спорам с основными странами – поставщиками и высоким темпам инфляции, что окажет сильный удар по населению Республики Кореи.

Стоит добавить, что резонансное мнение вызвано рядом причин, и основанная из них – нежелание со стороны правительства публично обсуждать данную проблему. Одновременно с этим среди аналитических работ корейских экспертов отмечается недоверие общества к научным кругам, которые спонсируются государством. Такие противоречия приводят к росту количества недовольных граждан и укреплению степени уверенности в халатности отношения государства и правительственных кругов к их здоровью.

Список литературы

1. ГМО, прочно закрепившиеся в обычной жизни всего мира. История о несбыточности культивирования сельскохозяйственных культур в Корее = 농업전문기자, 전세계 일상 깊숙이 들어온 GMO...한국선 작물재배 꿈도 못꾸는 사연은, 05.12.2021 // Mk.co.kr. – URL: <https://www.mk.co.kr/news/economy/view/2021/12/1116726> (дата обращения: 05.06.2022). – Кор. яз.
2. Закон о продовольственной санитарии от 1 января 2022 г. (Закон № 18363 с изменениями и дополнениями от 27 июля 2021 г.). статья № 18. = 식품위생법 [시행 2022. 1. 1.] [법률 제18363호, 2021. 7. 27., 일부개정], 10.06.2022 // Law.go.kr. – URL: <https://www.law.go.kr/LSW//lsLinkProc.do?lsNm=식품위생법&chrClsCd=010201&mode=20#0000> (дата обращения: 11.06.2022). – Кор. яз.
3. Закон о транспортировке генетически модифицированных организмов между странами от 12 июня 2019 г. (Закон № 15868 от 12 декабря 2018 г. с изменениями) = 유전자변형생물체의 국가간 이동 등에 관한 법률[시행 2019. 6. 12.] [법률 제15868호, 2018. 12. 11., 일부개정] // 국가법령정보센터, 12.06.2019 // Law.go.kr. – URL: <https://www.law.go.kr/법령/유전자변형생물체의국가간이동등에관한법률> (дата обращения: 11.06.2022). – Кор. яз.
4. Количество чиновников Национальной Ассамблеи, выступающих «за расширение системы маркировки ГМО» увеличивается, а поддерживающих «сохранение существующей системы» уменьшается = 국회의원 GMO 표시 '확대해야' 늘고, '현행 유지' 줄어, 19.01.2021 // Foodnews.co.kr. – URL: <https://www.foodnews.co.kr/news/articleView.html?idxno=76588> (дата обращения: 11.06.2022). – Кор. яз.
5. Обещание «укрепить систему маркировки ГМО» выполняется = 'GMO 표시제도 강화' 공약은 진행중, 18.09.2018 // Newstof.com. – URL: <http://www.newstof.com/news/articleView.html?idxno=950> (дата обращения: 11.06.2022). – Кор. яз.
6. Обещание Юн Сок Ёля о «полной маркировке ГМО» привело к «сопротивлению» среди кругов пищевой промышленности = 윤석열 공약 'GMO완전표시제' 식품업계 '떨떠름', 10.03.2022 // M.ekn.kr. – URL: <https://m.ekn.kr/view.php?key=20220310010001680> (дата обращения: 11.06.2022). – Кор. яз.
7. «Осуществим систему полной маркировки ГМО до истечения срока полномочий Мун Чжэ Ина!» = “문 대통령 남은 임기 내 GMO 완전표시제 시행하라”,

- 21.05.2021 // Agrinet.co.kr. – URL: <http://www.agrinet.co.kr/news/articleView.html?idxno=301224> (дата обращения: 11.06.2022). – Кор. яз.
8. Постановление о введение в действие закона о транспортировке ГМО между странами от 9 сентября 2021 г. (Указ Президента № 31001 с частичными изменениями) = 유전자변형생물체의 국가간 이동 등에 관한 법률 시행령 [시행 2021. 3. 9.] [대통령령 제31001호, 2020. 9. 8., 일부개정] // 국가법령정보센터, 09.03.2021 // Law.go.kr. – URL: <https://www.law.go.kr/법령/유전자변형생물체의국가간이동등에관한법률시행령> (дата обращения: 11.06.2022). – Кор. яз.
9. Правила проведения экспертизы безопасности генетически модифицированных пищевых продуктов от 6 августа 2021 г. (Приказ Министерства безопасности пищевых продуктов и медикаментов № 2021–67 по состоянию на 6 августа 2021 г.) = 유전자변형식품등의 안전성 심사 등에 관한 규정[시행 2021. 8. 6.] [식품의약품안전처고시 제2021–67호, 2021. 8. 6., 일부개정], 06.08.2021 // Law.go.kr. – URL: <https://www.law.go.kr/행정규칙/유전자변형식품등의%20안전성%20심사%20등에%20관한%20규정> (дата обращения: 09.06.2022). – Кор. яз.
10. Спустя 3 года в центре Сеула вновь прозвучали лозунги «против ГМО» = 3년만에 서울 한복판서 울려 퍼진 ‘GMO 반대’ 함성, 21.05.2022 // Ikpnews.net. – URL: <http://www.ikpnews.net/news/articleView.html?idxno=47483> (дата обращения: 11.06.2022). – Кор. яз.
11. Стандарты маркировки генетически модифицированных пищевых продуктов от 28 октября 2019 г. (Приказ Министерства безопасности пищевых продуктов и медикаментов № 2019–98 с частичными изменениями) = 유전자변형식품등의 표시기준 [시행 2019. 10. 28.] [식품의약품안전처고시 제2019–98호, 2019. 10. 28., 일부개정] // 국가법령정보센터, 28.10.2019 // Law.go.kr. – URL: <https://www.law.go.kr/행정규칙/유전자변형식품등의%20표시기준> (дата обращения: 11.06.2022). – Кор. яз.
12. Jhoo Dong-chan. Monsanto Targeted by Anti-GMO Activists // The Korea Times. – 25.05.2018. – URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/04/113_247041.html (дата обращения: 11.06.2022).
13. Kim Jin-hyun. Is Corn with GMO Safe? // The Korea Times. – 28.09.2017. – URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2017/08/137_234462.html (дата обращения: 09.06.2022)
14. Ko Dong-hwan. Consumers, Farmers Demand Food Labels List GMO Ingredients // The Korea Times. – 2018. – 04.11. – URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/04/113_247041.html (дата обращения: 11.06.2022).

ФИЛИППОВ Д.А.* КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УБИЙСТВ В ЯПОНИИ: ОТ ИТО ДО АБЭ.

Аннотация. В свете убийства бывшего премьер-министра Японии Синдзо Абэ 8 июля 2022 г. в данной статье рассматриваются другие покушения на японских лидеров в XX в. Несмотря на то что современная Япония известна своей общественной безопасностью, а политически мотивированные преступления там случаются исключительно редко, в довоенную эпоху политический террор нередко использовался ультраправыми активистами в качестве рычага давления на японскую внутреннюю и внешнюю политику, а его жертвами всего за пару десятилетий пали несколько как действующих, так и бывших премьер-министров. В статье также прослеживается эволюция националистического движения в Японии как по своему составу и целям, так и по методам.

Ключевые слова: Абэ; Япония; японская политика; национализм; политические убийства.

FILIPPOV D.A. A brief history of political assassinations in Japan: from Ito to Abe.

Abstract. In light of Japan's former prime minister Shinzo Abe's assassination on 08 July 2022, this article examines other examples of attacks and murders of Japanese leaders in the 20th century. While modern Japan is known for its public safety and politically motivated crimes are exceedingly rare, political terrorism was often used in prewar Japan by far-right activists as a means to influence Japan's domestic and foreign policies. In just a couple of decades, it claimed several prime ministers, both current and former, as its victims. The

* Филиппов Дмитрий Александрович – PhD; научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

article also traces the evolution of Japanese nationalism in both its make-up and goals, as well as its methods.

Keywords: Abe; Japan; Japanese politics; nationalism; political assassinations.

Для цитирования: Филиппов Д.А. Краткая история политических убийств в Японии: от Ито до Абэ // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 4. – С. 162–171. DOI: 10.31249/rva/2022.04.09

8 июля 2022 г. бывший премьер-министр Японии Синдзо Абэ, ставший на момент отставки в 2020 г. самым долговечным японским лидером, прибыл в древнюю столицу Японии город Нагоя. Его визит был связан с июльскими выборами в верхнюю палату японского парламента – Абэ выступал с речью в поддержку кандидата правящей Либерально-демократической партии Кэй Сато. Во время выступления он был смертельно ранен 41-летним бывшим моряком сил самообороны Японии по имени Тэцуя Ямагами, который дважды выстрелил в бывшего премьер-министра со спины из самодельного ружья. Абэ экстренно доставили на вертолете в больницу, однако все усилия врачей оказались напрасны, и он скончался от кровопотери в тот же день в возрасте 67 лет.

По словам террориста, который после убийства не пытался бежать или оказывать сопротивление полиции, он не испытывал неприязни к политическим взглядам Абэ, однако винил его в связях с южнокорейской неорелигиозной сектой Церковь объединения, ошибочно приписывая Абэ популяризацию этой организации на территории страны [10]. Известно, что Ямагами не принадлежит к какой-либо радикальной группе и не имеет явных политических убеждений, знакомые описывали его как неприметного, замкнутого и тихого человека – черты, которые его объединяют скорее не с довоенными террористами и радикалами, а с современными массовыми и серийными убийцами.

Политическое убийство фигуры масштаба Абэ, причем с помощью огнестрельного оружия, шокировало Японию. По числу смертей от огнестрельного оружия на душу населения Япония находится на последнем месте среди стран, входящих в «Группу семи», – 0,03 на 100 тыс. человек. За первые шесть месяцев 2022 г. в Японии было зарегистрировано всего 10 таких случаев, причем

восемь из них были связаны с деятельностью криминальных групп *якудза*. Такая низкая статистика объясняется тем, что крайне малое число японцев владеет огнестрельным оружием, что в свою очередь обусловлено жесткими законами, которые со временем становились более ограничительными [7].

Последние годы показали, что даже либерально-демократические государства не защищены от покушений на жизнь политиков и их убийств. В США в 2017 г. в результате нападения был ранен конгрессмен от Республиканской партии Стив Скалис [11]; в Великобритании в 2016 г. была убита парламентарий от Лейбористской партии Джо Кокс (убийца также использовал изготовленный дома пистолет), а в 2021 г. – член Консервативной партии Дэвид Эймисс [8]. Однако даже эти трагические случаи не вполне сравнимы по масштабу с убийством бывшего лидера государства; пожалуй, последний раз подобное произошло в 2007 г., когда в результате покушения погибла экс-премьер-министр Пакистана Беназир Бхутто. В послевоенной же Японии, где выступления даже крупных политиков проходят в крайне открытой обстановке, такие инциденты были фактически немыслимы и случались всего дважды, оба раза в 1960 г. В июле уходящий с поста премьер-министра Нобусукэ Киси, по совпадению являвшийся дедом Абэ по материнской линии, пострадал от нескольких ножевых ранений, нанесенных пожилым безработным по имени Тайсукэ Арамаки, чьи мотивы так и не удалось доподлинно установить [9]. В октябре во время предвыборных дебатов на телеканале NHK ультраправый активист Отоя Ямагути смертельно ранил самурайским мечом *вакидзаси* лидера Социалистической партии Японии Инэдзиро Асанума.

Нельзя сказать, что после этого в политической жизни Японии воцарилось полное умиротворение – достаточно вспомнить серию терактов, совершенных в 1970–1980-х годах различными ультралевыми группировками, или зариновую атаку в токийском метро в марте 1995 г., за которую была ответственна неорелигиозная секта «Аум Синрикё», – однако в целом японскому политическому климату была свойственна стабильность, тогда как традиции политических убийств и террора остались в далеком прошлом. И даже во второй половине 2010-х годов страна, казалось, избежала подъема политического радикализма, охватившего США и За-

падную Европу. Однако едкий запах пороха и столб белого дыма, вырвавшийся из самодельного дробового ружья Тэцуя Яагами, не может не напоминать о первых десятилетиях XX в., когда политически мотивированные убийства государственных деятелей и коммерсантов регулярно сотрясали Японию, а тактика прямого действия стала методом борьбы недовольных направлением развития страны одиночек.

История политического насилия и убийств в довоенной Японии неотделима от развития японского экспансионизма и национализма с конца XIX в. В результате Реставрации Мэйдзи 1868 г. военное правительство сегунов Токугава было формально упразднено, а имперская власть возрождена. Фактическим же управлением страны занимались самураи из княжеств Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн, которые в правление клана Токугава считались неблагонадежными и всячески ущемлялись в правах. Впрочем, хотя новое правительство по составу и было самурайским, его масштабные социоэкономические реформы нанесли удар, в первую очередь, именно по привилегиям и материальному положению самураев [4]. Некоторые из них стали вовлекаться в торгово-денежные отношения, становясь предпринимателями или банкирами, однако многие постепенно разочаровались в Реставрации Мэйдзи и искали выход в своем многовековом ремесле – войне. Они стали требовать от правительства покорения Кореи и Тайваня, а также пересмотра неравноправных договоров с западными странами, однако оно не спешило делать ни то, ни другое.

В результате часть бывших самураев, считая новую власть нерешительной и мягкотелой, подняли в 1877 г. мятеж (известный как Сацумское восстание), который, однако, был подавлен, а лидер бунтовщиков, вчерашний герой Реставрации Такамори Сайго, совершил ритуальное самоубийство *сэппуку*. В течение последующих десятилетий в Японии не происходило масштабных социальных потрясений, чему способствовали принятие новой конституции и учреждение парламента, которые установили в стране некоторое социальное равновесие. Тем не менее возникшие в это время националистические тайные общества, так же как и участники Сацумского восстания, выступали за немедленную экспансию Японии в Восточной Азии и построение отношений со странами Запада на более равноправной основе. О решимости японских

националистов проводить агрессивную внешнюю политику свидетельствуют сами названия двух ключевых организаций тех лет – «Общество темного океана» (яп. *Гэнъёся*), получившее имя в честь залива Гэнкай, отделяющего остров Кюсю от Корейского полуострова, и «Общество черного дракона» (яп. *Кокурюкай*), названное по китайскому топониму реки Амур и поклявшееся не допустить территориального продвижения Российской империи в Восточной Азии южнее Амура. Несмотря на довольно радикальную внешнеполитическую повестку, данные группы выступали против силовых методов во внутренней политике и старались повлиять на общественное мнение и действия правительства с помощью пропаганды. Между тем результатом именно территориального расширения Японии, за которое ратовали японские ультраправые деятели, стало первое громкое политическое убийство японского политика в XX в.

В 1905 г. по итогам Русско-японской войны Корея стала протекторатом Японии. Генерал-резидентом Кореи был назначен Хиробуми Ито, первый премьер-министр Японии, впоследствии занимавший этот пост еще трижды, а также возглавлявший совет старейшин, или *гэнро*, который фактически управлял страной при императоре Мэйдзи. 26 октября 1909 г. Ито встречал на перроне вокзала Харбина министра финансов России Владимира Коковцова, с которым собирался обсудить планы аннексии Кореи. Обойдя почетный караул, Ито и Коковцов направились к встречающим их японским жителям Харбина. Неожиданно прозвучало шесть выстрелов, три из которых попали в Ито, смертельно ранив его; политик вскоре скончался. Его убийцей оказался молодой корейский националист по имени Ан Чун Гын, который обвинял Ито в том, что тот обманном путем вынуждал императора проводить колонизаторскую политику в Корее (на самом же деле Ито, напротив, выступал против ее аннексии) [3]. Ан был приговорен к казни и повешен в марте 1910 г., а убийство Ито ускорило процесс аннексии Кореи, который был завершен в том же году.

Параллельно с этими событиями менялись и черты крайне правого движения в Японии. Идеологи радикального национализма конца XIX и начала XX в. считали, что интересам их страны лучше всего служит экспансия в Восточной Азии, и сближались на почве общих стремлений с правительственными кругами. Таким

образом, ультраправая идеология Японии тех лет была обращена вовне и со временем стала тождественна государственному курсу. В период Первой мировой войны, итоги которой для Японии воспринимались в националистических кругах как неудовлетворительные, в стране зарождается новое движение, зачастую определяемое как фашистское. Молодые ультраправые деятели считали, что дальнейшая экспансия в регионе невозможна без стабилизации империи и изменений в обществе. Таким образом, правый радикализм в Японии 1910–1930-х годов обладал внутренней направленностью, имел не элитарный, а массовый характер и был нацелен на установление в стране диктатуры.

В ноябре 1921 г. в Вашингтоне была запланирована международная конференция по вопросам положения на Тихом океане, которую организовали США и Великобритания с участием Франции, Италии, Голландии, Бельгии, Португалии и Китая. Япония также получила приглашение, однако приняла его с неохотой – было очевидно, что настоящей целью конференции является ограничение японской военной мощи в регионе. В это время правительство Японии возглавлял Такаси Хара, которого недолюбливали как левые, так и правые силы страны. Особенно же ненавидели его военные и ультраправые деятели, поскольку Хара имел репутацию либерала, проводил мягкую колониальную политику и на важные позиции назначал выходцев из гражданской среды, придерживающихся умеренных взглядов.

За неделю до начала Вашингтонской конференции Хара находился на токийском вокзале, ожидая поезд до Киото, когда он был убит ударом кинжала, нанесенным девятнадцатилетним работником вокзала Конъити Накаока. Террорист считал Хара коррупционером и предателем Японии и критиковал его за слишком либеральные меры, в особенности планы по введению всеобщего избирательного права. Народные протесты и раньше приводили к отставкам премьер-министров, но теперь их итогом стала смерть японского лидера [6].

Радикализация происходила не только среди националистических организаций, но и в среде военных. Молодые офицеры вступали в тайные общества и проводили встречи, на которых читали запрещенные сочинения. Это не могло не волновать правительство, поскольку подобные действия нарушали закон о запре-

щении участия военных в политике. Особой популярностью среди японских офицеров пользовались работы Икки Кита, старшего сына зажиточного винодела. В отличие от многих ультраправых деятелей того времени, Кита не любил выступать на публике, не имел карьерных амбиций, а напротив, был стеснительным, мечтательным человеком [5]. Творчество Кита являлось туманной и зачастую непоследовательной комбинацией крайне левых и крайне правых идеологий, но в целом его трактаты (самым известным из которых стал «План реорганизации Японии» 1923 г. – настольная книга многих японских фашистов) поддерживали идеи милитаризма и колониализма как «спасение» восточноазиатских государств, стонущих под гнетом западного империализма [2]. В императоре он видел символ народного единения, который был очернен правительственными кликами.

Если Икки Кита можно назвать главным идеологом зарождающегося фашистского движения в Японии, то его главным организатором, без сомнения, стал Сюмэй Окава. Его стараниями в 1919 г. было создано Общество остающихся (яп. *Юдзонся*), декларация которого пропагандировала идеи мессианства японской нации и установления жесткой централизованной власти в самой Японии. К 1920-м годам как Окава, так и Кита пришли к выводу, что одной пропаганды для достижения своих целей недостаточно, и стали одобрять террористические методы. Их стараниями ультраправая идеология быстро распространялась в армии и на флоте, и именно с деятельностью военных группировок связаны многочисленные политические убийства и теракты в 1920–1930-х годах, включая две попытки военного переворота. Всего за несколько лет армия стала главной политической силой Японии, оттеснив политические партии и корпорации *дзайбацу* – всех тех, кого крестьяне считали повинными в бедах страны, от кризиса в японской деревне до неудач на международной арене. И в отличие от ранних идеологов японского национализма или потомственных военных, слову они предпочитали дело, не боясь использовать насильственные методы для достижения своих целей.

В ноябре 1930 г. на платформе токийского вокзала, где в 1921 г. был смертельно ранен премьер-министра Хара, нападению подвергся другой премьер-министр, Осати Хамагути [1]. Преступником оказался ультраправый активист Томэо Сагоя, входивший в

Общество патриотов (яп. Айкокуся). Хамагути в глазах японских националистов являлся символом нерешительной и пассивной «старой гвардии», управлявшей страной. Хамагути пережил нападение, однако все же умер от его последствий год спустя.

15 мая 1932 г. произошла первая попытка государственного переворота, вошедшая в японскую историографию как «инцидент 15 мая» (яп. *го-итиго дзикэн*). Прологом к нему послужили несколько убийств чиновников и промышленников. 9 февраля во время митинга был убит бывший министр финансов Дзюнносукэ Иноуэ, а 5 марта – управляющий одной из компаний концерна Мицуи по имени Такума Дан. В обоих случаях расследование привело полицию к группировке Братство Крови (яп. *Кацумэйдан*). Как и убийца Абэ многие десятилетия спустя, члены общества не пытались ускользнуть от правосудия, а напротив, явились в полицию с повинной, раскрыв планы готовящихся терактов.

15 мая 26 молодых офицеров, разделившись на несколько групп, совершили ряд нападений: одна группа застрелила премьер-министра Цуёси Инукаи; вторая бросила гранату в дом министра внутренних дел; третья – в штаб-квартиру партии Сэйюкай, а четвертая – в здание банка Мицубиси. Следуя примеру террористов из Братства Крови, ответственные за неудавшийся путч офицеры и идеологи добровольно сдались полиции, и именно в их сторону склонились народные симпатии, тогда как убитый премьер-министр Инукаи сочувствия не вызывал.

Вторая попытка переворота, известная как «инцидент 26 февраля» (яп. *нинироку дзикэн*), произошла зимой 1936 г. и одновременно стала кульминацией фашистского движения в Японии и ознаменовала его крах. Утром 26 февраля по Токио прокатилась волна нападений, в результате которых были убиты ряд высокопоставленных политиков и предпринимателей, в числе которых были бывшие премьер-министры Макото Сайто и Корэкиё Такахаси. В планах было убийство действующего премьер-министра Кэйсукэ Окада, однако вместо него мятежники по ошибке застрелили его брата. Вопреки ожиданиям восставших, их действия не одобрил ни народ, ни император, который назвал происходящее бунтом. Не получив поддержки, на которую они рассчитывали, участники переворота вернулись в казармы и были арестованы. Бунтовщики смогли лишить жизни нескольких престарелых политиков, однако

им не удалось сменить государственный строй. К смертной казни были приговорены 17 руководителей путча, включая Икки Кита. Последний не принимал фактического участия в попытке переворота, однако его сочинения пользовались популярностью среди заговорщиков, а потому власти сочли его опасным, и Кита был расстрелян в августе 1937 г. Стало очевидно, что народные массы на этот раз осудили тактику прямого действия и силовыми методами избавиться от парламента и чиновников невозможно.

Макото Сайто и Корэкиё Такахаси, погибшие в один день, 26 февраля 1936 г., стали последними главами японского правительства, скончавшимися от рук убийц, до 8 июля 2022 г., когда был смертельно ранен Абэ. И, хотя эти два события разделяют 86 лет и радикальные социально-политические перемены, смерть Абэ пробуждает в памяти мрачную традицию ультраправого терроризма, ведь самый долговечный премьер-министр Японии – лишь последняя жертва долгой череды политически мотивированных нападений на японских лидеров.

Список литературы

1. История Востока : в 6 т. / редкол.: Р.Б. Рыбаков, Л.Б. Алаев, В.Я. Белокреницкий и др. Т. 5 : Восток в новейшее время (1914–1945). – Москва : Восточная литература, 2006. – 717 с.
2. Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм : идеология и политика. – Москва : Международные отношения, 2012. – 416 с.
3. Мазуров И.В. Японский фашизм: теоретический анализ политической жизни в Японии накануне Тихоокеанской войны. – Москва : Восточная литература, 1996. – 156 с.
4. Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. – Москва : Наталис, 2009. – 736 с.
5. Мещеряков А.Н. Быть японцем : история, поэтика и сценография японского тоталитаризма. – Москва : Наталис, 2009. – 592 с.
6. Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии : идеология и политика. – Москва : Восточная литература, 1999. – 319 с.
7. BBC: Shinzo Abe : What is Japan's record on gun violence? – URL: <https://www.bbc.co.uk/news/62095447> (дата обращения 09.07.2022).
8. Booth A. Sir David Amess, Jo Cox and the knotty problem of local constituency security. – URL: <https://theconversation.com/sir-david-amess-jo-cox-and-the-knotty-problem-of-local-constituency-security-170082> (дата обращения 09.07.2022)

9. Packard G.R. Protest in Tokyo: The Security Treaty Crisis of 1960. – Princeton : Princeton University Press, 1966. – 423 p.
10. The Asahi Shimbun: Abe's Suspected Killer Led Life of 'Hard Times' Because of Group. – URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/14665993> (дата обращения 10.07.2022).
11. The New York Times: Congressman Steve Scalise Gravely Wounded in Alexandria Baseball Field Ambush. – URL: <https://www.nytimes.com/2017/06/14/us/steve-scalise-congress-shot-alexandria-virginia.html> (дата обращения 09.07.2022).

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
2022 № 4

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 14.08.1999 г.

Подписано к печати 06.09.2022

Формат 60×84/16	Бум. офсетная № 1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 10,75	Уч.-изд. л. 8,9
Тираж 300 экз.	Заказ № 65
(1–100 экз. – 1-й завод)	

Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У
